

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г.
Короленко»
Кафедра английской филологии**

ЖУРАВЛЕВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

**ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
НЕМАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНЫХ
ГИПОТАКТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

10.02.19 – теория языка

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент Орехова Н.Н.**

Глазов 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ГИПОТАКСИСА В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ	13
1.1. Эволюция представлений о сложном предложении в лингвистике.....	13
1.2. Категориальные особенности подчинительной связи.....	26
Выводы по первой главе	46
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМАРКИРОВАННОГО ГИПОТАКСИСА	48
2.1. Генетические и структурные особенности немаркированных сложноподчиненных предложений.....	48
2.2. Лингвистические и экстралингвистические предпосылки развития немаркированного гипотаксиса	75
2.3. Факторы, мотивирующие выбор немаркированного варианта сложноподчиненного предложения.....	90
Выводы по второй главе	99
ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ НЕМАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	101
3.1. НСПП с придаточными объектными.....	101
3.2. НСПП с придаточными, замещающими позиции главных членов предложения.....	137
3.3. НСПП с придаточными обстоятельственными	144
3.4. НСПП с придаточными атрибутивными.....	161
3.5. Конструкция апо койну.....	171
Выводы по третьей главе	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
ЛИТЕРАТУРА	190

ИСТОЧНИКИ	212
ПРИЛОЖЕНИЯ	219
Приложение 1. Общее процентное соотношение различных типов НСПП в выборке	219
Приложение 2. Динамика развития НСПП в английском языке.....	221
Приложение 3. Классификация НСПП по степени идиоэтничности	222
Приложение 4. Группировки НСПП по степени обусловленности воздействием языковых законов.....	224

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено изучению многоаспектного синтаксического явления – формированию способов выражения синтаксической зависимости в рамках сложного предложения в условиях отсутствия индикатора характера зависимости.

В настоящее время наблюдается активный исследовательский интерес к когнитивным процессам синтаксиса, психолингвистическим аспектам предложения, синтаксису дискурса и др. Вопросы же классификации предикативных частей и типов сложного предложения не входят в приоритетную сферу исследовательских интересов, поскольку считаются традиционными и достаточно полно изученными. Особенностью современных исследований в области синтаксиса является скорее констатирующий, нежели аналитический характер описания типов сложного предложения и отношений, реализуемых в его рамках.

На фоне достаточной изученности предложения с точки зрения структуры, семантики и прагматики отдельные его зоны остаются вне внимания. Вместе с тем, исследование подобных аспектов не только может стимулировать достижение полноты описания синтаксического уровня, но и способствует выявлению общеязыковых и идиоэтнически специфических закономерностей и факторов, мотивирующих становление и развитие на данных участках. Наблюдения, сделанные в русле когнитивного направления, а также опыт, накопленный семантическим синтаксисом, позволяют расширять методологический базис исследования. Анализ немаркированных сложноподчиненных предложений (НСПП) с учетом их полиаспектности дает возможность по-новому взглянуть на проблему таксономии придаточных предложений, уточнить области действия паратаксиса и гипотаксиса. Анализ генезиса видов синтаксической связи объясняет также идиоэтнические особенности отдельных типов НСПП. Изучение процесса проекции замысла сообщения

посредством реализации структурно-семантических моделей во многом снимает трудность выбора языковых средств в процессе речевого общения, позволяет объяснить кроющиеся в мышлении индивида явления синонимии и изоморфизма в строении предложения. Таким образом, применение интегративного подхода к рассмотрению НСПП позволяет объяснить случаи амбивалентности и синкретизма, интерпретировать явления, считавшиеся ранее ненормативными.

Теоретической базой диссертации послужили фундаментальные изыскания отечественных и зарубежных ученых. Теоретическая литература, затрагивающая проблемы синтаксиса, достаточно обширна и разнообразна. Приоритетными лингвистическими исследованиями в сфере синтаксиса сложного предложения являются труды С.Д. Кацнельсона, А.М. Пешковского, Н.С. Поспелова, А.А. Потебни, И.П. Распопова, М.Я. Блоха, Б.А. Ильиша, В.Г. Адмони, Е.В. Гулыга, Ю.А. Левицкого, Л. Теньера, О. Есперсена, Г. Суита и др. В процессе изучения генезиса и особенностей исторического развития НСПП мы опирались на базовые положения работ Ф.И. Буслаева, В.И. Борковского, О.И. Москальской, В.Н. Ярцевой, Л.П. Чахоян, А.И. Смирницкого, И.И. Филичевой, И.П. Ивановой, а также К. Бруннера, Дж. Керма, Ф. Виссера, Б. Странг, Дж. Хельгандера, Б.Митчелла и др. Исследуя отдельные типы НСПП, мы обращались к исследованиям В.В. Бурлаковой, Л.Х. Ишо, И.К. Зуене, А.К. Джаббарова, Т.Г. Логиновой, М.И.Черемисиной, Л.-Г. Андерссона, Кс. Декейзера, М. Х. Каузо Лопез и др. Основываясь на положении о поликоординированности НСПП, мы рассматривали их с позиций прагматики и коммуникативного синтаксиса, опираясь на исследования Н. Хомского, Б.Ю. Нормана, И.И Горелова и К.Ф. Седова, Н.Н. Ореховой, Н.И. Пушиной и др. ученых.

Важно отметить, что, руководствуясь принципом интегративного подхода, мы критически анализировали положения метатеории с целью

выработки новых, наиболее эффективных путей анализа и классификации НСПП. В ходе исследования производились сопоставление, синтез и интерпретация различных теорий с учетом специфики объекта и цели исследования.

Актуальность темы определяется тем, что традиционные подходы к синтаксическому анализу могут быть успешно дополнены новыми приемами с учетом многогранной природы синтаксических единиц. Изучение теоретических источников показало, что отношения синтаксической зависимости в рамках сложного предложения, а также способы их реализации в основном описаны. Налицо, однако, отсутствие комплексных исследований по данному вопросу, поскольку объектом внимания лингвистов становились союзы, порядок слов, отдельные типы придаточных предложений. В силу узкой направленности традиционных исследований *взаимодействие между средствами связи и структурно-семантическим и коммуникативно-прагматическими характеристиками предложения, равно как и потенции несоюзных способов реализации синтаксической зависимости, не были изучены.*

Объектом исследования являются немаркированные сложные гипотактические построения в английском и ряде других языков.

Предметом рассмотрения в данной работе является динамика формирования способов выражения отношений синтаксической зависимости в условиях отсутствия маркера связи. Важно отметить, что мы изучали отношения зависимости между двумя предикативными единицами в составе сложного предложения. В силу обширности области исследования нами не затрагивались сферы последовательного и параллельного подчинения, а также влияние длины предложения и количества предикативных единиц в его составе на выбор маркированного или немаркированного варианта. Данная проблема может стать темой дальнейших исследований.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе комплексного интегративного подхода к анализу синтаксических явлений с учетом историко-генетической, системно-структурной и коммуникативно-прагматической парадигм синтаксиса устанавливается совокупность признаков, конституирующих НСПП. Предложен новый принцип классификации НСПП – группировка по степени идиоэтничности. В работе также анализируются некоторые типы НСПП, не рассматриваемые традиционными грамматиками в силу своей окказиональности. Интерес может представлять рассмотрение характеристик малоизученной конструкции *apo койну*. Нетрадиционным можно признать подход к выделению подтипов НСПП на основе семантики опорного слова.

Исходя из актуальности темы, нами была выдвинута **цель исследования**. Она состоит в выявлении и описании комплекса условий и факторов, стимулирующих возникновение и развитие немаркированных гипотактических построений.

Достижение цели реализуется путем решения следующих **задач**:

- уточнение понятий *паратаксис*, *гипотаксис* и *асиндетон*, выявление их специфики;
- определение интегрирующих и дифференцирующих признаков немаркированных сложных предложений как паратактических или гипотактических (с учетом их генетических, семантических и структурных особенностей);
- разработка типологии НСПП на основании различных принципов, выявление новых типов НСПП;
- определение тенденций развития НСПП;
- выявление и описание типов НСПП, исходя из степени идиоэтничности;
- выявление степени влияния прагматических факторов на выбор немаркированного варианта сложноподчиненного предложения;

- анализ специфики функционирования отдельных типов НСПП с учетом их поликоординированности;
- определение степени воздействия общих закономерностей языкового развития на процесс формирования и функционирования НСПП.

В ходе решения поставленных задач целесообразным было признано использование следующих *методов исследования*: в процессе изучения теоретического материала применялись аналитический метод, интегративный и дифференциальный методы, описательный метод, метод сопоставительного анализа. В основе исследования фактического материала лежит интегративный подход, что подразумевает использование метода сплошной выборки, описательного метода, методов контекстуального анализа и семантического интерпретирования, метода лингвистического эксперимента (моделирование, подстановка функциональных эквивалентов), элементов количественного анализа.

Материалом исследования послужили примеры НСПП, отобранных методом сплошной выборки из английских, немецких и русских источников. Текстовые фрагменты, послужившие источником примеров, характеризуются разнообразием жанровой направленности: примеры из хроник, юридических документов, произведений теологического и нравственно-поучительного характера, газетных статей, личных писем, инструкций, образцов ораторского стиля, художественных произведений и др. Список источников насчитывает 77 наименований на английском, немецком, русском языках.

Достоверность и объективность исследования обусловлена следующими факторами:

1. *Достоверностью методов исследования.*
2. *Обширностью и разнообразием* изученного и интерпретированного теоретического материала (234 теоретических источника, около 60 из которых представлены на английском и немецком языках). Нами

проанализированы и сопоставлены различные концепции отечественных и зарубежных языковедов.

3. *Объемом изученного фактического материала.* Базой исследования послужили около 4270 примеров, отобранных из аутентичных источников методом сплошной выборки. Источниками послужили текстовые фрагменты различной жанровой принадлежности и стилистической окраски.

4. *Широтой хронологического охвата:* источники на английском языке демонстрируют особенности языка с VII по XXI век, русский язык представлен примерами с XIII по XX век, немецкий язык иллюстрируется примерами с древневерхненемецкого периода по XX век.

5. *Привлечением к исследованию разноструктурных языков.* В ходе работы нами были проанализированы примеры из английского, немецкого, русского, латинского, готского и удмуртского языков.

Теоретическая ценность исследования обусловлена тем, что в нем проводится генетический анализ гипотактических и паратактических построений, на основе чего уточняются понятия *асиндетона*, *гипотаксиса* и *паратаксиса*. Немаловажным является предложенный более гибкий подход к классификации СП на основе понятий структурного и семантического синтаксиса. Разработанная классификация НСПП с учетом идиоэтничности может объяснить характерные особенности функционирования того или иного типа НСПП. Выявление и описание новых типов НСПП дает представление о полевой природе данного синтаксического явления, а также позволяет строить прогнозы о дальнейших тенденциях развития асиндетона. Принципиально важным является полипарадигматический подход к анализу синтаксических явлений (с учетом когнитивных процессов, семантики, прагматики, обращением к психолингвистике). В работе содержится комплексное описание типологии НСПП, функционирующих в английском языке, их

генетических, стилистических и семантических характеристик. Важно также отметить, что результаты исследования дают представление о том, как проявляется воздействие основных законов языкового развития (закон экономии, закон антиномии) на конкретном участке синтаксической системы. Анализ результатов данного воздействия дает основания говорить о существовании еще одной языковой закономерности: прагматического приоритета выбора языковой формы.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что наблюдения и результаты исследования могут использоваться в ходе разработки лекций и проведения семинарских занятий по таким профилирующим вузовским дисциплинам как история английского языка, общее языкознание, теоретическая грамматика, стилистика. Фактический материал также может получить применение на занятиях по практической грамматике, при разработке спецкурсов, написании курсовых и дипломных работ, рефератов. Использование результатов исследования имеет также дидактические обоснования, поскольку наш опыт работы с абитуриентами и студентами факультета иностранных языков показывает, что они зачастую воспринимают немаркированный вариант СПП как ненормативное явление, не принимая во внимание стилистические требования и особенности дискурса.

Гипотеза исследования состоит в том, что НСПП являются сложной поликоординированной синтаксической структурой, формирование и функционирование которой определяется основными закономерностями языкового развития, а также комплексом прагматических и когнитивных факторов; НСПП характеризуются способностью реализовывать разнообразные оттенки структурно-семантической зависимости.

Результатом исследования послужили следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. В рамках немаркированных сложных предложений могут реализовываться разнообразные синтаксические отношения. Признак выраженности маркера не является решающим в интерпретации предложения как гипотактического или паратактического. Индикаторами характера зависимости могут выступать несоюзные средства (языковые, контекстуальные и коммуникативные особенности частей НСПП).
2. Процесс формирования и развития НСПП происходил под влиянием двух разнонаправленных языковых тенденций: стремления к экономии языковых усилий, с одной стороны, и потребности в максимальной эксплицитности характера синтаксической зависимости, с другой.
3. Типология НСПП включает в себя группы НСПП: *универсальные для европейских языков, типичные для германской группы, а также идиоэтнические английские построения.*
4. Маркированные и немаркированные сложноподчиненные предложения являются вариантом реализации одной синтаксической модели. Процесс выбора того или иного синонима зависит от совокупности причин (структурных, семантических, прагматических). Исследование доказывает, что приоритетная роль принадлежит прагматическим факторам.
5. В развитии НСПП прослеживаются определенные генетические закономерности, заключающиеся в постепенном увеличении числа НСПП, а также в появлении новых типов асиндетических построений. Данный процесс может повлечь за собой уточнение норм грамматики и стилистики.
6. Существует тенденция усиления роли семантических факторов в синтаксисе: генерализованные синтаксические отношения в рамках НСПП конкретизируются за счет семантики опорного слова, которое приобретает характеристики коннектора.

7. Наряду с основными законами языкового развития, в языке действует закономерность прагматического приоритета выбора языковой формы.

Апробация исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко, а также на семинарах соискателей. По материалам исследования сделаны доклады на V,VI,VII и VIII региональных научно-практических конференциях «Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений», организованных в ГГПИ им. В.Г. Короленко (2002 – 2005 гг.). Также были представлены доклады на всероссийской научно-практической конференции «Теория и типология грамматических систем» (УдГУ, 2003г.), на международной научно-практической конференции «Перспективные разработки науки и техники» (Белгород, 2004 г.), международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современных наук: теория и практика» (Днепропетровск, 2005 г.). Содержание исследования отражено в 10 публикациях.

Цели и задачи исследования, специфика изучаемого материала определили **структуру работы**. Диссертационное сочинение состоит из Введения, трех Глав, Заключения, списка использованной литературы и источников, Приложений.

В тексте диссертации используются следующие **сокращения**: СП (сложное предложение), ПрП (простое предложение), ССП (сложносочиненное предложение), СПП (сложноподчиненное предложение), НСПП (немаркированное сложноподчиненное предложение), БСП (бессоюзное сложное предложение), ГП (главное предложение), ПП (придаточное предложение), ЭП (элементарное предложение), ПЕ (предикативная единица).

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ГИПОТАКСИСА В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В свете задач исследования представляется необходимым совершить экскурс в историю вопроса о развитии различных концепций СП. Для того чтобы более квалифицированно рассматривать синтаксические процессы на современном этапе, необходимо четко представлять путь, который прошла наука о предложении с момента своего появления. Это позволит осознать, на основании каких идей возникло то или иное представление о подчинении и способах его выражения, сопоставить их и предложить собственную трактовку данной проблемы. Важно отметить, что развитие синтаксического учения происходило в соответствии с когнитивными закономерностями: первоначально изучению подвергались более крупные единицы, зачастую противопоставляемые друг другу. Впоследствии внимание лингвистов начали привлекать отношения и связи между дробными построениями, стали осознаваться интегрирующие и дифференцирующие признаки различных типов синтаксических единиц.

Античное грамматическое искусство являлось нормирующей дисциплиной, обеспечивающей правильность литературной речи. Правила построения речи изучались риторикой и логикой, которые служили неграмматическим источником знаний о строе языка. Предложение по Аристотелю трактовалось как «составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого тоже имеют самостоятельное значение» (цит. по: Античные теории 1936, с. 62). Аполлоний Дискол в своем труде «О синтаксисе» (II в. до н.э.) более конкретно выделяет критерии предложения: это «соединение слов, выражающее законченную мысль» (цит. по: Античные теории, с. 63). Итак, требования, выдвигаемые к данной единице синтаксиса, подразумевают, что составными частями

предложения являются самостоятельные слова, связанные между собой. Уже в античности было замечено, что речевой обиход может служить источником правил, определяющих норму (Кондрашов 1979, с.12).

Средневековое языкознание основывалось на достижениях античности и носило предписывающий характер. Изучение синтаксиса заключалось в анализе построения теологических текстов и по-прежнему базировалось на логических принципах. Большинство грамматик были построены по образцу латинской, что не способствовало развитию новых подходов к изучению языка и речи. Предложение трактовалось как высказывание, имеющее законченный смысл. Лишь в работах Петра Испанского (XIII в.) делаются попытки дифференцировать логические и грамматические категории в определении предложения. Он различает значение номинальное и контекстуальное: грамматически тождественные конструкции могут иметь несколько интерпретаций в зависимости от речевой ситуации (Кондрашов 1979, с.12-19).

Важный этап в истории синтаксиса начинается с появлением логической (универсальной) грамматики Пор-Рояль (XVII в.), авторы которой К. Лансло и А. Арно пытались выявить универсальные принципы описания всех языков, опираясь на логику. Предложение в их трактовке – это суждение, выраженное словами, а слово, в свою очередь – это понятие, выраженное членораздельными звуками. Компонентами предложения являются компоненты логического суждения – субъект, связка и атрибут. Важно отметить, что в данной теории указывается на смысловую неравноправность суждений в составе сложных, а суждения классифицируются, исходя из семантики союзов. Однако понятие зависимости еще не имеет чисто грамматического значения.

С периодом появления универсальной грамматики примерно совпадает время бурного расцвета британской грамматической традиции. Наиболее яркими тенденциями в западной лингвистике с конца XVI в. являются: 1)

детализация в описании грамматических явлений (что соответствует когнитивным закономерностям), 2) возрастающий интерес к синтаксису, 3) внимание к специфичным явлениям языка.

В XVII в. происходит систематизация и пересмотр существующих правил, что неуклонно влечет за собой более пристальный интерес к предложению как одной из основных единиц речи. Характерными чертами данного периода в британском языкознании является постепенное «разведение» категорий логики и грамматики, более глубокое проникновение в структурно-семантические особенности предложения. Если Б. Джонсон (I пол. XVII в.) выделяет законченные (perfect) и незаконченные (imperfect) предложения, объединяющиеся для образования периода, то в грамматике К. Купера (II пол. XVII в.) уже приводится дихотомическая классификация предложений: предложения делятся на простые (simple) и составные (compound). Понятия главного и зависимого предложений, а также представления о причинных, условных и т.п. связях в составном предложении, заимствованные Купером из логики, вошли в научный обиход позднее (Иофик 1968, с.10-18).

Влияние неграмматических учений (риторики и логики) прослеживается и в синтаксисе XVIII в., *при этом сохраняется дихотомическое деление предложений на простое и составное/сложное*. Критерии отграничения ПрП от СП, а также суждения от периода остаются весьма нечеткими. Части СП именовались “clause”. Зависимость между ГП и ПП носила логический характер. Классификация зависимых предложений, как и классификация союзов, основывалась на семантическом принципе. В целом наблюдалась логизированность грамматических изысканий наряду с попытками провести грань между логическими и языковыми понятиями.

XIX в. – время появления и развития *трихотомической классификации предложений* на основе исследований, в которых в зависимости от количества субъектов и атрибутов наряду с простыми и сложными

выделялись комплексные предложения, характеризующиеся усложненной структурой (Гуреев 2002). Более глубокий анализ речи, свойственный лингвистическим исследованиям XIX в., разделение ее на отдельные отрезки, имеющие свою форму и значение, сделали неизбежным выявление грамматической зависимости. Соответственно, СП начинают подразделяться на сложноподчиненные и сложносочиненные, что влечет за собой новую классификацию союзов. Понятие “clause” получает определенные качественные и количественные характеристики: оно имеет в составе одно подлежащее и одно сказуемое (Иофик 1968). Синтаксическая и семантическая неравноправность придаточных предложений позволяют отделить их от простых предложений. «Простое предложение, когда оно соединяется с другим, называется “clause” (В.Г.Льюис. Цит. по: Гуреев 2002, с. 42). Вообще введение в обиход термина “clause” символизирует растущий интерес ученых к структуре предложения, движение мысли от общего к частному.

Итак, в грамматиках XIX-XX в.в. произошло разграничение сложносочиненных (compound, составных) и сложноподчиненных (complex, комплексных) предложений. Однако в интерпретации базисных свойств ССП и СПП по-прежнему нет единства. Так, в грамматике “A Syntax of Living English” дается следующее определение: “In a compound sentence a kernel is a single statement, but one of the parts of the sentence has the form of the clause” (Vechtman-Veth 1928, с. 30). Очевидно, что данная дефиниция относится к подчинительной структуре, именованной “compound sentence”. По мнению этого же автора, любая часть предложения может выступать в роли “clause”, кроме глагольного сказуемого и косвенного дополнения, что согласуется с принципом функциональной классификации ПП. Определение ПП отличается схематичностью и опирается на семантический принцип: “The statement is not made for its own sake but for the sake of the statement made in the head

clause” (Vechtman-Veth 1928, с. 33). Как видим, предложение отграничивается от высказывания, противопоставляется последнему.

Тот же подход наблюдаем и в определении базисных синтаксических отношений *сочинения и подчинения*: “There is subordination when the different thoughts are present in the mind simultaneously. There is coordination when one thought succeeds another” (Vechtman-Veth 1928, с. 35). Это положение представляется спорным и схематичным, т.к. основывается на признаке симультанности/сукцессивности выражаемых мыслей, вне зависимости от их логической, формальной и структурной взаимосвязи.

Наряду с этим предлагались и другие, более рациональные, на наш взгляд, подходы к анализу СП. Для сравнения рассмотрим определения, данные Дж. Несфилдом: “A Complex Sentence consists of a Principal Clause with one or more Subordinate Clauses... a Subordinate Clause is a component part of some other clause in which it does the work (without possessing the form) of a Noun, Adjective or Adverb” (Nesfield 1914, с. 110-111). Примечательно внимание, уделяемое функции ПП, неравноправию главной и зависимой частей СПП. Говоря о сочинении, Несфилд пишет: “A Coordinate Clause has the same function as the clause preceding it in the same sentence” (Nesfield 1914, с. 113). Таким образом, он без колебаний отграничивает ПП от предложения как такового, хотя и отмечает функциональные различия между частью ССП и придаточным в СПП.

Можно сделать вывод, что в нормативных грамматиках конца XIX-начала XX в.в. формируется понимание сочинительных и подчинительных отношений в рамках СП: различие между ними лежит в равноправии/неравноправии и сходстве/различии функций его компонентов. Понятие “clause” получает определенные структурные (наличие грамматической основы) и семантические (необязательная смысловая завершенность) характеристики.

Научная грамматика обратилась к структурным и звуковым характеристикам предложения. Предложение теперь – это и фонетическое единство, ограниченное паузами и интонацией, и группа слов, завершенная в структурном и смысловом плане (Sweet 1900, с. 78). Г. Суит особое внимание уделяет *средствам связи*, выделяя среди них *союзы* и *полусоюзы*, которые соединяют части СП, исходя из семантики. Мысль о том, что “clause” может выполнять различные функции при одном и том же союзе в зависимости от контекста (например, от топологических признаков, т. е. позиции) находим и у Дж. Несфилда (Несфилд 1914, с. 114). Г. Суит, в свою очередь, вводит в научный обиход понятие “sequence” для двух и более предложений, связанных логически. При этом формальный показатель связи (союз) может отсутствовать. СП с бессоюзной (немаркированной) связью ученый называет “unprepared sequence”, например:

(1) *I am sure of it: I saw it myself.*

(2) *I am sure of it, because I saw it myself.*

Очевидно, что в первом примере связь между частями осуществляется за счет пунктуации и интонации. Термин же “unprepared sequence” подчеркивает спонтанный, речевой характер бессоюзного предложения.

Что касается трактовок самого понятия и термина «предложение», то у разных лингвистов они разные. Так, например, Дж. Керм придерживается традиционного логического определения. У Есперсена предложение выступает как независимый нексус (предикативное отношение), выражающий законченное сообщение. Ученый отказывается от традиционной структурной классификации предложений. Он использует понятие “clause” в теории рангов, характеризуя его как группу слов, образующую часть предложения и имеющую собственное подлежащее и сказуемое. Нетрадиционно признание способности неличных форм глагола к образованию ПП, что приводит к нивелированию структурных особенностей “clause” и затрудняет дифференциацию между СП и ПрП.

Вот как трактуется подчинение в «Философии грамматики»: “In the living speech sentences are built up gradually by the speaker, who will often in the course of the same sentence or period modify his original plan of presenting his ideas, hesitate, break off and shunt on to a different track” (Jespersen 1925, с. 56). Значимо внимание к линейному, сукцессивному характеру речепорождения и, в то же время, признание заранее запланированного характера произносимого предложения. Интересно, что, критикуя морфологическую классификацию ПП, Есперсен анализирует их в соответствии с синтаксической функцией.

В целом, английская научная грамматика характеризуется *более глубоким проникновением в степень и способы взаимосвязи между частями сложного предложения* (сложносочиненное предложение – loose groups, сложноподчиненное предложение – close groups).

Кардинальные изменения в трактовке предложения произошли с появлением трансформационно-порождающей и структурной грамматик (II пол. XX в.). Исследователи обращаются к изучению глубинной и поверхностной структур предложения. Н.Хомский, наряду с синтаксическим и фонологическим включает в анализ семантический компонент. Он отмечает, что традиционные грамматики не принимают во внимание творческий характер речепорождения и искажают истинный смысл высказывания. «Синтаксический компонент грамматики должен указывать для каждого предложения глубинную структуру, которая определяет его семантическую интерпретацию, и поверхностную структуру, которая определяет его фонетическую интерпретацию» (Хомский 1965, с. 20). Выделение глубинной и поверхностной структур предложения является одним из основных достижений генеративной грамматики. Важно также утверждение, что при всем разнообразии, количество базовых моделей предложения ограничено набором образцов, присутствующих в сознании индивида и неосознанно избираемых им в

ходе речепорождения в зависимости от речевой ситуации. Эти базовые модели развиваются для выражения более сложной мысли (Хомский 1965).

В свете нового подхода к синтаксису появляются новые дефиниции предложения, традиционные критерии анализа основной единицы синтаксиса подвергаются критике. Законченность мысли признается величиной относительной, так как зависит от контекста, цели говорящего, личностных особенностей слушающего. Наличие в предложении подлежащего и сказуемого более близко к формально-грамматическому анализу, но эти понятия принадлежат логике, а не грамматике. Некоторые лингвисты (Уайтхол, Хоккет, Хилл) признают валидным интонационный признак в выделении единичного предложения. Одним из важных критериев предложения признается также его независимость (Блумфилд), несвязанность с другими синтаксическими формами (Хоккет).

Таким образом, основные характеристики предложения в структуральной лингвистике – это интонационная завершенность, наличие грамматической основы, независимость от других синтаксических единиц, наличие глубинной и поверхностной структур.

Очевидно, что появление теории о наличии у предложения двух уровней, а также применение анализа по непосредственно составляющим не могло не отразиться на трактовке различных типов предложений и отношений между их компонентами. Некоторые структуралисты развивают *трихотомическую классификацию* предложений, другие, в свою очередь, фактически устраняют ее. Так, например, Р.Б.Лонг придерживается трихотомического деления. Он выделяет 5 структурных моделей зависимых частей на основе различных критериев: от коммуникативной функции до типа предикативного центра (Иофик 1968). Ч.Хоккет признает большое значение интонации не только в выделении единичного предложения, но и в соединении частей СП. По его мнению, ПрП состоит из одного предикативного составляемого, составное

– из двух и более, сложное – из одного clause и атрибута (атрибутом может выступать другое ПП). Грань между ПрП и СП, таким образом, стирается, т. к. ПрП может стать зависимой частью при добавлении подчинительного союза или при соответствующем интонационном оформлении.

Интерес представляет теория Л. Теньера, который считает основой синтаксиса совокупность связей, объединяющих слова в предложении. Синтаксические связи устанавливают между словами отношения зависимости, объединяя их в узлы. «Узел – совокупность, состоящая из управляющего слова и всех тех слов, которые – прямо или косвенно – ему подчинены и которые он в некотором роде связывает в пучок» (Теньер 1988, с. 25). Основой предложения является центральный (глагольный) узел, подчиняющий все слова в предложении. В СП (phrase complexe) нормальная организация узлов может быть осложнена юнкцией или трансляцией. Юнкция (аналог традиционного сочинения) «представляет собой соединение ряда однородных узлов» (Теньер 1988, с. 335). Трансляция же «заключается в превращении одних конститутивных элементов в другие» (Теньер 1988, с. 335). Показатели юнкции (юнктивы) объединяют узлы в предложении; транслятивы, в свою очередь, изменяют категории узлов, перемещая их с одного уровня на другой, их не следует смешивать с сочинительными и подчинительными союзами.

Интересно, что трансляция в понимании Л. Теньера сходна с изменением ранга в грамматике М. Халлидея. По его теории все грамматические единицы образуют систему в рамках строго организованной шкалы рангов. При этом вышестоящая единица состоит из нескольких нижестоящих. Грамматическая единица может подвергаться снижению ранга (rankshift), входя в состав нижестоящей единицы (Гуреев 2002). Аналогичную идею развивает Теньер, говоря о трансляции второй степени: «Оставаясь центром придаточного предложения, глагол в то же время становится всего лишь одним из элементов главного предложения»

(Теньер 1988, с. 533). Таким образом, происходит снижение «этажа» синтаксического узла и низведение его до роли подчиненного элемента.

Данные положения структурной грамматики привели к возрождению *дихотомической классификации* предложений. Предложение, состоящее из одной нижестоящей единицы (clause), признавалось простым, а состоящее из двух и более единиц – сложным. Зависимые части (bound clauses) классифицируются либо традиционно (в соответствии с выполняемой функцией), либо с опорой на структурные критерии.

Теория «включенных предложений» Ч. Фриза констатирует, что формально свободное предложение может включаться в более крупные построения с помощью подчинительных союзов, вопросительных и относительных союзных слов, маркированного порядка слов (т.н. сигналов включения). В отличие от сигналов включения, сигналы последовательности вводят свободные высказывания после первого, открывающего повествование. К ним относятся личные местоимения третьего лица, анафорические указательные местоимения, определенный артикль, наречия. Сигналы последовательности указывают на границы предложения (Иофик 1968). Мы полагаем возможным провести некую параллель между юнктивами и транслятивами Л. Теньера, с одной стороны, и сигналами включения и последовательности Ч. Фриза, с другой. Транслятивы, как и сигналы включения, свидетельствуют о том, что одна структура является необходимой и зависимой частью более крупного построения. Юнктивы же, как и сигналы последовательности, присоединяют одну единицу к другой, не изменяя ее статуса.

Таким образом, структурная лингвистика создала предпосылки для решения вопроса о структурных характеристиках предложения как базисной единицы синтаксиса. Значительны также попытки объяснить различную степень связанности компонентов СП (например, теория рангов

у М. Халлидея). Внимание структуралистов к видам и способам связи частей предложения также является весомым достижением.

В результате развития учения о предложении в Западной Европе и США было выработано множество теорий и подходов к определению основных единиц синтаксиса, отношений между ними, роли различных факторов в выделении предложения в потоке речи, анализу процесса речепорождения. Однако невозможно недооценить вклад российских ученых в развитие синтаксической науки.

На начальном этапе развития синтаксиса в российской лингвистике, как и в западных теориях, в результате смешения категорий логики и риторики возникают понятия простого и сложного предложений, понимание различий между сочинением и подчинением.

Влияние грамматики Пор-Рояль явственно прослеживается в работах Ф.И.Буслаева, который в «Исторической грамматике русского языка» обращается к взаимоотношению языка и мышления. Функция языка, по его мнению, состоит в выражении мысли словами. Основой суждения признается сказуемое, которое, присоединяя подлежащее, образует суждение. Выраженное же словами, суждение становится предложением (Буслаев 1959). Предложения Ф.И.Буслаев классифицирует, исходя из нескольких критериев: по качеству, по количеству, по отношению, по образности (модальности). Очевидно, что данная классификация не принимает во внимание ни структурные, ни функциональные особенности предложений, учитывая лишь коммуникативный и семантический аспекты.

А.А.Потебня большое внимание уделял диахронному изучению единиц синтаксиса. Предложение, по его теории, прошло 2 этапа в своем существовании: древний (именной) и современный (глагольный). Глагольность предложения увеличивается со временем, при этом неизбежно изменяется и степень атрибутивности и предикативности имени и его противопоставленности глаголу. Учитывая изменчивость категорий

грамматики, ученый декларирует необходимость корректировки определения предложения с учетом конкретного этапа исторического развития языка. В общих чертах предложение понимается им как психологическое (не логическое) суждение, выраженное словами. Развитие предложения как средства выражения мысли – неизбежное следствие развития человеческого мышления. Так изначально формальные отношения между ПрП не осознавались и не выражались. Совершенствуясь, человеческое сознание находит способы выражения зависимости суждений друг от друга с помощью союзов (Потебня 1958). Данная идея дает основания провести параллель между развитием мышления и языка: переход от простого перечисления идей к выражению иерархических связей между ними, от паратаксиса к гипотаксису.

Выделение бессоюзия в отдельный тип связи приводит к возобновлению *трихотомической классификации предложений*. Однако и здесь нет единого мнения: часть ученых (Н.С. Поспелов, Ю.А. Левицкий и др.) считают бессоюзие отдельным типом соединения частей СП, не сопоставимым ни с сочинением, ни с подчинением. Согласно другой точке зрения, поддерживаемой А.М. Пешковским, В.Г.Адмони и др., в рамках асиндетона можно выделить отношения, аналогичные паратактическим и гипотактическим союзным. Данный вопрос будет рассмотрен ниже.

Что касается классификации зависимых частей СПП, то наибольшее распространение получило деление ПП в соответствии с синтаксической функцией (определительные, временные и т.д.). Е.В. Гулыга предлагает классифицировать предложения, исходя из их структурно-семантической завершенности, на автосемантические и синсемантические.

В.Г.Адмони оперирует терминами «цельное предложение» и «элементарное предложение». ЭП обладает определенной модальностью и способностью распространяться по общим моделям. ЦП отличается формальной независимостью от других предложений (Адмони 1973).

Заслуживает внимания точка зрения А.С.Попова, согласно которой СП не является предложением как таковым, поскольку организовано не на основе предикативных отношений. Следовательно, СП трактуется как своеобразное «сцепление предложений», которые, однако, оказываются несамостоятельными в изолированной позиции. «Сложное предложение – это непредикативное сочетание предикативных единиц (предложений) с помощью специальной грамматической формы (связочных слов, выражающих сочинение, подчинение, параллельные отношения, или значимого отсутствия средств)» (Попов, рукопись, с. 84). Важно, что ученый признает отсутствие средств связи, а точнее, их «значимое» отсутствие, которое квалифицируется как самодостаточный показатель некоторых отношений между предикативными единицами, входящими в состав СП. Мы, однако, основываясь на положении об изоморфизме ПП и членов предложения, считаем допустимым сопоставление отношений в ПрП с отношениями между центром подчинения и зависимой ПЕ. В пользу этого говорит и возможность выделения таких типов ПП, как субъектные и предикативные, то есть, аналогичных главным членам предложения, которые связаны между собой предикативными отношениями.

Интерес представляют две противоположные точки зрения на природу СП. По одной из них, выдвинутой А.М. Пешковским, СП представляет собой сочетание, сцепление предложений (Пешковский 1956). Другая версия, автором которой является Н.С.Поспелов, гласит, что СП является единым целым, части которого не имеют смысла и интонационной завершенности, вследствие чего не могут считаться предложениями (Поспелов 1990). Однако оба мнения достаточно спорны.

Как отмечает В.А. Белошапкина, СП не может выступать в качестве сочетания ПрП, так как в этом случае целое не может иметь ни собственной структуры, ни собственной формулы. Однако же, по мнению автора, структурная цельность, единая коммуникативная направленность,

порядок слов и интонационное оформление отличают СП от сочетания ПрП в контексте (Белошапкина 1967).

Очевидно, что на современном этапе языкознание находится на таком уровне развития, который предполагает всестороннее изучение частей СП и взаимоотношений между ними. Опираясь на историографический анализ, мы склонны считать СП комплексным синтаксическим образованием, состоящим из двух и более ПЕ, находящихся в отношениях формальной и семантической зависимости (СПП) или формально независимых, но обладающих некоторой степенью логической обусловленности (ССП). Модальность и семантический компонент СП создается сочетанием модальных планов и планов содержания его частей.

1.2. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЧИНТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Проведенный выше анализ различных концептуальных подходов и их интерпретация позволяют создать интегративную программу исследования проблемы категориальных особенностей гипотаксиса и способов выражения гипотактической зависимости в условиях отсутствия маркера.

Выше мы отмечали, что тенденции развития мышления (от простого к сложному) были отражены в развитии предложения – от последовательного изложения мыслей к осознанию сложных отношений между ними и выработке средств их выражения. Исследование различных аспектов синтаксической зависимости (структурных, семантических, логических, прагматических и когнитивных) позволит получить полное представление о СПП как единице синтаксиса. Кроме того, комплексный анализ гипотактических построений даст возможность выявить способы реализации синтаксической зависимости с помощью несоюзных средств.

Несмотря на тесную генетическую, функциональную и логическую взаимосвязь сочинения и подчинения, мы считаем необходимым уточнить

сферу действия последнего, попытаться максимально четко определить позицию критериев в отношении классификации предложения как СПП или ССП. Это продиктовано особенностями объекта исследования, немаркированного гипотактического построения, которое в силу некоторых характеристик (например, его происхождение из немаркированного паратаксиста) является во многих случаях амбивалентным. В силу этого, описание и анализ категориальных особенностей СПП являются одной из первостепенных предпосылок теоретического базиса работы. Важно, однако, подчеркнуть, что главная задача исследования состоит не в анализе понятийно-терминологической системы, а в углубленном изучении самого синтаксического явления.

Итак, подчинение, или гипотаксис (*греч. hupo – под, внизу и taxis – расположение*) – это «синтаксическая связь, располагающая своей системой средств выражения и конституирующая сложноподчиненное предложение. В зависимости от способа оформления подразделяется на подчинение союзное (с помощью подчинительных союзов) и относительное (с помощью союзных слов). В синтаксической традиции определяется как связь грамматически неравноправных предложений, из которых одно (придаточное) может быть сведено на положение компонента другого (главного). ...В системе синтаксических связей подчинение противостоит *бессоюзию* как эксплицитный способ имплицитному» (БЭС: Языкознание, с. 380). Полагаем, что данное определение отражает специфику отношений между предикативными единицами в СПП, функциональные характеристики ГП и ПП. Однако противопоставление подчинения *бессоюзию* производится на основе выраженного/невыраженного показателя синтаксической связи, что, на наш взгляд, не вполне оправдано. Данная точка зрения будет аргументирована в ходе дальнейших рассуждений.

Одним из ключевых при изучении подчинительных отношений представляется понятие валентности. Валентность (*от лат. valentia – сила*) определяется как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» (БЭС: Языкознание, стр. 79). С.Д. Кацнельсон, впервые применивший этот термин в лингвистике, определил синтаксическую валентность как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» (Кацнельсон 1949, с. 56), при этом учитывается сочетательная способность как отдельных слов, так и других элементов предложения. Г. Хельбиг наряду с синтаксической выделяет семантическую валентность, выявляемую на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов. Ю.А. Левицкий отмечает, что валентности слов могут заполняться предложениями. Исходя из этого, он подразделяет все СПП на *одночленные*, где ПЕ замещает позицию слова, и *двучленные*, где замещается позиция целого предложения. Общим условием подчинения является наличие у одной единицы свободных валентностей, а у другой – семантических и формальных характеристик, необходимых для замещения данных валентностей (Левицкий 2001).

Исходя из вышесказанного, мы будем трактовать термин «валентность» как способность центра подчинения (слова или ПЕ) избирать ПП, определяя его грамматические качества и изменяя его синтаксический статус. При этом ПП должно обладать определенными формальными и смысловыми свойствами, удовлетворяющими требованиям центра подчинения. Центр подчинения может иметь несколько свободных позиций (облигаторных и факультативных). Именно стремление центра подчинения заполнить облигаторные позиции делает возможной подчинительную связь. Таким образом, с учетом синтаксической и семантической валентности, обоснованной видится необходимость

анализировать любое сочетание слов и предложений с двух позиций: семантической и структурной.

Как отмечалось выше, статус и характеристики подчинения не имеют однозначной трактовки в лингвистике. Интересным представляется рассмотреть, как определяют эту категорию некоторые ведущие синтаксисты. По мнению В.Г.Адмони, подчинение «состоит в том, что какая-либо одна грамматическая форма (или ряд грамматических форм) находится в грамматической зависимости от другой грамматической формы (или других грамматических форм). Такая грамматическая зависимость может быть связана с семантической зависимостью, но отнюдь не обязательно» (Адмони 1988, с. 103). Признаками подчинения служат подчинительные союзы и относительные местоимения, сдвиги в порядке слов, конъюнктив (в немецком языке; в других языках сигнализировать о синтаксической зависимости могут иные видо-временные формы глагола), ритмико-интонационные сдвиги (отмечается универсальность просодии как признака подчинения). Как видим, ученый придерживается традиционной трактовки гипотаксиса. Заслуживает внимания оговорка о факультативном совпадении семантической и грамматической зависимости, так как в некоторых случаях формально главное предложение несет меньшую смысловую нагрузку, чем ПП и является несамостоятельным с точки зрения семантики. В таком случае акцент смещается на содержание ПП, а ГП выполняет функцию интродуктора. Это наиболее характерно для ГП, вводящих косвенную речь или дающих модальную оценку происходящему (Адмони 1988).

Данную точку зрения развивает Н.А. Слюсарева, отмечая, что СПП нуждается в многоярусном членении, так как информационно важная часть может не совпасть с обязательным в структурном плане элементом. Так если ПП относится к одному слову в ГП (т.е. имеет нерасчлененную структуру), то данное слово (антецедент) несет в себе минимум

информации, а коммуникативный центр высказывания находится в ПП (Слюсарева 1981). Например, в следующих предложениях в ГП выделены глаголы, к которым «привязаны» придаточные:

(3) *21 век: Police **told** “am New York” that the likely cause was a fire in an underground Consolidated Edison facility, but the utility **said** the fire was not related to any electrical system. (am New York)*

(4) *21 век: He **thought** the work on the floor there had started about a year ago, we **know** for sure that the surface has been a bumpy mess since late March. (USA Today)*

В данных примерах основная информация (причина пожара, дата начала перестройки здания) содержится в ПП, сказуемые же в ГП могут быть заменены синонимичными выражениями без ущерба для смысла предложений:

(3.1) *Police **informed** “ am New York”...*

(4.1) *He **had an idea** / **supposed** the work on the floor...*

Л.Л.Иофик также рекомендует изучать СПП в различных аспектах, так как соединение нескольких ПЕ в одно целое придает этому целому новые признаки. СПП является полипредикативной структурой, вследствие чего его модально-временной план представляет собой сочетание нескольких модально-временных планов входящих в него предикативных частей. В гипотактическом сочетании предложений ГП (ведущий член) избирает ПП (зависимый член) в соответствии со своей валентностью. При этом выбор зависимого члена обусловлен не синтаксической функцией ГП, а его морфологическими характеристиками (валентностью и частеречной принадлежностью). Важно заметить, что центром подчинения может быть как все ГП, так и отдельный его компонент (Иофик 1968, с. 133).

Автор отмечает, что глагольные центры подчинения имеют обязательную сочетаемость с объектными ПП в силу своей переходности. При наличии коррелятов обязательным может стать и обстоятельственное ПП. Именные центры подчинения не имеют обязательной сочетаемости, за исключением случаев, когда ГП содержит члены, требующие уточнения. В

этом случае обязательным становится определительное лимитирующее ПП. Исходя из вышесказанного, рациональной видится следующая классификация ГП, предложенная Л.Л.Иофик:

- структурно и семантически завершенные ГП;
- ГП, не имеющие смысловой и структурной завершенности без ПП.

Данное деление основано на понятиях синсемантии и автосемантии и достаточно полно учитывает как функциональные, так и семантические характеристики предложения.

Что касается ПП, Л.Л.Иофик терминологизирует их как зависимые ПЕ и выделяет следующие признаки, присущие им: 1) подчинительные союзы и союзные слова, 2) при отсутствии маркеров подчинения – примыкание к центру подчинения, создающее форму подчинительной связи, 3) особый порядок слов, 4) неполнота структуры, 5) в некоторых случаях – особые случаи форм времени и наклонения глагола (Иофик 1968).

Проиллюстрируем отмеченные Л.Л.Иофик синтаксические особенности ПП примером из нашей выборки:

(5) 21 век: (1) He had his back to the camera (2) so there was nothing to be learned about the type of the weapon (3) he cradled in his lap. (Eddy)

В данном случае часть (1) подчиняет часть (2) с помощью причинного союза “so”. Позиция обстоятельства причины факультативна, так как в ГП нет ни структурных, ни семантических признаков неполноты. Что касается части (2), то она обладает именным центром подчинения (the weapon) с обязательной сочетаемостью. Показателем смысловой незавершенности является определенный артикль “the”, требующий распространения. Дополнительная связь между частями (2) и (3) обеспечивается: 1) отсутствием маркера подчинения и, следовательно, примыканием ПП непосредственно к центру подчинения; 2) постпозицией переходного глагола “cradled” по отношению к дополнению “the weapon”, являющемуся антецедентом. Более того, столкновение двух именных частей речи “the weapon” и “he” создает дополнительную синтаксическую напряженность.

Таким образом, часть (1) является структурно и семантически завершенной, а часть (2), выступая в роли ГП по отношению к части (3), не обладает без нее ни структурной, ни семантической целостностью.

Л.-Г. Андерссон выделяет два типа подчинения: синтаксическое и семантическое. В случае синтаксического подчинения ГП является формальным и информационным центром. Если же смысл ПП имеет большее значение, чем содержание ГП, то мы имеем дело с семантическим подчинением, т.е. такое ПП будет являться семантически главным (Andersson 1975). Ученый приводит следующую классификацию частей СПП:

	<i>Syntactically main cl.</i> (синтаксически главное)	<i>Syntactically subord. cl.</i> (синтаксически зависимое)
<i>Semantically main cl.</i> (семантически главное)	1.semantically main syntactically main	2.semantically main syntactically subordinate
<i>Semantically subord. cl.</i> (семантически зависимое)	3.semantically subordinate syntactically main	4.semantically subordinate semantically subordinate

Данная систематизация ПЕ представляется довольно удачной, так как позволяет анализировать части СПП одновременно с позиций плана выражения и плана содержания, их асимметрии в предложении, учитывая не только структурный, но и семантический аспект.

Попытаемся проанализировать примеры, удовлетворяющие требованиям этой классификации:

(6) 21 век: (1) *The computer experts at the FBI laboratory in Washington said* (2) *they were confident* (3) *they would find the key* (4) *that would decrypt Frank Harling's secrets.* (Eddy)

Предикативная часть (3) выступает ведущей с точки зрения структуры: все обязательные позиции в ней заполнены, а следующее за ней описательное определительное ПП (4) лишь дополняет ее. Что касается семантики, то

определенный артикль сигнализирует о том, что в ГП содержится не вся необходимая информация об объекте (the key). Следующая трансформация доказывает, что ГП в данном случае является потенциально автосемантическим (хотя смысл предложения, естественно, будет разъясняться более широким контекстом):

(6.1) The computer experts at the FBI laboratory in Washington said they were confident they would find the key.- По словам экспертов-программистов из лаборатории ФБР сказали, они уверены в том, что смогут найти ключ. (Нам известно, что они пытаются найти ключ к шифру Фрэнка Харлинга).

В то же время данная ПЕ зависит от предыдущей, т.е. выступает в роли ПП. Несмотря на структурную завершенность, ПП не имеет смысла без связи с главным (they were confident...), которое, в свою очередь, также в семантическом плане зависит от предыдущего (The computer experts at the FBI laboratory in Washington said...). Следует заметить, что в данном случае мы имеем дело с СПП с последовательным подчинением, где часть (1) является важной (но не обязательной) для понимания всего СП, не имея при этом формальной завершенности (позиция дополнения при глаголе “to say” не замещена). В то же время предложения, вводящие косвенную речь, как правило, синсемантически (см. пример 7).

(6.2) They were confident they would find the key that would decrypt Frank Harling’s secrets. Данная трансформация доказывает, насколько важна информация, содержащаяся в первой предикативной части, поскольку она эксплицирует слово “they”. Естественно, смысл всего СПП от этого не изменяется коренным образом, однако в достаточно большой степени.

Что касается частей (2) и (3), то они совершенно необходимы для понимания друг друга, при этом более крепкая связь между ними обеспечивается как отсутствием союза, так и семантикой предикатива “confident”, имеющего сильную модальную окраску. Что касается части (4), то она является синсемантической как с точки зрения плана выражения (свободна позиция подлежащего), так и с позиций плана содержания.

Следовательно, согласно классификации Л.-Г. Андерссона, часть (1) данного СПП относится к первому классу предложений, часть (2) – к третьему классу, часть (3) - к третьему классу, а часть (4) - к четвертому.

Произведенный анализ демонстрирует, насколько многомерным должен быть подход к исследованию СПП, так как предложения, имеющие одинаковую структуру (см. часть (1) в примере (6) и часть (1) в примере (7)), т.е. формально принадлежащие к одному классу, могут обладать различной информационной значимостью, что, соответственно, влияет на их отношения с другими частями СПП. При этом одна и та же ПЕ может функционировать и как ГП, и как ПП (части (2) и (3) в примере (6)). Степень структурной и семантической связанности между ПП также влияет на их статус (часть (4) в примере (6)).

Рассмотрим еще один пример:

(7) *21 век: There's no file, Alan. (1) The index says (2) it was "Closed, No Action", (3) so it should be in the morgue (4) but it's not. (Eddy)*

В данном предложении ГП (1) является структурно незавершенным, так как ПП (2) необходимо для заполнения обязательной позиции дополнения при переходном глаголе “to say”. Однако формально эта часть все же считается главной, так как в ней содержится грамматическая основа предложения. Кроме того, являясь центром подчинения, ГП определяет тип ПП, «избирает» его не в силу своей синтаксической функции, а посредством валентностного потенциала. В то же время часть (2) является информационным центром. При определенной трансформации возможно опущение ГП:

(7.1) *There's no file, Alan. It was "Closed, No Action".*

Значение местоимения “it” раскрывается в предшествующем предложении. Однако в условиях данного преобразования изменяется как смысл предложения (неизвестно, что следует из факта отсутствия файла), так и его грамматический статус (из сложного оно превращается в простое). Очевидно, часть (1) в данном примере может быть отнесена к третьей

группе, а часть (2), несмотря на формальную и смысловую завершенность, отнесем ко второй группе, так как ее синтаксическая функция предопределена валентностью сказуемого в ГП.

В следующем примере ПП определительное является и формально, и семантически зависимым от ГП:

(8) 21 век: (1) Absurdly she thinks (2) he is going to rape her (3) but having exposed her breasts and having found the microphone (4) he is looking for, (3) he gets to his feet. (Eddy)

Грамматическая зависимость обусловлена незаполненной позицией дополнения при глаголе “to look for”, функцию которого выполняет антецедент “microphone”. Таким образом, дистанцирование дополнения от глагола, а также отсутствие относительного местоимения, связывающего части (3) и (4), обеспечивают тесную зависимость ПП определительного с антецедентом и всем ГП. Более того, препозиция причастного оборота и постпозиция грамматической основы в части (3), инкорпорация ПП в структуру ГП, создают напряженность, вследствие чего часть (4) воспринимается как неотъемлемая составляющая части (3). Что касается семантического наполнения ПП, то оно также напрямую связано с содержанием ГП и не содержит информативного фокуса в изолированной позиции. Следовательно, часть (3) данного СПП мы отнесем к первой группе классификации Л.-Г. Андерссона, а часть (4) – к четвертой.

Произведенный анализ позволяет, на наш взгляд, соотнести классификацию Л.-Г. Андерссона с делением предикативных частей по признаку синсемантии/автосемантии, предложенным Е.В. Гулыга. СПП, по ее определению – «это грамматически и интонационно оформленное целое, состоящее из двух, тесно связанных между собой компонентов, построенных по принципам простого предложения и обладающих элементами синсемантии (смысловыми или формальными), причем один из компонентов выступает структурным стержнем целого (главное предложение), а другой, называющийся придаточным предложением, грамматически подчинен главному и в то же время раскрывает или

дополняет его» (Гулыга 1971, с. 7). На наш взгляд, данное определение удачно обозначает принцип объединения частей СПП, а также раскрывает взаимоотношения ГП и ПП.

Говоря об одной из характеристик предложения, автосемантии, автор указывает, что это «способность языковой единицы выразить значение или высказывание вне зависимости от других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации» (Гулыга 1971, с. 17). По нашему мнению, данное определение достаточно полно отражает понятие автосемантии как структурной и смысловой независимости. Спорным, однако, видится существование синтаксических единиц, совершенно независимых от контекста и ситуации, следовательно, данный аспект понятия автосемантии не может считаться абсолютным.

Обратимся к понятию синсемантии, которую Е.В. Гулыга определяет как «способность языковой единицы выразить значение или высказывание лишь в сочетании с другими языковыми единицами, на фоне контекста или ситуации» (Гулыга 1971, с. 17). Очевидно, что компоненты СПП синсемантически, так как при попытке разложения на самостоятельные предложения один из них (ПП или ГП) или оба не являются самодостаточными. Синсемантия признается основным признаком ПП: «Придаточные предложения – синсемантические предложения, которые, взятые в отдельности, теряют значение или видоизменяют его» (Гулыга 1971, стр. 13). Значимым представляется выделение синсемантии смысловой и структурной. Следовательно, даже не имея внешних признаков подчинения, предложение является синсемантическим, в условиях смысловой незавершенности. Признаком смысловой синсемантии автор считает наличие в структуре ПП следующих элементов: переходных глаголов и образованных от них существительных, глаголов-связок, модально-оценочных индикаторов, модальных слов, существительных и прилагательных с семантикой оценивания, дейктиков

(местоимений, местоименных наречий), существительных в сочетании с дейктиками, существительных обобщенного значения. Наблюдение о том, что *синсемантичность предложения может проявляться, не требуя формальных показателей*, имеет важное значение для нашего исследования, так как позволяет определить, является ли ПЕ компонентом паратактического или гипотактического построения, без опоры на внешний показатель связи.

Анализируя различные типы предложений, Е.В. Гулыга отмечает, что СПП является автосемантической единицей синтаксиса. ГП может быть потенциально-автосемантическим, то есть обладать полной структурой и смысловой завершенностью. Однако в изолированной позиции ГП теряет часть семантической нагрузки, модус и другие качества, приобретаемые им в сочетании с ПП. Именно поэтому такая ПЕ не может быть признана автосемантической. В случае, если ГП обладает признаками структурной незавершенности (особый порядок слов, корреляты и т.п.), оно признается структурно-синсемантическим. Однако его ведущая роль в СПП определена либо валентностью глагола-сказуемого, либо характеристиками антецедента. Говоря о ПП, Е.В. Гулыга подразделяет их на истинные (синсемантические) и неистинные (имеющие форму ПП, но обладающие способностью функционировать изолированно).

Достаточно ценным, на наш взгляд, является выделение исследователем еще одного типа предикативных частей СПП: асемантического. Асемантические предложения состоят только из структурных элементов и являются структурным стержнем СПП. Признаками асемантии может служить, например, наличие в предложении глаголов и имен общего значения, формального подлежащего.

Попытаемся проанализировать несколько примеров, исходя из признака синсемантии/автосемантии:

(9) 20 век: (1) *“What I like about this job (2) everybody knows everybody,” (3) I said.*
(Chandler)

Данное СПП состоит из трех частей, при этом части (1) и (2) представляют собой прямую речь, а часть (3) – слова автора. В этом примере часть (3), вводящая прямую речь, находится в постпозиции, что делает ее наличие факультативным. Части (1) и (2), составляя собой полноценное СПП, имеют интонационное оформление законченного высказывания. Формальная функция части (3) состоит в указании на принадлежность данной реплики определенному персонажу, что, в принципе, также не имеет решающего значения при адекватном пунктуационном оформлении.

Следует отметить, что при препозиции ПП, содержащего слова автора, синтаксическая связь проявляется более интенсивно, что можно доказать следующим моделированием:

(9.1) (3) I said: (1) "What I like about this job (2) everybody knows everybody."

Вероятно, в данном случае часть (3) не будет иметь интонационной завершенности, вследствие чего в устной речи все предложение воспринимается, как одно целое. Кроме того, отсутствие паузы, пунктуация, а также незаполненность обязательной позиции дополнения при переходном глаголе "to say" предопределяют наличие и синтаксическую функцию первой и второй частей.

Связь предложений в прямой речи также представляет интерес. Вторая часть (...everybody knows everybody) является завершенной как с точки зрения структуры, так и с точки зрения семантики (т.е. является потенциально-автосемантической). Что касается части (1) (What I like about this job...), то наличие в ней союзного слова "what", требующего раскрытия, делает ее синсемантической в смысловом отношении. В структурном плане данная ПЕ также является незавершенной: в ней не заполнена позиция предикатива в условиях эллипса глагола-связки. В полном виде предложение имело бы следующий вид:

(9.2) What I like about this job is (that) everybody knows everybody.

Отсутствие союза "that" (факультативного в данном случае) подчеркивает спаянность частей СПП. Таким образом, часть (1) данного СПП можно

определить как синсемантическую. Все СПП будет выглядеть как сочетание синсемантического ГП и потенциально-автосемантического ПП.

Примером сочетания в СПП структурно-синсемантических частей может послужить СПП с условным придаточным:

(10) 21 век: (1) Still, they both know (2) how relentlessly Kitty would have snubbed her in high school, (3) had they been the same age. (Cunningham)

Данное СПП состоит из трех предикативных частей. Первая (1) выступает в роли главной по отношению ко второй (2), так как предопределяет ее синтаксическую функцию валентностью глагола-сказуемого. Наличие коррелята “how” в части (2) делает ее структурно-синсемантической. Что касается части (3), то инвертированный порядок слов мотивирует как ее структурную синсемантию, так и условный характер отношений между ГП (2) и ПП (3). Таким образом, часть (2) данного СПП является одновременно и ГП, и ПП. Третья же часть (3), являясь структурно и семантически зависимой, выражает условный характер всего предложения.

Л. Теньер в «Структурном синтаксисе», несмотря на особенности терминологии, рассматривает все те же ПЕ, их сочетания и взаимоотношения между ними. Основой человеческой речи Теньер считает синтаксическую связь: «Построить предложение – значит вдохнуть жизнь в аморфную массу слов, *установив* между ними совокупность *синтаксических связей*. ...И обратно, понять предложение – *значит уяснить себе совокупность связей*, которые объединяют входящие в него слова» (Теньер 1988, с. 23). Важным в теории Теньера видится различие понятий категории и функции. Категории статичны и инертны, они неизменны. Функции же динамичны и активны. К категориям он относит части речи, а к функциям – синтаксическую роль. Очевидно, что слово одной и той же категории может выполнять различные функции. Будучи вербоцентристом, исследователь считает, что в основе предложения лежит глагольный узел, подчиняющий себе другие узлы.

Существенным в данной концепции представляется понятие трансляции, механизм которой мы затрагивали выше. Отметим лишь, что это явление «качественное», оно делает структуру предложения более разнообразной, при этом размеры предложения под воздействием трансляции могут увеличиваться до бесконечности. Суть трансляции состоит в изменении категории и, как следствие, изменении функции. Особое внимание Л. Теньер обращает на независимость структурного и семантического планов, реализуемую в процессе трансляции (Теньер 1988, с. 380). Автор проводит параллель между подчинительными отношениями в традиционной грамматике и трансляцией в структурализме: «Глагольный узел *низводится* до уровня подчиненного элемента и начинает играть ту же роль, что и другие элементы простого предложения. Именно это имплицитно утверждает традиционная грамматика, когда она обозначает трансляцию второй степени термином подчинение» (Теньер 1988, с.401), при этом глагол в ПП становится всего лишь одним из элементов ГП. Маркерами снижения уровня могут служить союзы, союзные слова, корреляты, то есть внешние по отношению к глаголу признаки, вследствие чего глагол в ПП не теряет своих организующих свойств.

Одним из важнейших вопросов синтаксиса СПП является вопрос о *классификации* его частей. Учитывая разнообразие аспектов изучения данной единицы синтаксиса, необходимо попытаться выявить основные принципы выделения типов предикативных частей СПП.

Выше мы приводили классификации ГП и ПП, основанные на структурном и семантическом принципах (Июфик 1968, Гулыга 1971, Andersson 1975), а также опирающиеся на способ и тип синтаксической связи (Пешковский 1956, Поспелов 1990). Еще одним критерием выделения различных типов ПП является грамматическая функция. Первоначально ПП классифицировались по морфологическому принципу, то есть приравнивались к частям речи (см. Несфилд 1914). Позже этот

подход был вытеснен синтаксическим, когда в основу подразделения ПП была положена их синтаксическая функция. Действительно, одна и та же часть речи может выступать в различной синтаксической роли (ср. категории и функции в понимании Л. Теньера), в зависимости от валентности управляющего слова.

Признав ПП единицей, изоморфной слову, можно сделать вывод, что и его синтаксическая функция будет зависеть от валентностного потенциала центра подчинения. Именно на изоморфизме отношений между членами ПрПи отношений между ГП и ПП базируется теория о функциональном соответствии ПП и членов предложения. Данная теория получила развитие в работах Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова и др. Однако среди ПП были выделены разряды, не имеющие соответствий среди членов предложения (например, уступительные). Таким образом, функциональный изоморфизм признается относительным и не может служить единственно-достоверным критерием анализа ПП.

Принимая во внимание вышесказанное, мы будем основываться на синтактико-функциональной классификации ПП, предложенной В.Г. Адмони (Адмони 1973). Данный подход основан на относительной функциональной синонимии элементарных предложений и членов предложения, однако в нем учитывается специфика единиц различных синтаксических уровней. Классификацию ПП с точки зрения выполняемой ими функции можно представить следующим образом:

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

***ПП, имеющие соответствия
среди членов предложения:***

- а) ПП - аналоги главных ЧП:
 - подлежащные;
 - сказуемые.

***ПП, не имеющие соответствий
среди членов предложения:***

присоединительные ПП: они не поясняют ГП а излагают дальнейший ход мысли.

б) ПП – аналоги второстепенных ЧП:

- объектные;
- обстоятельственные (9 типов: ПП места, времени, причины, цели (антицели), условия, уступки, следствия (результата), сравнения, образа действия);
- относительные (описательные и ограничительные).

Наряду с синтактико-функциональной, В.Г.Адмони предложил классификацию СПП в зависимости от их композиционных особенностей. Данный подход интересен тем, что учитывает не только структуру, но и логический и коммуникативный аспекты элементарного и цельного предложений. Итак, в соответствии с *линией напряженности организации предложения* выделяются СПП *свободно организованные* и *напряженно организованные*. В напряженных СПП предикативная часть, необходимая для структурной завершенности предложения, находится в конечной позиции. При этом «необходимым» может выступать как ГП, так и ПП. В случае же, если эта ПЕ расположена в инициальной позиции, то структура предложения характеризуется как «открытая», ненапряженная. Рассмотрим предложения с напряженной и ненапряженной структурой:

(11) 20 век: (1) *If the gang is big enough,* (2) *it may show up on the other side of the world.* (Chandler)

(12) 20 век: (1) *The eight thousand they asked seems pretty low* (2) *if they really knew the value of the jade.* (Chandler)

Данные СПП равнозначны с точки зрения функциональной классификации (СПП с условным придаточным), имеют одинаковое количество предикативных частей (ГП, которое подчиняет одно ПП), их коммуникативные интенции также совпадают (это повествовательные предложения). Тем не менее, предложение (11) является напряженным, так как ПП (1), стоящее в инициальной позиции и содержащее в себе условие,

является синсемантическим и, следовательно, нуждается в ГП (2), которое раскрывает следствие, вытекающее из ПП. В предложении (12) ПП (2) стоит в финальной позиции, а ГП (1) является потенциально-автосемантическим, вследствие чего структура всего СПП предложения может быть охарактеризована как спокойная, ненапряженная.

(13) 20 век: *Now let's have it. (1) Has this job (2) you are doing for Mrs. Grayle (1) anything to do with Amthor? (Chandler)*

В данном примере напряженность структуры создается интерпозицией ПП (2) и усиливается контактным расположением подлежащего ГП (job) и подлежащего ПП (you), а также дополнения ПП (Mrs. Grayle) и дополнения ГП (anything). Таким образом, по нашим наблюдениям, напряженность структуры может создаваться и за счет других средств: столкновения несочетаемых грамматических форм и инкорпорации ПП в структуру ГП.

Выше мы обращались к идее О. Есперсена о градуальном характере порождения предложения, которая находит отражение в классификации СПП по линии разветвленности. Основываясь на композиционных особенностях предложения, отражающих движение мысли при его построении, В.Г. Адмони детализирует концепцию градуальности и выделяет предложения *однонаправленные* и *разветвленные*, которые, в свою очередь, подразделяются на *вытянутые* и *центрированные* (Адмони 1973). Данная классификация позволяет анализировать отношения и связи между основной линией СПП и «боковыми», выраженными ПП.

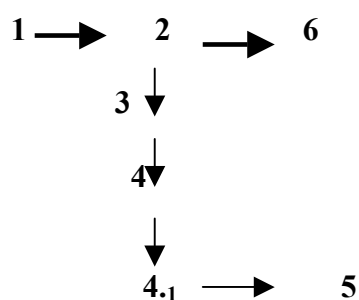
Однонаправленные предложения, исходя из названия, вытянуты в одном направлении и не имеют ответвляющихся компонентов. В.Г.Адмони относит к этому типу ЭП без обособлений, вставок и причастных оборотов; цепи сочиненных предложений; СПП, в которых ПП образует единую смысловую линию с ГП. *Разнонаправленные предложения* характеризуются наличием «уводящих в сторону» компонентов. В «вытянутых» разнонаправленных предложениях между

«нанизанными» компонентами вклиниваются различные осложняющие элементы (вводные предложения, причастные и абсолютные обороты, обособления и т.п.). «Центрированные» же предложения имеют единую, неразрывную предикативную линию (Адмони 1973).

Следующий пример может быть охарактеризован как разнонаправленное вытянутое предложение. В нем причастный оборот (*pretending to be...*) и зависимые от него ПП образуют ответвление от основной идеи СПП:

(14) 21 век: (1) *The truth was* (2) *that Grace Flint,* (3) *who had once positively enjoyed the acute awareness of her own senses every time* (4) *she went out there alone* (4.1) *pretending to be somebody* (5) *she wasn't* (6) *now lived in terror of working in the void.* (Eddy)¹

Попытаемся представить данное предложение графически (основная линия предложения указана жирной стрелкой):

Части (1), (2) и (6) создают своеобразную основу, от которой отходит боковая линия повествования (части (3), (4), (4.1), (6)), содержащая дополнительную информацию о Грейс Флинт. Удалив эту линию, мы получим грамматичное предложение, несколько обедненное, однако, в смысловом плане. Возможно также выделение боковой линии в отдельное предложение:

(14.1) *The truth was that Grace Flint now lived in terror of working in the void.*

(14.2) *Grace Flint had once positively enjoyed the acute awareness of her own senses every time she went out there alone pretending to be somebody she wasn't. The truth was that now she lived in terror of working in the void.*

¹ Номером (4.1) обозначен причастный оборот, который является частью ПП (4), однако содержит антецедент "somebody", подчиняющий следующую предикативную часть (5).

Очевидно, и первая, и вторая трансформации доказывают, что «ответвления» от основной предикативной линии значимы скорее в семантическом, а не в формальном плане, так как при их отсутствии СПП остается структурно завершенным, однако его смысл изменяется.

Следующее предложение является *центрированным*, так как, несмотря на наличие пяти ПЕ, выполняющих различные синтаксические функции, при различной степени автосемантичности и объединенных различными способами синтаксической связи (подчинительной и сочинительной), оно имеет единую предикативную линию, не растянутую в пространстве:

(15) 21 век: (1) He was having difficulty getting the suitcase out from under the table, (2) so he didn't see Grace Flint's approach, (3) did not know (4) she was there (5) until he heard her speak. (Eddy)

Графически схему этого СПП можно представить следующим образом:

1 → 2, 3 → 4 → 5

Несмотря на наличие двух однородных ПП (2) и (3), предложение является центрированным, так как эти ПЕ развивают мысль, заданную в части (1). Таким образом, подход, предложенный В.Г. Адмони, обогащает арсенал приемов анализа СПП и позволяет рассматривать данную таксономическую единицу в пространстве контекста.

Исходя из вышесказанного, попытаемся воспроизвести «портрет» СПП, учитывая его структурно-функциональные, композиционные, прагматические, семантические и коммуникативные характеристики.

Значимыми факторами в определении СПП являются:

- 1) наличие независимой и зависимой позиций;
- 2) наличие в ГП незаполненных позиций (облигаторных или факультативных), а у ПП – формальных и семантических качеств, удовлетворяющих требованиям данных валентностей;
- 3) наличие отношения подчинения между ГП и ПП, эксплицитного или имплицитного;

- 4) наличие союзов, союзных слов или значимого порядка слов, выступающих в роли маркера подчинения;
- 5) особое интонационное оформление зависимой части, способствующее выявлению подчинительных отношений;
- 6) наличие дополнительных факторов, усиливающих отношение зависимости между частями СПП (столкновение несочетаемых грамматических форм, инкорпорация ПП в структуру ГП, дистанцирование antecedента и раскрывающего его ПП и т.д.);
- 7) асимметричность плана выражения и плана содержания (формально главная часть может быть неполной без формально зависимой);
- 8) возможность совмещения в одном компоненте функций ГП и ПП (последовательное подчинение);
- 9) возможность проведения разностороннего анализа (формально-синтаксического, семантического, композиционного, прагматического), вследствие чего можно выделить синтаксическое и семантическое подчинение.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Исходя из значимости сложного предложения в текстах различной стилевой и жанровой принадлежности, мы попытались проанализировать и интерпретировать различные концепции этой таксономической единицы в теории языка. Исследование различных лингвистических подходов показало, что наука о предложении развивалась в соответствии с динамикой эволюционирования самого предложения: по направлению от общего к частному. Историкографический анализ принципов изучения предложения в целом и типов синтаксических отношений в частности позволил создать интегративную программу исследования НСПП с учетом их поликоординированности.

Очевидно, что на современном этапе развития синтаксис обладает обширным арсеналом средств для изучения предложения не только как

изолированной единицы, но и в структуре текста, коммуникации, мышления. Основным структурным компонентом СП признается “clause” (ПЕ, ЭП), характерной чертой которого является наличие предикативных отношений. С точки зрения семантики СП является не простой суммой смыслов его компонентов, а результатом их взаимодействия. На письме СП имеет особое пунктуационное оформление, а в устной речи – характерную интонацию, подчеркивающую взаимосвязь его частей.

Признавая наличие синтаксического (формального) и семантического подчинения и опираясь на положение об асимметрии плана выражения и плана содержания, мы придерживаемся мнения, что синтаксическая зависимость должна трактоваться исходя не только из формальных признаков, но и опираясь на логико-семантические взаимоотношения между предикативными частями. Кроме того, внимания заслуживает тот факт, что различие семантической и синтаксической зависимости позволяет более квалифицированно подходить к анализу СПП и вычленению главных и зависимых частей.

При наличии различных критериев классификации предикативных частей, весьма актуальным становится комплексный, интегративный подход к анализу СПП как единственно возможный вариант квалифицированного выявления отношений как внутри предложения, так и в рамках текста. В ходе исследования мы проанализировали и интерпретировали различные принципы классификации ПП, а также систематизировали признаки, являющиеся конституирующими для изучения СПП. Результаты данной части исследования являются базой для всестороннего изучения фактического материала с целью выявления характерных особенностей отдельных типов НСПП, факторов, влияющих на предпочтение немаркированного варианта, а также описания типологии английских НСПП в сопоставлении с индоевропейскими и германскими языками.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМАРКИРОВАННОГО ГИПОТАКСИСА

2.1. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Основываясь на положении о том, что процесс эволюционирования синтаксических отношений происходил параллельно процессу онтогенеза, мы считаем целесообразным проследить процесс развития подчинения (англ. *subordination*, нем. *Unterordnung*) для того, чтобы выяснить, являются ли немаркированные построения первичной фазой его функционирования. Интерес также представляют факторы, под влиянием которых происходил переход от сочинения к подчинению. Все это позволит более обоснованно подойти к анализу НСПП, к их структурным, семантическим и стилистическим характеристикам. Диахронный анализ позволит также выявить, какие типы НСПП являются универсальными для индоевропейских языков, а какие из них идиоэтничны.

Многие лингвисты, разрабатывая проблемы паратаксиса и гипотаксиса, обращались к переходу от одной стадии развития синтаксических отношений к другой (А.А. Потебня, Б.А. Ильиш, В.И. Борковский, В.Г. Адмони, Л.Л. Иофик, Л. Теньер, Л.П. Чахоян, Е.Г. Ковалевская, Ю.А. Левицкий, О. Есперсен, Дж. Керм, Ф. Виссер, Б. Митчелл и др.).

Говоря о *генезисе* подчинительной и сочинительной связи, необходимо еще раз подчеркнуть первичный, более древний характер сочинения (паратаксиса). Следствием развития человеческого мышления стала потребность в более совершенных средствах для передачи отношений между причиной и следствием, условием и результатом его выполнения/ невыполнения и т.п. Паратаксис был, по-видимому, менее приспособлен для отражения спектра этих зависимостей, вследствие чего формируется подчинительная связь (гипотаксис).

Необходимо отметить, что переход от паратаксиса к гипотаксису является процессом, универсальным для ряда индоевропейских языков (Lehmann 1974), что свидетельствует об общеиндоевропейских тенденциях в развитии синтаксиса. С. Романи указывает, что на ранних этапах развития многих языков происходил переход от более простого способа организации предложений (паратактического) к более сложному, иерархическому (гипотаксису): “...one can distinguish two basic types of sentence structure or relations between structures: *parataxis* and *hypotaxis*. ... Some (grammarians) have claimed that parataxis is a property of “primitive” languages and is a simpler construction of the two because of its presence in the early stages of many languages. ... there is a transition from paratactic to hypotactic constructions which takes place in the evolution of a language; thus, hypotaxis represents a high stage of development...” (Romaine 1984, с. 446). Помимо указания на более высокий уровень сложности подчинительных отношений по сравнению с сочинительными, исследователь отмечает, что данная тенденция раскрывает универсальные принципы (*universal principles*), согласно которым происходит возникновение и совершенствование гипотаксиса в индоевропейских языках.

Л. Теньер также отмечает, что *трансляция* (аналог подчинения) соответствует более высокой стадии интеллектуального развития, более высокому уровню цивилизации, чем *юнкция* (аналог сочинения).

Говоря о причинах и путях перехода паратаксиса в гипотаксис, можно обратиться к мнению Л.П. Чахоян, которая отмечает, что «этот процесс был обусловлен необходимостью уточнения анафорической связи: последовательное изложение фактов с применением анафорической связи заменяется иерархически-подчинительным изложением событий. ...в систему выражения связей между предложениями втягиваются функциональные элементы, уточняющие взаимозависимость и взаимную соотнесенность описываемых событий» (Чахоян 1997, с. 118).

Действительно, развитие гипотаксиса стало возможным не только вследствие уточнения логических и иерархических отношений между частями СП, но и в результате усовершенствования союзных средств связи. По крайней мере, это звучит обоснованно для английского языка.

В связи с появлением книгопечатания, распространением грамотности бурно развивается письменность, возникают новые жанры литературы, повседневная переписка приобретает невиданные прежде масштабы. Все это является дополнительным стимулом для развития способов более точной передачи мысли, источником которых стала подчинительная связь. Гипотаксис предоставил человечеству огромный арсенал средств для более компактного, экономного и эмоционального письменного общения.

Как происходил этот процесс, можно рассмотреть на примере среднеанглийского языка. Л.П.Чахоян отмечает, что на промежуточной стадии между сочинением и подчинением стояла корреляция. Однако в результате формирующейся тенденции к уточнению отношений между предложениями происходит разграничение средств сочинительной и подчинительной связи и, как следствие, корреляция переходит в область действия гипотаксиса (Чахоян 1997, с. 120). Эта же тенденция к разграничению средств выражения гипотактической и паратактической связи была характерна и для немецкого языка (Семенюк 2000), и для всех германских языков в целом (Адмони 1988, Гухман 1981), а также для русского (Ковалевская 1992). Более того, ранее аналогичные процессы происходили и в латинском языке (Грошева 1982), что позволяет считать их близкими к универсальным для ряда индоевропейских языков.

Говоря о развитии индоевропейского предложения, В.Г.Адмони отмечает общую тенденцию к переходу к более ясным и удобным конструкциям, связанную с развитием мышления в целом. Так он обращается к закону Вакернагеля, согласно которому логические принципы соединения слов в предложении в ходе развития языка

начинают преобладать над чисто ритмическими (Адмони 1988, Красухин 1997). Таким образом, язык стремится выработать более точные и в то же время более компактные способы выражения синтаксических отношений.

Попытку описать универсальный процесс возникновения гипотаксиса из паратаксиса находим в «Синтаксисе» Дж. Керма: “In the earliest stage of the parent tongue from which the various Indo-European languages have come, there were no subordination conjunctions as now, i.e., no formal expression had as yet been found for the idea of subordination of one proposition to another. This placing of a subordinate proposition alongside of a principal proposition without a formal sign of subordination is called parataxis” (Curme 1931, с. 170). Интересно, что ученый обозначает термином «паратаксис» отношения синтаксической зависимости, не имеющие формального показателя. Гипотаксис же он определяет следующим образом: “The development of a distinctive formal sign of subordination in the form of conjunctions and relative pronouns – hypotaxis, as it is called – is characteristic of a later stage of language” (Curme 1931, с. 170). Очевидно, под паратаксисом Дж. Керм понимает немаркированную связь (независимо от ее характера), в то время как гипотаксис (подчинение) должен иметь эксплицитный показатель. Однако ниже в этой же работе находим: “It has required many centuries to develop the present hypotactic forms, but actual subordination, although without a formal expression, was present at a very early stage of language growth” (Curme 1931, с. 170). Налицо некое противоречие: первоначально ученый использует для обозначения немаркированного подчинения термин «паратаксис», однако ниже на этой же странице он говорит о ранней стадии развития гипотаксиса, не имеющего маркера. Очевидно, осознаваемая ученым амбивалентность категорий паратаксиса и гипотаксиса, их тесная генетическая взаимосвязь, явились причиной подобного смешения терминов. Так, именуя раннюю стадию развития подчинения бессоюзным гипотаксисом (*asyndetic hypotaxis*), он дает ему

определение, сходное с дефиницией паратаксиса: “An early stage of formal hypotaxis, asyndetic hypotaxis, i.e. hypotaxis clearly marked in thought and form but not indicated by a separate word such as a conjunction or a relative” (Curme 1931, с. 171). Мы, вслед за Дж. Кермом, также будем опираться на различие между паратаксисом и бессоюзным гипотаксисом, так как в немаркированном гипотаксисе наличествует детерминация одной ПЕ другой, причем зависимость эта проявляется как на уровне плана выражения, так и на уровне плана содержания. Вызванное терминологической неточностью смешение категорий паратаксиса и гипотаксиса (даже не имеющего формального выражения) может привести к определенным трудностям.

О неточном определении границ паратаксиса и немаркированного гипотаксиса писал и Л.Теньер: «Большинство имеющихся описаний паратаксиса порочны в своей основе, ибо в них не проводится различия между паратаксисом как фактом синтаксиса и его морфологическим маркером, и постоянно смешиваются паратаксис и немаркированный гипотаксис» (Теньер 1988, с. 334). Очевидно, ученый имел в виду недифференцированное употребление термина «паратаксис» для обозначения сочинения и бессоюзного соединения частей (независимо от типа отношений между ними). Однако, несмотря на предпочтительность дифференциации терминов, обозначающих различные грамматические явления, мы находим недискриминированное значение слова «паратаксис» и в современных лингвистических словарях (БЭС: Языкознание 1990).

Причиной подобной амбивалентности термина можно считать тот факт, что провести четкую грань между сочинением и подчинением (особенно в Немаркированном варианте) зачастую представляется затруднительным, так как ПЕ, находящиеся в отношениях сочинения, также логически связаны друг с другом. Так, Дж. Керм указывает на наличие некоторой степени подчинения (subordination) между сочиненными предложениями:

“Coordination often indicates a close relation between two words or two propositions, the context frequently showing that one of these is subordinate to the other: ‘Give him an inch and (= if you give him an inch, a clause of condition) he’ll take a mile’” (Curme 1931, с. 171). Напрашивается вывод, что в данном случае происходит смешение понятий логической и грамматической зависимости, однако вытекающее из этого более гибкое отношение к различению гипотаксиса и паратаксиса, по нашему мнению, является положительным моментом. Таким образом, терминологическое разнообразие отражает генезис и онтологию синтаксических отношений.

Обоснованность отказа от ультимативного деления на сочинение и подчинение (особенно в случае асиндетона) доказана более поздними исследованиями. Так Дж. Хельгандер обращает внимание на относительную, неполную свободу частей паратактического сочетания (он также понимает под этим термином сочинение): “...a parataxis with complete independence of the sentences nowhere occurs; ... it is scarcely possible to connect sentences together without a certain kind of *hypotaxis* or subordination. The mere fact that two sentences are put paratactically to each other proves that there is a logical connection between them, that is, one sentence in some way modifies the other. In short, what was formally a paratactic connection, is logically hypotaxis or subordination. ... the boundary line between parataxis and hypotaxis must be somewhat vague...” (Helgander 1971, с. 34). Действительно, даже рассматривая соположение предложений в тексте, мы говорим об их взаимообусловленности. Следовательно, невозможно игнорировать взаимное влияние предикативных частей в рамках более узкого контекста (СП), несмотря на их формальную самостоятельность. Значимыми автор считает следующие факты:

- преемственный характер гипотаксиса по отношению к паратаксису;
- отказ от строгого разграничения сфер действия сочинения и подчинения.

Интересно отметить, что и Дж. Хельгандер акцентирует внимание на универсальном для германских языков пути *градуального перехода от паратаксиса* (бессоюзной, а затем и союзной сочинительной связи) к *гипотаксису* (немаркированному, а позднее и формально выраженному). При этом ученый проводит параллель между усложнением синтаксических связей в ходе развития языка и развитием речи и мышления ребенка. Автор приводит пример «детского» предложения на немецком языке:

(16) nein, nein, osse pepi, ditte boch. (цит. no: Helgander 1971, с. 40)

Данное предложение в переводе на «стандартный» немецкий будет выглядеть следующим образом:

(16.1) Die grosse Puppe, die Ditta zerbrochen hat. (цит. no: Helgander 1971, с. 40)

Имея в виду то, что процесс умственного развития в онтогенезе аналогичен ходу развития в филогенезе, мы считаем, что данное сравнение позволяет представить, как из бессвязного сочетания ситуаций и образов складывается логично и эргономично организованное высказывание.

В.Г. Адмони отмечает, что даже на древнейшем этапе развития индоевропейского предложения «чистого» паратаксиса уже не было. «Подлинная паратактичность может быть установлена лишь гипотетически и по отношению к очень далеким индоевропейским этапам развития структуры предложения» (Адмони 1988, с. 217). Уже к моменту расхождения индоевропейских языков абсолютно паратактических предложений не существовало. Однако в пользу паратактичности индоевропейского предложения говорят три фактора:

- 1) отсутствие согласования и управления при господствующем положении примыкания²;
- 2) отсутствие ясных границ между предикативными и непредикативными формами;

² Данное утверждение, на наш взгляд, не может быть безоговорочно принято для флективных языков.

3) формальный параллелизм в словосочетаниях, выражающих логически непараллельные понятия (Адмони 1988, с. 217-218).

Для создания более полной картины типов синтаксических отношений на ранних этапах обратимся к особенностям структуры индоевропейского предложения, которая характеризуется как спокойная, ненапряженная. Впоследствии за счет ослабления морфологических показателей слово становится менее нагруженным грамматически, что влечет за собой перестройку предложения: оно становится более напряженным и упорядоченным, что позволяет придать слову большую синтаксическую выразительность (Адмони 1988). Вероятно, гипотаксис стал той напряженной, более строго организованной структурой, которая смогла осуществить недоступные паратаксису функции.

Интересна точка зрения на процесс развития гипотаксиса, представленная в «Английской грамматике» О. Есперсена: “Two sentences which were at first independent units were pronounced rapidly after each other and thereby came to be felt as a grammatical unit, i.e. one sentence” (Jespersen 1927, с. 134). Ученый акцентирует внимание на том, что между частями СП, помимо структурной и смысловой зависимости, существует связь интонационная. Роль просодии в историческом синтаксисе традиционно недооценивается, поэтому мнение О. Есперсена дает нам еще одну возможность уяснить, как и почему происходили изменения способов и средств синтаксической связи.

Проблема разграничения паратаксиса и гипотаксиса затрагивается и в коллективной монографии «Кембриджская история английского языка»: “Although the view formerly widely held according to which only parataxis (i.e. sequential arrangement of main clauses) was in use cannot be upheld, it is clear that the distinction between parataxis and hypotaxis (subordination of subclause to main clause) is clear cut” (The Cambridge history, vol. 1, с. 62). Исходя из этого, мы считаем возможным сделать следующие выводы:

- 1) термин «паратаксис» корректно применять по отношению к ССП;
- 2) различия между паратаксисом и гипотаксисом достаточно четко прослеживаются уже на ранних этапах развития языка;
- 3) отсутствие подчинения на начальной стадии развития языка ставится под сомнение.

Несмотря на утверждение, что граница между паратаксисом и гипотаксисом была четко очерчена с самого начала их функционирования, в томе II той же «Истории» отмечается, что, вопреки решающей роли контекста в идентификации типа синтаксической связи, существуют спорные случаи: “Usually the context gives a clear interpretation of a sequence of clauses as independent or complex. But ambiguities still exist” (The Cambridge history, vol. 2, с. 184).

Говоря о сигналах сочинения и подчинения, авторы называют порядок слов и союзы. Пунктуация не признается достаточно надежным средством отграничения сочинения от подчинения, так как зачастую в более поздних переизданиях древне- и среднеанглийских текстов (которыми мы в большинстве случаев располагаем) пунктуация изменялась, следовательно, судить о первоначальном варианте невозможно (The Cambridge history, vol. 2; Орехова 2000). Что касается интонационного оформления СП, то этот аспект в настоящем исследовании не затрагивается.

Говоря о СП и его эволюционировании в ходе развития английского языка, авторы «Истории» отмечают: “Often a coordinate clause may well be a subclause semantically... Only at the end of the middle English, with the development of a written standard, the language begins to use complex sentences extensively, under the influence of French and Latin prose” (The Cambridge history, vol. 3, с. 267). Здесь авторы, очевидно, имеют в виду необходимость учитывать асимметричность предикативной единицы, так как потенции плана выражения и плана содержания не всегда равноценны.

Что касается древнерусского языка, для него были характерны предложения, переходные от паратаксиса к гипотаксису. Подчинительные союзы были немногочисленны, вследствие чего синтаксическая зависимость выражалась нанизыванием ПЕ, а также сочинительными союзами. Однако на рубеже XVIII в. подчинительные союзы становятся более многочисленными и специализированными. Их функции уточняются, и, как результат, она вытесняют корреляты (Ковалевская 1992). Данный процесс можно соотнести с процессом развития подчинения в среднеанглийский период (см. выше).

Важным видится выделить факторы, повлиявшие на укрепление позиций подчинения в английском языке: выработка стандартов письменной речи и иноязычное (французское и латинское) влияние. О латинском влиянии на английский синтаксис упоминает и О. Есперсен: “Latin has influenced English in style and syntax. Latin grammar was the only grammar taught in those days, and the only grammar found worthy of study and imitation” (Jespersen 1905, с. 75).

Значительная роль латинского языка в эпоху Возрождения связана с возросшим интересом к античности. Естественно, что при переводе письменных памятников с латинского на другие языки происходила синтаксическая интерференция (Ярцева 1961, Яковлева 1982). Однако, как отмечает И.Л.Яковлева, иноязычное влияние в области синтаксиса возможно лишь при наличии собственных тенденций в воспринимающем языке, которые усиливаются под воздействием внешних факторов. Это подтверждается и тем, что практически всем латинизмам (кроме абсолютного дательного в древнеанглийском) соответствовали исконно английские конструкции, которые в том или ином виде существовали до латинских заимствований и могли бы самостоятельно развиваться в том же направлении. Латинский язык лишь способствовал их большей частотности (Бруннер 2003). Сама возможность воздействия латинского

языка на английский синтаксис еще раз подтверждает, что развитие гипотаксиса происходило аналогично в индоевропейских языках (с учетом индивидуальных особенностей), следовательно, этот процесс обусловлен общими характеристиками данных языков и спецификой развития человеческого мышления, когнитивных способностей.

Что касается установления стандарта в письменности (нормы), то в данной сфере английского языка также большую роль сыграло норманнское завоевание. Именно с этого момента общественная жизнь Англии изменяется коренным образом, что не могло не отразиться в литературе. Появление новых жанров письменности, развитие книгопечатания стимулировали развитие более совершенных способов языковой репрезентации сложных смыслов. Вот что пишет о новом жанре, жанре драмы О. Есперсен: “Shakespeare’s Syntax was that of the speaker, not that of the essayist. Drama represents the unstudied utterance of people under all kinds and degrees of emotion. Its syntax must be familiar, conversational, spontaneous, not studied and formal” (Jespersen 1905, с. 83). Это высказывание весьма важно для понимания процессов, происходивших в английском языке в тот период: значительные перемены в жизни общества повлекли за собой изменения в языке. В письменную речь вторгается разговорный язык, необходимый драматургам для создания живых, реальных персонажей, отличных от героев средневековых мистерий. Все это делает письменную речь более яркой, разнообразной и динамичной.

Таким образом, можно достаточно определенно утверждать, что разграничение паратаксиса и гипотаксиса, рост числа подчинительных союзов, использование немаркированного гипотаксиса (который является мощным стилистическим средством) стало следствием развития не только языковой системы, но и изменений в жизни социума. Эту точку зрения развивает А. Мартине, отмечая, что эволюция языка зависит от потребностей его носителей. Поэтому объектом изучения должен быть не

просто язык, а внутриязыковые противоречия, порождаемые потребностями людей, общающихся на нем (Мартине 1963, с.532).

Возвращаясь к мнению авторов «Кембриджской истории английского языка» о том, что паратаксис, возможно, был не единственным видом синтаксической связи на ранних этапах развития языка, интересно рассмотреть точку зрения А. Хэррис и Л. Кемпбелл. “Traditional view that hypotaxis develops out of parataxis has been questioned. The reason is that the claim that hypotaxis develops from parataxis has been made with reference to the first appearance of hypotaxis in a language, not to its repeated renewal” (Harris 1955, с. 72). Ставя под сомнение более «юный» возраст гипотаксиса, авторы, тем не менее, относят к области паратаксиса и немаркированную подчинительную связь: “Parataxis is either asyndetic joining or loose (imprecise) joining of clauses, or both” (Harris 1955, с. 74). Исходя из определения, исследователи выделяют три типа паратаксиса:

- 1) бессоюзное соединение предикативных единиц;
- 2) свободное (loose) соединение;
- 3) связь предложений в дискурсе.

Интересно, что свободное соединение частей СП рассматривается отдельно от бессоюзного. Это позволяет предположить, что последнее подразумевает под собой немаркированный гипотаксис. Причиной недискриминированного употребления термина «паратаксис» можно считать ранее высказанную мысль об амбивалентности сочинения и проблематичности соединить несколько *абсолютно* независимых предложений в одно.

Несмотря на то, что гипотаксис признается более сложным и высокоразвитым типом синтаксической связи, его более позднее появление в языке ставится под сомнение (Harris 1955). Действительно, отсутствие подчинительных конструкций в древних памятниках письменности может быть объяснено их жанровым своеобразием. Как

правило, грамотой владели монахи, а основными видами литературных произведений были переложения Священного Писания, летописи, проповеди и т.п. Все эти жанры предполагают последовательное изложение событий, соответственно, острой необходимости в выражении отношений условности, причинности и временной зависимости не было. Само повествование было медленным, плавным. Подчинение же, вероятно, функционировало на уровне устной речи, где на помощь семантике предложения приходили дополнительные каналы информации (невербалика). И лишь с приобщением широких слоев населения к грамотности, с развитием новых литературных жанров подчинение не просто получает официальный статус, но и приобретает формальные показатели, отвоевывая «жизненное пространство» у сочинительной связи.

Обращаясь к «Древнеанглийскому синтаксису» Б. Митчелла, обнаруживаем, что и он предпочитает термин «паратаксис» для обозначения бессоюзных сложных предложений. Более того, он использует понятия “parataxis in concessive clauses”, “parataxis in conditional clauses” и т.п., комбинируя таким образом категории сочинения и подчинения. Мотивируя смешение терминов, автор указывает на амбивалентность отношений между ПЕ, когда ввиду отсутствия показателя связи возникает трудность в определении главного и придаточного предложений (Mitchell 1985). Вероятнее всего, ученый обозначает таким образом бессоюзные сочетания с отношениями синтаксической зависимости, то есть немаркированные гипотактические построения.

Данную точку зрения разделяет Ю.А.Левицкий, признавая бессоюзие древнейшим видом синтаксической связи. Древнее НСП состояло из ряда самостоятельных предложений. Характер отношений между частями (подчинение или сочинение) зависел от роли порядка слов: при паратаксисе он был безразличен, при гипотаксисе же порядок следования членов предложения был фиксированным (Левицкий 2001). Однако,

опираясь на мнение Дж. Хельгандера, мы считаем необходимым оговорить, что «самостоятельность» предложений в паратактическом построении должна восприниматься как относительная величина.

Другой английский ученый, Д.Л. Шорс, говорит о двух типах паратактических конструкций (Shores 1971):

- 1) сочетания ГП и ПП, связь между которыми формально не выражена;
 - 2) предложения, в которых выявить главное и придаточное невозможно.
- Очевидно, исследователь осознает наличие различных видов синтаксической связи в рамках асиндетона, но не терминологизирует это.

Объяснить причину трудностей в разграничении сочинения и подчинения пытается Дж. Марш: “English speech subordinated syntax to inflection, logical to the formal. ... The construction of the sentence is a logical problem, to be solved by an almost purely intellectual calculus, and with very few of mechanical facilities which simplify, if they do not lighten, grammatical study in most other tongues” (Marsh 1862, с. 23). Действительно, английский язык отличается от других германских языков отсутствием флексий, в силу чего логические связи в предложении зачастую не имеют «механической» поддержки. Исходя из этого, при проведении синтаксического анализа СП следует уделять должное внимание логическим и смысловым связям между его частями, их семантике, а не концентрироваться лишь на формальных признаках сочинения или подчинения.

В.Г.Адмони также обращает внимание на амбивалентность сочинительной связи, в частности, бессоюзного сочинения, так как в предложениях с подобной связью (формально ССП) можно зачастую выявить отношения, аналогичные подчинительным (Адмони 1973).

Об этом говорит и Е.В. Гулыга, отмечая, что существует «зона постепенных переходов» от паратаксиса к гипотаксису. В ряде случаев возможна замена подчинительной структуры на сочинительную с

определенным изменением значения: это могут быть предложения со значением времени, причины и следствия, уступки (Гулыга 1971).

Подводя итоги вышесказанному, попытаемся определить грань между паратаксистом и гипотаксистом. Под термином «паратаксист» мы подразумеваем сочинительную связь равноправных (но не абсолютно свободных) предикативных единиц. Гипотаксист, в нашем понимании, это сочетание двух и более предложений, из которых одно является главным, а остальные зависят от него семантически и/или структурно.

С исторической точки зрения (по мнению большинства ученых) гипотаксист «моложе» паратаксиста ввиду более высокого уровня сложности передаваемых отношений. Однако некоторые лингвисты считают эту точку зрения недостаточно аргументированной и отмечают, что немаркированный гипотаксист функционировал на ранних этапах развития языка, но не нашел отражения в письменности в силу ряда прагматических и лингвистических факторов. По нашему мнению, данное положение является спорным в силу отсутствия соответствующих языковых фактов. Имея возможность лишь гипотетически реконструировать язык на его дописьменном этапе, следует более полагаться на зафиксированные в памятниках факты. Однако абсолютно игнорировать данную гипотезу представляется нерациональным.

Существует также гипотеза о том, что паратаксист и гипотаксист развивались автономно, и подчинение не может считаться результатом эволюционирования сочинения в ходе развития человеческого мышления (Ломтев 1956). В качестве доказательства приводится факт, что подчинительные союзы и союзные слова произошли не от сочинительных союзов. Однако данная точка зрения кажется нам недостаточно обоснованной, так как выше было показано, что в основе подчинительных отношений лежат не столько союзы как маркеры зависимости, сколько более глубокие смысловые и логические связи между предложениями.

В целом развитие гипотактической связи можно считать одним из проявлений закона антиномии. Действие этого закона на данном участке синтаксической системы проявляется в противоречии между двумя разнонаправленными тенденциями: стремлением к экономии языковых усилий и необходимостью максимально четкого выражения синтаксических отношений. При этом мы не вправе рассматривать развитие синтаксической системы в отрыве от совокупного развития других уровней языка: морфологии, фонетики, лексически. Кроме того, условия общественной жизни и формы коммуникации также диктуют свои требования к синтаксическому оформлению предложения.

Говоря о древнем, первоначальном способе объединения простых ПЕ в сложные построения, ученые сходятся во мнении, что этот процесс отражал интонационно слитное произнесение смежных, связанных по смыслу предложений, что впоследствии отразилось на письме. Такое сочетание предложений получило название паратактического. В дальнейшем термином «паратаксис» стали обозначать сочинительную связь (маркированную и немаркированную), вследствие чего термин приобрел некую амбивалентность, поскольку обозначает как относительно свободные сочетания ПЕ, так и СП, части которых объединяются семантической или структурной зависимостью (не выраженной формально). С другой стороны, ССП также зачастую амбивалентны, так как между их частями прослеживается логическая связь.

Во избежание неточностей мы в дальнейшем считаем целесообразным употреблять термин «паратаксис» для обозначения сочинительной связи, «гипотаксис» для обозначения подчинения. «Немаркированный гипотаксис» относится к сложным предложениям с отсутствующим формальным показателем связи, но ярко выраженной структурной и/или семантической зависимостью между предикативными единицами.

Признав НСПП древней синтаксической единицей, возникшей в результате действия когнитивных закономерностей и закона антиномии, имеющей общие для ряда индоевропейских языков характеристики (см. Ильиш 1958, Грошева 1982, Ярцева 1985, Левицкий 2001, Helgander 1971, Romaine 1984 и др.), обратимся к его *категориальному статусу*. Немаркированный гипотаксис является одним из проявлений асиндетона, или неэксплицированной синтаксической связи. Асиндетон (бессоюзие) - это «связь предложений, осуществляющаяся интонационными средствами, без участия *союзов*. ...Смысловые отношения при бессоюзии обычно остаются невыраженными, поскольку формирующие их факторы (самая последовательность предложений, их строение, морфолого-синтаксические признаки), как в отдельности, так и в комплексах друг с другом, в большинстве своем полисемантически, т.е. не закреплены за строго определенными видами отношений, и недостаточно регулярны. Тем не менее, смысловая определенность бессоюзной связи бывает иногда значительной. ...В системе синтаксических связей бессоюзие противостоит подчинению как имплицитная связь эксплицитной, тогда как по отношению к сочинению бессоюзие «симультанно», т.е. совмещено с ним» (БЭС: Языкознание, с. 74).

Данное определение, на наш взгляд, достаточно полно отражает специфику асиндетона как типа синтаксической связи: полисеманτικότητα показателей смысловой зависимости, наличие имплицитных показателей этой зависимости. Однако приоритет просодического фактора в осуществлении связи между компонентами СП, а также сам термин «бессоюзие» по нашему мнению нуждаются в некотором уточнении. Кроме того, приведенная выше трактовка асиндетона противопоставляет его гипотаксису на основе эксплицитности / имплицитности показателя связи, объединяя, в то же время, асиндетон и паратаксис. Выше мы высказывали соображение о том, что подобное смешение терминов

вызвано амбивалентностью сочинительной связи и излишней категоричностью в определении типов связи. Основываясь на данных генетического анализа типов синтаксической связи, мы пришли к выводу, что необходим более гибкий подход к определению их границ. Нам видится, что противопоставление асиндетона и гипотаксиса лишь на основании формальных признаков является недостаточно обоснованным. Далее, основываясь на категориальных особенностях подчинения, мы попытаемся показать, что в рамках немаркированной синтаксической связи возможно выделить гипотактические отношения.

Одним из спорных, на наш взгляд, моментов является сам термин «бессоюзие». Как следует из названия, это понятие охватывает предложения, не имеющие в составе союза как показателя связи. Однако в роли эксплицитного коннектора в СП может выступать не только союз, но и относительное местоимение или наречие. Несомненно, союзы, независимо от типа выражаемой ими связи, являются лишь делексикализированным грамматическим средством. Многие союзы полифункциональны (например «что», “that”, “dass”), вследствие чего они неспособны выступать абсолютным показателем логико-семантической зависимости между частями СПП. Коннекторы местоименного и наречного происхождения не только выполняют грамматическую функцию союзов, но имеют и лексическое значение, соответственно, их роль в предложении соотносима с ролью знаменательных слов (Василенко 1965). Вследствие этого связь, выраженная относительными словами, получила название относительного подчинения.

Очевидно, что отсутствие маркера-союза и маркера-местоимения будет иметь различные последствия для СП, что можно проиллюстрировать следующими примерами:

(17) 21 век: But she said last week she would surrender anyway in order to “reclaim my good life” and put the ordeal behind her. (am New York)

(17.1) *But she said last week **that** she would surrender anyway in order to “reclaim my good life” and put the ordeal behind her.*

Несомненно, присутствие союза “that” делает предложение (17.1) более легким для восприятия, однако не изменяет его формальных и семантических характеристик.

(18) 21 век: *A man **who** died in a car bombing outside the Opryland resort in July killed himself and tried to make it look like murder so his family could collect on his life insurance. (am New York)*

(18.1) *A man died in a car bombing outside the Opryland resort in July killed himself and tried to make it look like murder so his family could collect on his life insurance.*

В данном случае, удалив относительное местоимение “who”, мы лишаем ПП подлежащего. В результате СПП с придаточным определительным превращается в конструкцию апо койну (A man died in a car ... killed himself), которая считается атрибутом разговорной речи. Структура предложения изменяется, как и его стилистическая окраска. Вместе с тем логическая связь между предикативными частями становится теснее и предложение из гипотактического (в котором одна часть расположена «ниже», чем другая) превращается в парегипотактическое, так как обе части являются облигаторными. Очевидно, что отсутствие относительного местоимения приводит к коренным изменениям в предложении.

Следует принимать во внимание и такие СП, в которых присутствие маркера невозможно в силу структурных особенностей: условные предложения с инвертированным порядком слов в ПП, СПП со значением сравнения и т.п.:

(19) 21 век: ***The more** times you phone her, **the more** times you crawl back begging forgiveness, **the more** she can beat you with your father. (King)*

Очевидно, что данная форма возникла не в результате опущения коннектора, а является особым идиоэтническим видом асиндетического построения.

Исходя из вышесказанного, мы считаем обоснованным использовать термин «немаркированная синтаксическая связь» вместо «бессоюзия», так

как последний не учитывает специфики всех форм маркированной связи (например, относительного подчинения). В рамках асиндетона видится возможным выделить предложения, *изоморфные маркированным* (см. пример 17), а также *абсолютно асиндетические* СП, имеющие особую структурную и композиционную организацию, а также генетическую предрасположенность к асиндетону (см. пример 19).

Возвращаясь к проблеме выделения в рамках асиндетона сочинительных и подчинительных отношений, необходимо отметить, что в российском языкознании существует две противоположные точки зрения по этому поводу. Что касается зарубежной лингвистической традиции, большинство ученых признает существование асиндетического подчинения. Рассмотрим данный вопрос с различных позиций.

Известно, что в российской грамматической традиции не выработано единого мнения о специфике асиндетических СПП. Согласно одной из теорий, асиндетон является особым типом синтаксической связи, который невозможно соотносить с союзной (под союзной мы будем понимать связь, выраженную эксплицитно, вне зависимости от характера маркера). Данное положение было выдвинуто Н.С.Поспеловым и развивалось в «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой, в работах Ю.А.Левицкого, Е.Н. Ширяева, Т.Г. Логиновой и др.

Ю.А. Левицкий, основываясь на идеях Н.С. Поспелова, определяет сочинение, подчинение и бессоюзие как отдельные типы синтаксической связи (Левицкий 1993). Отрицая возможность выделения в рамках асиндетона подчинения и сочинения на основе интонационного признака, ученый указывает на то, что предложение как единица языка не может быть привязано к определенной интонации. Действительно, одно и то же предложение может иметь несколько вариантов интонационного оформления (Донгаузер 1989). Следовательно, определять тип связи в немаркированном СП, опираясь лишь на интонацию, не является вполне

корректным. Кроме того, предложение функционирует не только в устной речи, но и на письме, где фонетические характеристики минимизированы.

Сторонники выделения асиндетона в отдельный тип связи признают, что немаркированные СП могут быть сходны с союзными СПП и ССП, однако в силу отсутствия показателя связи отношения в немаркированном НСП отличаются большей гибкостью (Русская грамматика 1982, Левицкий 1993). В таких предложениях противопоставление между сочинением и подчинением снято. В то же время признается наличие разнообразных логико-смысловых отношений между частями НСП, которые могут быть аналогичны отношениям в СПП (Русская грамматика 1982). Очевидно, что данная концепция базируется на различии синтаксического подчинения и семантического подчинения, так как решающее значение придается наличию маркера синтаксической связи.

Авторы «Грамматики современного русского языка» выделяют *БСП типизированной* и *нетипизированной* структуры. К предложениям *типизированной* структуры относятся СП с анафорическим элементом, с незамещенной синтаксической позицией, а также с факультативной позицией заключительной части (Грамматика 1970).

Согласно Грамматике-70, БСП с анафорическим элементом содержат информативно недостаточный компонент, нуждающийся в раскрытии: местоимения «вот так», «такой», «весь», «всякий», «вот что» и т.п. Такой синсемантический элемент выступает в роли скрепы и может располагаться как в первой, так и во второй части БСП.

В БСП с незамещенной синтаксической позицией первая ПЕ содержит незаполненную обязательную валентность (дополнения или подлежащего). Подобные предложения авторы учебника соотносят с изъяснительными СПП, однако приводят ряд специфических для БСП характеристик, как семантических, так и структурных.

Следующий тип БСП – предложения с факультативной позицией заключительной части, которые могут выражать значения временной обусловленности, причины, условия. Характер зависимости в некоторой степени уточняется лексическим составом и контекстом.

Предложения *нетипизированной* структуры подразделяются в зависимости от содержания на объяснительные и сопоставительно-противительные (Грамматика 1970).

В российской грамматической традиции получил распространение еще один принцип анализа БСП: основанный на взаимоотношении частей (Русская грамматика 1982, Краткая русская грамматика 1989). Исходя из этого признака, выделяются группы БСП с *односторонним* и *двусторонним* отношением частей. Сочетания с *двусторонним* отношением частей могут выражать условные, уступительные, временные, сопоставительно-противительные и сравнительные связи. Их общей чертой является соотносительность синтаксического строения предикативных частей: структурный параллелизм, однотипность синтаксической организации, порядка слов и лексического наполнения. При выявлении типа синтаксических отношений принимаются во внимание соотношение модально-временных планов ГП и ПП, порядок слов, контекст, отношения логической зависимости (Русская грамматика 1982, Краткая русская грамматика 1989).

Предложения с *односторонним* отношением частей характеризуются несоотносительностью строения предикативных частей и подразделяются на определительные, изъяснительные, целевые, следственные, результативные и пояснительные (Русская грамматика 1982, Краткая русская грамматика 1989).

Можно сделать вывод, что сторонники выделения асиндетона в отдельный тип синтаксической связи опираются, в основном, на *признак выраженности маркера зависимости*. В то же время они допускают

наличие отношений, аналогичных сочинительным и подчинительным. На наш взгляд, в рамках данной теории подход к определению категориальных особенностей асиндетона отмечен некоторой односторонностью. При наличии в немаркированных построениях структурных отличий от маркированных аналогов (например, инверсия в условных СП) характер логико-смысловой зависимости не изменяется. Базируясь на определении СП как результата взаимодействия плана выражения и плана содержания, представляется не вполне корректным относить к различным группировкам предложения, подобные следующим:

(20) 18 век: *The notice which you have been pleased to take of my labours, **had it been early, had been kind.*** (S. Johnson)

(21) 21 век: ***If he makes the wrong choice,** as she hopes he will, "Freeze" will be the last word he hears.* (Eddy)

Очевидно, что и в первом и во втором случае выделенное ПП выражает условие, при выполнении которого произойдет событие, описанное в ГП. Отсутствие маркера в примере (20) не препятствует актуализации значения обусловленности. Полагаем, что в подобных случаях можно говорить о вариантах условных СПП.

Обратимся к другому положению, согласно которому НСП могут служить аналогами маркированных СПП и ССП. Основоположником этой теории является А.М. Пешковский. Многие зарубежные и российские лингвисты проводили свои исследования, исходя из возможности выделения сочинительных и подчинительных отношений в рамках асиндетона: Б.А.Ильиш, В.И. Борковский, Л.Л. Иофик, В.Н.Ярцева, В.Г. Адмони, Л.П. Чахоян, О. Jespersen, G.Curme, G.Helgander, В. Mitchell и др.

Выше мы отмечали, что одним из факторов, осложняющих изучение НСП, является объединение сочинения и асиндетона термином «паратаксис». На наш взгляд, подобная терминологизация не вполне обоснованна, если учесть особенности синтаксических отношений в бесконнекторных СП. Как отмечает Ч. Ленманн, отношения паратаксиса и

гипотаксиса необходимо рассматривать отдельно от признака эксплицитности/имплицитности маркера связи. “The presence or absence of a connective device between two clauses has nothing to do with parataxis vs. hypotaxis, but is exclusively a question of syndesis. In particular, it is not the case that either the concept of hypotaxis or the concept of subordination require the use of a conjunction, as has been claimed variously” (Lehmann 1989, с. 171). Действительно, генетический анализ гипотаксиса свидетельствует, что прототипом союзного подчинения было немаркированное. Развитие показателей синтаксической зависимости стало возможным лишь в результате появления этой зависимости в языке и необходимости ее уточнения. Таким образом, разграничения понятий гипотаксиса и паратаксиса не следует ставить в зависимость от наличия коннектора.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что помимо союзов и союзных слов язык обладает несколькими средствами выражения подчинения, к которым относятся следующие: порядок слов, корреляция видо-временных форм сказуемых в ГП и ПП, интонационное оформление, структурная и семантическая синсемантика одной из частей СПП, пунктуация (в качестве вспомогательного средства).

Положение о факультативности показателей связи для выражения логико-грамматической зависимости в гипотактическом построении развивается в «Синтаксисе» Дж. Керма: “Sometimes there is no formal link binding the members together since the logical connection forms a sufficient tie. ... In this old construction (asyndetic hypotaxis), of the two originally independent sentences one of them, lying alongside of the other in close relation to it, ... is so markedly dependent logically and also formally dependent by reason of its peculiarly abridged and close-linked form that it is no longer felt as an independent sentence but as a relative clause” (Curme 1931, с. 170-171). Положительными чертами данной трактовки является охват всех аспектов СПП: топологического (линейного), онтологического, структурного,

логико-семантического. Очевидно, что НСПП произошло из сочетания независимых предложений, однако вследствие развития логических связей одно из предложений становится зависимым от другого, не имея, однако, формального маркера зависимости.

Некоторые ученые считают, что относительные НСП являются результатом выпадения относительного местоимения (*omission, deletion*). Такого мнения придерживаются Ф. Виссер, К. Онионз, С. Гринбаум, Л.-Г. Андерссон, Д. Наполи, Дж. Хельфенштейн и др. Виссер отмечает, что трудность в определении типа СП как маркированного или немаркированного на ранних этапах функционирования языков заключается в том, что как таковые относительные местоимения появились довольно поздно. В древнеанглийском, например, изначально относительную функцию выполняло местоимение «*ƿe*», а в личных и указательных местоимениях еще только формировалась данная функция (Visser 1963, с. 536), например:

(22) *Др.-англ.*: *he ongan wyrcean woh on ƿam he hatode – he did much harm to those he hated.* (цит. по: Visser 1963, с. 536)

Данное предложение типично для древнеанглийского языка, так как опорное слово, выраженное указательным местоимением «*ƿam*» (*those*), сигнализирует о синтаксической зависимости в отсутствии коннектора. Вследствие этого, довольно сложным представляется определить, является ли то или иное предложение СПП с немаркированным относительным придаточным или СПП, в котором функцию относительного слова выполняет местоимение другого разряда. Керм отмечает, что гипотактические относительные ПП иллюстрируют древнейшее состояние относительного подчинения: “In English there is well preserved the most primitive type of relative construction, the asyndetic relative clause ...” (Curme 1931, с. 234).

Что касается других типов СПП (субъектных, временных, атрибутивных), то и они, по мнению исследователей, первоначально имели

вид немаркированных гипотактических построений (Jespersen, Curme, Visser, Strang, Michell и др.). Исходя из этого, нам кажется не вполне обоснованным положение о том, что НСПП являются результатом опущения коннектора. Их, скорее, логично признать прототипом маркированных СПП, а формирование и развитие союзных СПП можно считать следствием тенденции к максимальной четкости в актуализации синтаксических отношений и проявлением языковой синонимии.

Однако существуют и такие типы НСПП, структура которых не допускает подстановки союза или союзного слова: это предложения со значением условия, уступки, сравнения. История таких построений также уходит корнями в далекое прошлое, однако в силу своей специфики, а также самодостаточности несоюзных средств выражения зависимости, они сохранили свой первозданный вид и функционируют наравне с более новыми образованиями (Curme 1931). Они являются идиоэтническими для английского языка (НСПП сравнения) и германских языков (НСПП условные и уступительные). В ходе дальнейшего исследования мы подробно проанализируем такие предложения, пока лишь приведем несколько примеров:

(23) *The more money he makes the more he wants.* – ПП сравнительное.

(24) *Had I the time, I would go.* – ПП условное.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным согласиться с классификацией, предложенной И.А. Василенко и выделить среди НСПП следующие типы:

- НСПП, изоморфные маркированным;

- НСПП, генетически предрасположенные к асиндетону (абсолютно немаркированные).

Необходимо отметить, что в сфере асиндетона существует и пограничное явление, которое невозможно определить как гипотактическое или паратактическое в силу его специфики: речь идет о конструкции апо койну. Далее мы подробно рассмотрим характеристики

данной структуры, однако ее существование еще раз доказывает необходимость отказа от жесткого деления СП на подчиненные и сочиненные.

Итак, признав возможность выделения в рамках немаркированной синтаксической связи отношений подчинения, проанализируем разновидности НСПП, приведенные разными исследователями. Основываясь на структурно-функциональном принципе, авторы «Истории английского языка» И.П. Иванова, Л.П. Чахоян и Т.М. Беляева отмечают, что в английском языке функционируют НСПП со следующими типами придаточных: объектными, атрибутивными, причинными, условными, уступительными, апо койну. К этим типам предложений мы считаем необходимым добавить ПП, выполняющие функции субъекта, предикатива, обстоятельства результата, времени, сравнения, образа действия и цели. Что касается немецкого языка, то в нем выделяются типы НСПП, аналогичные английским: субъектные, предикативные, атрибутивные, объектные, условные, уступительные (Шендельс 1952). Необходимо отметить, однако, что в немецком языке конструкция апо койну на современном этапе не функционирует.

Подводя итог вышесказанному, попытаемся обрисовать наше видение сложного немаркированного гипотактического построения. Учитывая специфику формальных маркеров синтаксической зависимости, представляется обоснованным отказ от термина «бессоюзие» и замена его на термин «немаркированная \ бесконнекторная синтаксическая связь». Проанализировав различные точки зрения на асиндетон, мы считаем возможным выделить в его рамках *синтаксические отношения*, соотносимые с подчинительными. Исключение немаркированных предложений из области гипотаксиса является не вполне обоснованным, поскольку союзы и союзные слова не являются абсолютными показателями синтаксической зависимости между предикативными

единицами. Следует также отметить необходимость более гибкого подхода к определению границ сочинения и подчинения, поскольку существуют т.н. *парагипотактические* структуры, которые сочетают в себе характеристики паратаксиса и гипотаксиса. Кроме того, даже компоненты ССП зачастую обнаруживают синтаксическую зависимость.

Следует оговорить, что не во всех случаях немаркированное СПП допускает подстановку союза или союзного слова. Обоснованным, по нашему мнению, является деление НСПП на предложения, *изоморфные маркированным*, и *абсолютно асиндетические СПП*, отличающиеся специфичной структурой. Синтаксические отношения, выражаемые некоторыми из таких предложений, могут актуализироваться и в маркированных СПП, однако генетическое развитие этих таксономических единиц происходило по-разному. Абсолютно немаркированные предложения являются более древними структурами, в то время как предложения с выраженными показателями связи возникли позже в результате перехода паратаксиса в гипотаксис и развития средств подчинительной связи.

2.2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НЕМАРКИРОВАННОГО ГИПОТАКСИСА

Синтаксические процессы, как отмечалось выше, не могут изучаться в отрыве от когнитивных, психологических, морфологических, лексических и фонетических аспектов языка и речи. Кроме того, необходимо учитывать особенности социо-культурного и исторического развития нации, являющейся носителем того или иного языка. Занимаясь же диахронным исследованием определенного синтаксического явления на материале нескольких языков, исследователь должен иметь представление о комплексе лингвистических и экстралингвистических факторов,

воздействующих на процесс лингвистического развития и результирующих в определенном состоянии языкового строя.

Выше мы затронули некоторые когнитивные и прагматические предпосылки функционирования немаркированных гипотактических построений в языке и речи. В данном разделе мы проанализируем те моменты, которые определяли ход развития изучаемого явления.

Каждый этап функционирования синтаксической системы характеризуется огромным количеством возможностей изменения или сохранения прежнего состояния. На процесс «естественного отбора» синтаксических структур влияет степень их иконичности, то есть соответствия естественному ходу когнитивного процесса и отражения объективной действительности в структуре языка. Как отмечает К.Я. Сигал, чем более иконично предложение, тем оно легче для понимания. Исходя из этого, маркированные структуры характеризуются как более сложные (в структурном и когнитивном плане). Интересным представляется также замечание о том, что сложность и длина сообщения имеют значимость в социальной стратификации собеседников: чем больше социальная дистанция между коммуникантами, тем длиннее и «маркированнее» предложение (Сигал 1997). Данное утверждение соответствует результатам анализа эмпирических данных, согласно которым немаркированные гипотактические предложения в большинстве случаев (около 86% примеров из диалогической речи) используются в ситуациях, когда собеседники близко знакомы или находятся на одной ступени социальной лестницы.

Развитие синтаксиса проявляется в изменении форм структурной организации предложений, а также средств, используемых для их объединения в речи. Эти процессы происходят на фоне (и в значительной степени под влиянием) условий жизни носителей языка, разнообразных форм коммуникации, развития литературных жанров и т.п. При этом, по

мнению В.Г. Адмони, в языке всегда производится определенный отбор, причем производится он «на основе специфических требований самой синтаксической системы. ...Среди огромного множества обусловленных действием общепсихического механизма возможностей аналогий и контаминаций индивидуальными, окказиональными образованиями, как правило, перестают быть такие, которые так или иначе содействуют реализации этих требований самой синтаксической системы» (Адмони 1966, с. 12).

Очевидно, что, несмотря на наличие общих когнитивных закономерностей в развитии языковой системы, важно принимать во внимание индивидуальные характеристики того или иного языка в ходе его развития. Общие принципы синтаксической организации речи, пройдя сквозь призму национального сознания, предстают в виде набора языковых форм. Индивидуальные особенности языков могут проявляться в специфике способов реализации синтаксических моделей, степени формализации структурного оформления предложения, закреплённости позиции того или иного компонента.

Очевидно, что необходимо учитывать наличие в каждом языке нескольких, зачастую противоречивых структурных особенностей и направлений развития, вследствие чего языковые изменения происходят достаточно плавно и удерживаются в пределах доступности человеческого восприятия. Так, процесс возникновения и эволюционирования СПП проистекает под влиянием двух магистральных тенденций:

- *тенденция к максимальной экспликации* характера синтаксической зависимости и, таким образом, экономии усилий слушателя или читателя в процессе декодирования. Проявлением данной тенденции можно считать возникновение и развитие формальных средств подчинительной связи;
- *тенденция к экономии* языковых усилий, основанная на использовании внутренних, несоюзных средств связи между предидирующим центром и

зависимыми предикативными единицами (с опорой на невербальные средства общения, контекст, языковую интуицию).

Синтаксическая система развивается в условиях взаимодействия данных тенденций, вследствие чего происходит рост и диверсификация маркеров синтаксической зависимости, с одной стороны, и сохранение немаркированного гипотаксиса в его первоначальном состоянии, с другой. При этом общее стремление к выбору наиболее адекватного варианта реализации синтаксической модели выражается в существовании синонимов, отличающихся стилистической окраской или степенью стереотипности, зафиксированности в человеческом сознании.

В.Г. Адмони (Адмони 1966) выделяет три позиции для анализа развития синтаксических явлений:

- 1) количественное преобладание тех или иных принципов организации предложения, превалирование одной тенденции над другой;
- 2) пропорциональное соотношение сопоставляемых явлений на отдельном этапе развития языка, а также на протяжении всего изучаемого периода;
- 3) выяснение тенденций развития отдельных грамматических закономерностей в данном языке, определение динамики в употреблении форм, обладающих большей или меньшей степенью выраженности изучаемого признака (в нашем исследовании таким признаком является эксплицитность синтаксической зависимости).

Однако недостаточно лишь выявить превалирующие тенденции, а также динамику развития синтаксического явления. Значимым представляется выявить предпосылки, вызвавшие именно такой, а не иной ход развития языка. Кроме того, интерес представляет вопрос о том, какие синтаксические структуры являются характерными для родственных языков, а какие имеют идиоэтнический характер. В поле нашего интереса находится выявление факторов, под воздействием которых происходило развитие немаркированного гипотаксиса в английском языке, а также

установление характеристик, специфичных для данного языка и общих для германских, а также европейских языков. В ходе исследования важным видится учитывать взаимодействие общих тенденций с частными характеристиками отдельных языков. Выявление однонаправленных или разнонаправленных узуральных тенденций в разных языках или на разных этапах развития позволяет не только констатировать состояние языковой системы, но и способствует определению внешних и внутренних причин данных процессов.

Изучение синтаксических явлений на материале нескольких языков порождает вопрос, насколько велика степень воздействия одного языка на другой и существует ли возможность языкового воздействия в принципе. Как отмечал В. Гумбольдт, мы не в праве оспаривать вероятность независимого возникновения того или иного явления в нескольких языках. Однако нельзя не согласиться, что состояние древнего человечества способствовало взаимопроникновению культур и языков (Гумбольдт 1964). Следовательно, даже отказавшись от идеи об общем праязыке, мы должны исходить из необходимости устанавливать связи между языками и выявлять степень идиоэтничности изучаемого языкового явления.

Общепризнанным является мнение, что магистральные тенденции в развитии синтаксиса индоевропейских языков, в основном, сходны (Curme 1925, Jespersen 1925, Lehmann 1974, Romaine 1984 и др.). Мы попытаемся сопоставить способы выражения подчинения в некоторых языках с целью выявить факторы, предопределившие ход развития немаркированных гипотактических предложений.

Говоря о классических языках, необходимо отметить специфику дошедших до нас письменных памятников: так как в античном мире уровень развития литературы был очень высок, то требования к стилю были довольно строгими. Проведенный нами выше анализ генезиса НСПП доказывает, что такие предложения были, в основном, атрибутом

разговорной речи. Прогнозировать же большое количество коллоквиальных структур в произведениях античных литераторов невозможно. Действительно, ни в греческих, ни в латинских грамматиках НСПП не выделяются как особый тип предложений (Нидлере 1877, Латинский язык 1983, Vagan 1945, Woodcock 1960). Авторы отмечают, что в роли относительных слов выступают делексикализованные местоимения и наречия, что свойственно также английскому и немецкому языкам (см. Филичева 1959, Ярцева 1961, Чахоян 1991, Хлебникова 2001 и др.).

Что касается типов немаркированных СПП, то для греческого языка характерно бесконнекторное сочетание предикативных единиц в следующих случаях:

- 1) если предложение имеет модальную окраску желательности;
- 2) если косвенный вопрос имеет структуру прямого вопроса;
- 3) если указательное местоимение в ГП должно стоять в том же падеже, что и пропущенное относительное местоимение.

Автор, однако, указывает, что наличие НСПП типично для источников, носящих сниженный, разговорный характер (Нидлере 1877).

Подобное стилистическое ограничение наблюдается и в латинском языке. Исследователи отмечают, что на ранних этапах развития латыни синтаксический строй характеризовался нечеткостью границ между паратаксом и гипотаксом. Система средств выражения подчинения была не выработана, вследствие чего при определении характера связи приходится опираться на несоюзные показатели: глагольные формы, топологические признаки, семантику. Следующий пример характеризуется типичной для языка доклассического периода структурой с нечетким разграничением ГП и ПП:

(25) *Eam rem divinam vel servus vel liber licebit faciat.*-Досл.: *Эту жертву и раб и свободный приносить может (пер. М.Ж.).= Жертву эту может приносить и раб, и свободный (Катон).*

В пользу гипотаксиса в данном СПП говорит наличие двух сказуемых в разных временах и наклонениях: “licebit” (fut. I ind.) и “faciat” (con. praes). Объединение ГП и ПП происходит за счет соположения.

Зависимость между предикативными единицами могла проявляться и логически:

(26) *Mulier ad eam divinans ne adsit neve videat, quo modo fiat.* - Женщина при той жертве пусть не присутствует и не видит, каким образом она приносится (пер. М.Ж.) (Катон).

Оба сказуемых (adsit и videat) имеют одну форму (конъюнктив наст. врем.), но ПП “quo modo fiat” раскрывает сказуемое ГП “videat”.

В целом доклассическая латынь отличается несформированностью системы средств синтаксической связи, вследствие чего синтаксическая перспектива внутри предложения не всегда была однозначна (Грошева 1982). Необходимо отметить, что подобная диффузность структуры предложения, нечеткость синтаксических связей и вытекающая из этого амбивалентность отношений внутри предложения были характерны для индоевропейских языков на ранних этапах их развития (Ильиш 1958, Буслаев 1959, Ярцева 1973, Адмони 1974, Смирницкий 2000, Curme 1931, Helgander 1971 и др.).

Говоря о классической латыни, И. Вудкок отмечает, что маркер зависимости в латинском сложноподчиненном предложении может отсутствовать (be most obviously optative) в следующих случаях:

1) если сказуемое ГП выражено глаголом со значением опасности (страха):

(27) *Vereor ne hoc fiat (Caesar)* – Я боюсь, (чтобы) этого не случилось.

2) в косвенной речи после глаголов с семантикой приказа, просьбы и т.п. (impero, rogo, peto, suadeo, persuadeo, constituo, efficio, etc.):

(28) *Huic imperat quas possit adeat civitates (Caesar)*- Он приказывает ему подойти (войти) к тем государствам, к которым возможно.

3) в случае относительного подчинения также возможна асиндетическая связь, при этом возможен эллипсис местоимения, заполняющего позицию субъекта в ПП (что характерно для апокойнистических конструкций, к анализу которых мы обратимся далее):
 (29) *misit qui muntiarent* – Он послал (которые) должны были сделать донесение.

Таким образом, можно сказать, что тенденция к асиндетическому оформлению гипотактических построений существовала уже в древних классических языках. Наиболее типичным было употребление подобных структур при передаче косвенной речи и в случаях относительного подчинения. Дальнейшее существование данной тенденции в индоевропейских языках можно объяснить с двух точек зрения:

- как результат действия общеязыкового стремления к экономии;
- как следствие воздействия классических языков на другие языки в ходе исторического развития (например, культурного обмена и военно-политических событий).

Несмотря на значительное влияние латыни на развитие других языков и, как следствие, высокую вероятность заимствования синтаксических построений из этого языка, мы не можем апеллировать лишь к экстралингвистическим факторам в развитии синтаксиса. Как известно, ни одно синтаксическое явление не может быть заимствовано языком, если в нем самом не имеется внутренней «предрасположенности» к функционированию данной структуры (Ярцева 1985, Jespersen 1925 и др.).

Так исследователи отмечают, что в синтаксисе хеттского языка также существовала предрасположенность к немаркированному оформлению относительного подчинения. При этом значительную роль играло положение ПП по отношению к ГП. В древних хеттских текстах относительное придаточное могло быть дистанцировано от antecedента, при этом связь осуществлялась за счет интонационных средств, а также с опорой на логическую зависимость между ГП и ПП. Позже немаркированный гипотаксис стал переходить в корреляцию, наличие

маркера связи в ПП оставалось факультативным. В результате стремления к контактному расположению коррелята и зависимого от него ПП в хеттском языке закрепилось постпозиционное положение ПП по отношению к ГП. Таким образом, реализовалась тенденция к экспликации отношений между предложениями (Lehmann 1974, Anderson 1977, Calboli 1989). Данный факт подтверждает наше предположение о том, что для ранней стадии относительного подчинения характерна несоюзная связь частей СП вследствие неразвитости системы показателей зависимости и неустойчивости структуры предложения.

Интерес представляет также процесс развития синтаксической системы в русском языке. В древнерусских памятниках встречаются СП, в которых можно выделить отношения подчинения в условиях отсутствия формальных маркеров зависимости. При этом исследователи обращают внимание на то, что, например, в новгородских берестяных грамотах НСПП используются весьма широко. Причиной этого можно считать то, что такие грамоты представляли собой частные письма (договоры купли-продажи, жалобы, личные письма и т.п.) и отражали устную речь горожан. Однако даже в письменной форме НСПП являлись достаточно ясным и выразительным средством передачи информации (Борковский 1973).

В.И. Борковский выделяет в древнерусском языке следующие типы НСПП: предложения, передающие причинно-следственные отношения; предложения, передающие прямую речь; предложения изъяснительные, где вторая часть поясняет первую; предложения со значением следствия, результата, цели, условия, времени, предложения определительные³. Очевидно, что в древнерусском синтаксисе немаркированные предложения могли выражать широкий спектр отношений. Такое широкое употребление НСПП было возможно в силу развитой системы флексий и частиц. Представляется возможным сделать вывод, что активное

³ Конкретное обращение к анализу приводимых классов предложений приводится ниже в связи с рассмотрением и интерпретацией отдельных типов НСПП.

функционирование немаркированного гипотаксиса в древнерусском языке являлось проявлением общеиндоевропейских тенденций в синтаксисе.

Обратимся к германским языкам. Исследователи отмечают, что процесс развития относительного подчинения в языках этой группы можно сопоставить с развитием данного типа связи в других индоевропейских языках, в частности, в классических (Москальская 1959, Mitchell 1985). Уже в первых письменных памятниках наблюдаются конструкции, похожие на современные относительные СПП:

(30) Готск.: *Galaiþ þan in ain þize skipe, þatei was Semonis.* - (Он) вошел тогда в одну лодку, которая принадлежала Симону. (цит. по: Москальская 1985, с. 93)

Однако наряду с такими предложениями, а также в более поздних памятниках мы встречаем предложения, где связь выражается простым соположением частей. Например, для синтаксиса «Песни о Нибелунгах» типичны предложения следующего типа:

(31) Средневерхненем.: *Ergezet si der leide, und ir ir habat getan.* – Вознаградите ее за огорчение, (которое) вы ей причинили. (цит. по: Москальская 1985, с. 97)

Немецкий язык на раннем этапе развития обладал богатой системой флексий и относительно фиксированным порядком слов (Филичева 1959, Curme 1952). Уже в древнейшую эпоху намечались предпосылки для формирования предложения в современном виде, однако зависимость между частями СП зачастую определялась на уровне логических отношений:

(32) Древневерхненем.: *Ih scal iu sagên imbot, gibot ther himilisco got.* - Я назову вам заповедь, (которую) пожелал Господь. (цит. по: Филичева 1959, с. 109)

Кроме случаев относительного подчинения, в древневерхненемецком языке существовала тенденция к выражению уступительных и условных отношений с помощью логического (немаркированного) подчинения:

(33) Древневерхненем.: *Ni duas thû sô, lôn ni habês thû es nihein.* – (Если) ты не сделаешь так, (то) ты не получишь за это никакого вознаграждения. (цит. по: Филичева 1959, с. 109)

В средневерхненемецкий период происходит совершенствование средств выражения подчинения, однако наряду с этим функционируют структуры, где одно местоимение или наречие выполняет функцию указательного в ГП и относительного в ПП (конструкции апо койну):

(34) *Древневерхненем.* *ich bin der tôt gelît.*- Я тот, кто лежит здесь, как мертвый.
(цит. по: Филичева 1959, с. 127)

(35) *Древневерхненем.* *sî funden in dâ er lac.*- Они нашли его там, где он лежал. (цит. по: Филичева 1959, с. 127)

Кроме этого, продолжают усложняться случаи логического подчинения в уступительных и условных СПП:

(36) *Древневерхненем.* *Gîst du mir dîn swester, sô wil ich ez tuon.*- Отдашь ты за меня свою сестру, то я это сделаю. (цит. по: Филичева 1959, с. 127)

На древнем этапе развития германских языков относительные СПП являлись частью разнородной синтаксической среды и обнаруживали связь с более древними структурными моделями. Внешним показателем этой преемственности можно считать использование одинаковых средств синтаксической связи⁴. Таким образом, образование относительных СПП можно считать переходным этапом от паратаксиса к гипотаксису в результате трансформации простого предложения с атрибутивным значением в ПП с относительной связью.

Обращаясь к изучению подчинения в английском языке, необходимо заметить, что на ранних этапах развития он обладал основными характеристиками германских языков: развитой системой флексий, свободным порядком слов, наличием нескольких группировок глаголов и т.д. Ученые отмечают, что, несмотря на сложность древнегерманской морфологии и синтаксиса, англо-саксонский язык проявлял более выраженную тенденцию к стабильности, чем другие германские языки. Кроме того, отмечается сходство строя древнеанглийского языка с

⁴ Более подробно о развитии относительных местоимений в древнеперсидском, древнегреческом и готском языках см. Труды института языкознания. Том II. Вопросы германистики. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1959.

древненорвежским (Jespersen 1905), с фризским (Marsh 1862), а также с современным немецким языком (Sweet 1902).

Важное влияние на развитие англо-саксонской грамматики оказали скандинавские языки. Известно, что они были близкородственными и сходными как по структуре, так и по лексическому составу. Следовательно, в ситуации непосредственного контактирования таких языков велика вероятность взаимного влияния. Доказательством скандинавского влияния на английский синтаксис могут послужить данные диахронического анализа состояния языка на момент до и после датского завоевания.

В древнеанглийском языке почти полностью отсутствовали специфические средства выражения синтаксической зависимости. Синтаксические связи выражались с помощью следующих признаков: немногочисленных служебных слов (в основном, указательных местоимений с намечающейся относительной функцией), порядка следования связанных между собой компонентов, формами глагола в некоторых типах СПП (Ярцева 1961). Однако случаи немаркированного относительного подчинения на этом этапе довольно редки (Смирницкий 1955, Ильиш 1958, Гурочкина 1977).

В среднеанглийский же период (то есть после скандинавского завоевания) исследователи отмечают бурный рост числа немаркированных относительных СПП, что тем более интересно, если учесть факт развития и оптимизации системы средств выражения подчинительных связей. Существует гипотеза, что подобное противоречие было вызвано влиянием скандинавского синтаксиса, так как для датского языка, например, было более характерно использование бесконнекторного относительного подчинения (Ярцева 1961, Jespersen 1905).

Необходимо отметить факт воздействия на английский синтаксис еще двух языков: латинского и норманнского. Что касается латыни, то она

являлась языком письменности и использовалась, в основном, священнослужителями и учеными. Очевидно, что латинский и греческий языки, считавшиеся эталоном гармонии и порядка, могли лишь стимулировать дальнейшее развитие и совершенствование маркированного подчинения как средства максимально точного выражения мысли. Этот факт отмечается исследователями: “In fact, it seems to largely under the influence of Greek and Latin tradition that the use of complex syntactic structures has come to be taken as an important, if not indeed the most significant, means by which ability in language is displayed and evaluated” (Romaine 1984, с. 441). В области подчинения влияние латинского синтаксиса проявилось в систематизации случаев маркированного относительного подчинения и, следовательно, не могло служить фактором, благоприятным для функционирования немаркированных построений. Более того, исследователи отмечают, что асиндетическое соединение частей СПП является хотя и редким, но исконно английским синтаксическим явлением, так как случаи НСПП встречаются уже в первых переводах с латинского, причем даже в тех случаях, когда в оригинале связь была союзной (The Cambridge History 1992, с. 168-286). Данное наблюдение подтверждается примерами из нашей выборки:

(37) *Лат.*: *et dixerunt eis quae fecit iesus.*

(38) *Др.-англ.*: *and sægdon him ða uundra dyde se hælend. (Bede)*

(39) *Ново-англ.*: *and told them the miracles the Saviour did.*

Необходимо также отметить, что англо-латинское двуязычие охватывало весьма ограниченный круг людей, вследствие чего латинская грамматика могла воздействовать в основном на уровне письменности. Маловероятно, что подобная сфера употребления протезировала развитию немаркированных подчинительных структур.

Говоря о языке периода Вильгельма Завоевателя (II пол. XI в.), необходимо отметить, что норманнские диалекты, как и англо-саксонские,

обладали развитой системой флексий. В результате взаимодействия они породили так называемый англо-норманнский диалект, отличающийся как от англо-саксонского, так и от норманнского. Очевидно, что сфера применения норманнского диалекта в значительной степени отличалась от области функционирования латинского языка: завоеватели вступали в прямой контакт с носителями англо-саксонских диалектов, вследствие чего происходило взаимное влияние, проявившееся, в первую очередь, на уровне фонетики, лексики, а также графики и орфографии (Бородина 1973). Что касается структурных изменений, то очевидно, что в условиях взаимодействия флективного франко-норманнского языка и англо-саксонского, склонного к утрате флексий, жизнеспособными оказались те инновации, которые имели «поддержку изнутри», т. е. основывались на внутренних особенностях воспринимающего языка.

Важно, однако, помнить, что «основные синтаксические значения в процессе «наложения» одного языка на другой легко совмещаются, если дело касается близкородственных языков или даже языков, принадлежащих к одной и той же генетической группировке, и очень трудно решить, является ли та или иная конструкция результатом калькирования иностранной модели или естественным развитием самобытных структур» (Ярцева 1969, с. 67). Исходя из этого, не следует преувеличивать степень иноязычного влияния на английский синтаксис. Любой язык является системой, части которой гармонично сочетаются друг с другом. Маловероятно, что под воздействием извне язык способен на механическую замену одного компонента другим, чуждым ему.

Что касается типов НСПП в древне- и среднеанглийском периодах, то они представляют практически весь спектр подчинительных отношений. При этом необходимо различать две тенденции развития немаркированной подчинительной связи:

- 1) функционирование относительных НСПП, число которых возрастало от древнеанглийского периода к новоанглийскому (Ярцева 1973, Чахоян 1991, Dekeyser 1984, Blake 2002);
- 2) употребление абсолютно немаркированных гипотактических построений, например, со значением условия, процентное содержание которых практически не изменялось в ходе развития языка (Brown 197, Carlton 1970, Gardner 1971).

Итак, мы попытались выяснить, под влиянием каких факторов происходило развитие немаркированных гипотактических построений. Очевидно, что тенденция к бесконекторному соединению частей СПП является первичной и основывается на общеязыковом стремлении к экономии языковых средств. При этом необоснованным видится мнение о том, что древнее индоевропейское предложение имело нецельную структуру, так как единство его частей обеспечивалось выразительностью морфологии; таким образом, наличие экспликатора синтаксической зависимости не было решающим.

Важным фактором развития средств связи оказалось то, что постепенно длина предложения увеличивалась (Адмони 1963, Борковский 1965), что не могло не сказаться на структурной целостности предложения. Следствием этого стала необходимость оптимизации и конкретизации средств экспликации синтаксических отношений, что привело к росту маркированного подчинения. Этому способствуют и социально-экономические изменения, усложнение форм устного творчества, развитие литературы, усиление роли письменности.

Наряду с этим происходит переход от «ненапряженной» структуры предложения к «напряженной» (Адмони 1963, Ковалевская 1992), что становится возможным в силу развития обязательной сочетаемости глаголов, становления фиксированного порядка слов и некоторых других факторов. Очевидно, что такие структуры не испытывали необходимости в

эксплицитном выражении зависимости, что способствовало закреплению НСПП на письме. Некоторые социо-культурные факторы также благоприятствовали использованию немаркированных гипотактических структур: развитие драматургии, расширение слоев населения, пользующихся письменностью, влияние других языков.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что использование НСПП является общеиндоевропейской узуральной тенденцией, имеющей когнитивные, исторические, лингвистические и экстралингвистические обоснования. В силу этого необходим комплексный подход к изучению каждого конкретного случая использования подобных предложений.

2.3. ФАКТОРЫ, МОТИВИРУЮЩИЕ ВЫБОР НЕМАРКИРОВАННОГО ВАРИАНТА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как отмечалось выше, формирование и функционирование НСПП является результатом действия языкового закона антиномии: противоречия между тенденцией к экономии и стремлением к максимальной экспликации синтаксических отношений. Естественным следствием симультанного воздействия двух противоположно направленных тенденций является наличие в языке единиц, удовлетворяющих каждой из них. В области гипотаксиса данная закономерность проявляется в наличии маркированного и немаркированного вариантов для выражения того или иного смысла. Объект и цели нашего исследования предполагают выявление лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих предпочтению того или иного синонима в конкретной речевой ситуации.

Структурно-семантическая общность, с одной стороны, и формальное отличие маркированных и немаркированных СПП – с другой, ставит их в отношения варьирования. Исследователи отмечают, что в языке не

существует условий, при которых употреблялись бы только коннекторные или только бесконнекторные СПП (Зуене 1983). В большинстве случаев возможно использование обоих вариантов, по крайней мере, формально (ограничения могут быть наложены требованиями стиля). Однако нельзя говорить и о полном параллелизме маркированного и немаркированного вариантов: “Although distributionally parallel, introduced and unIntroduced clauses are not in free variation...” (Napoli 1993, с. 482).

Исследователи выдвигают необходимость комплексного анализа факторов выбора определенного синтаксического варианта (стилистические особенности контекста, структура самого предложения, семантические и формальные потенции центра подчинения). “The different determinants which have been proposed in the literature on the subject (selection of either one or another variant under certain specific circumstances) range from stylistic to structural considerations. ...in some cases the choice cannot be attributed to the influence of one isolated factor, but rather may be due to the interaction of two or more determinants” (Lopez 1994, с. 272). Рассматривая предложение как многогранное явление, необходимо выявить структурно-семантические и прагматические условия, благоприятствующие выбору немаркированного варианта.

Проанализируем некоторые предпосылки использования НСПП. По мнению И.К. Зуене, релевантными с точки зрения структуры можно считать следующие факторы:

- структурно-семантический тип СПП;
- морфологические и синтаксические признаки центра подчинения.

По мнению исследователя, неблагоприятными для асиндетического оформления являются СПП, в которых центр подчинения выражен неличной формой глагола или переходным глаголом, так как в этих случаях отсутствие союза препятствует пониманию всего предложения. Структурная неопределенность может возникнуть и в тех СПП, где на

стыке ГП и ПП находится обстоятельство, а также в случае дистантного расположения центра подчинения и ПП (Зуене 1983, Lopez 1994). В нашей выборке, однако, встречаются примеры, в которых даже при соблюдении вышеуказанных условий показатель связи не выражен:

(40) 21 век: ...*He may at these last moments in his earthly career be receiving the first hints of a recognition that will travel into the future (**assuming**, of course, there is any future at all).* (Cunningham)

(41) 21 век: *Israel will not follow the “road map”, Prime Minister Ariel Sharon said in an interview published yesterday, **acknowledging**, in this way, he is casting aside the U.S.-backed plan for now, even as Washington insists it is still valid.* (USA Today)

В этих предложениях наблюдаются все признаки, подразумевающие использование союза (согласно И.К. Зуене): центр подчинения выражен нефинитной формой переходного глагола (*assuming; acknowledging*), а также дистанцирован от ПП (*there is any future at all; he is casting...*). Данные примеры являются не единственными в нашей выборке, что позволяет сделать вывод, что структурные и формальные характеристики не могут служить безусловными показателями необходимости использования союза.

Другими предпосылками выбора союзного варианта исследователь называет осложненность подлежащего в ГП, а также его выраженность местоимением *it* (в СПП с предикативными отношениями). Тем не менее, наши исследования показывают, что и эти критерии нельзя считать абсолютными доводами в пользу выбора маркированного варианта:

(42) 21 век: *It's unfortunate they've become intransigent.* (am New York)

Обратимся, однако, к тем факторам, которые, по мнению исследователей, являются благоприятными для употребления асиндетона. Одним из них исследователи называют лексическую «опустошенность» (термин И.К. Зуене) центра подчинения, другими словами – выраженность антецедента существительным или местоимением с обобщенным значением (*place, thing, somebody, no one, everywhere* и т.п.). Именно

обобщенность лексического значения придает этим словам определенную степень синсемантии, вследствие чего использование маркера связи становится необязательным (Зуене 1983, Джаббаров 1974).

(43) 21 век: *It allows us to demonstrate Higher Standards for our customers, **every time** they visit our banking centers, use their Check Card or log into our Web site. (USA Today)*

Кроме того, по нашим наблюдениям, СПП с ГП, выраженным фразой «It's the first (second ...) time», а также СПП, содержащие в ГП элемент, требующий восполнения (например, определенный артикль или указательное местоимение) также имеют тенденцию к употреблению нулевого показателя связи:

(44) 21 век: *It's not **the first time** an employee of DynCorp has disgraced the contractor. (The New York Sun)*

(45) 21 век: *We couldn't achieve **the** isolation we wanted. (am New York)*

Очевидно, в данном случае тесная связь между ГП и ПП также обеспечивается синсемантией центра подчинения, но уже не в силу его лексической «неопределенности», а, наоборот, по причине необходимости уточнения antecedента, выделения его из ряда подобных.

Одним из моментов, обеспечивающих функционирование асиндетона, является контактное расположение не сочетающихся друг с другом форм, что создает «эффект обманутого ожидания» (Норман 1994) и обеспечивает дополнительную синтаксическую напряженность (В.Г. Адмони, Л.Л. Иофик, И.П. Верховская и др.). По нашему мнению, данный фактор может довольно успешно компенсировать структурно-семантическую неопределенность, возникшую в результате отсутствия маркера:

(46) 21 век: *It is very **possible there** will be a long period when nothing else happens. (USA Today)*

(47) 21 век: *But the major fact **is you**'ve come a long way and you need a rest. (The New York Sun)*

Очевидно, что сочетание несочетаемых форм апеллирует к чувству грамматичности реципиента, активизируя его внимание и лингвистическую интуицию. Вследствие этого использование коннектора

также становится факультативным, что является одним из проявлений общей тенденции к экономии.

Топологический признак также может быть признан значимым в выборе маркированного или немаркированного варианта. Так А.К. Джаббаров отмечает, что при асиндетоне ГП в подавляющем большинстве случаев находится в препозиции к ПП (Джаббаров 1974). Это можно объяснить необходимостью «введения» содержания ПП, конкретизации логико-семантических отношений в рамках СПП, что при интерпозиции или постпозиции центра подчинения представляется затруднительным, т.к. может привести к переосмыслению функциональных и семантических характеристик, модуса предикативных частей:

(48) 21 век: **I know** Ullman's buying the state elevator inspector a few fancy dinners to keep the repairman away from that fucker. (King)

(48.1) Ullman's buying the state elevator inspector a few fancy dinners to keep the repairman away from that fucker, **I know**.

Результатом данной трансформации является изменение статуса ГП (*I know*), которое приобретает характеристики вводного предложения, т.е. выражает отношение говорящего к высказываемому утверждению, основную же коммуникативную функцию в данном случае выполняет ПП.

Отдельного внимания заслуживает анализ *лексического значения центра подчинения*, так как данный фактор признается значимым в работах многих ученых (Адмони 1963, Джаббаров 1974, Зуене 1983, Mitchell 1985, Lopez 1994 и др.). В этом разделе мы не будем подробно рассматривать данный вопрос, отметим лишь, что семантические потенции антецедента могут иметь значительный вес в процессе выбора между маркированным и немаркированным вариантом. Более детально мы остановимся на данном явлении в ходе анализа отдельных типов ПП.

Необходимо отметить, что большое влияние на варьирование маркированных/немаркированных СПП оказывает функционально-стилистическая стратификация языка. Неравные экстралингвистические

условия для функционирования исследуемых синтаксических вариантов приводят к тому, что количественная реализация маркированных и немаркированных синонимов одного и того же структурно-семантического типа СПП различна в различных стилях (Зуене 1983).

Одним из значимых моментов в плане выбора синтаксического варианта является *тип речевой ситуации*. Различные типы речи используют неодинаковые модели порождения высказывания. Так, например, неформальный диалог, широко использующий дополнительные каналы передачи информации и опирающийся на общность коммуникативной ситуации, чаще прибегает к клишированным, иногда усеченным сокращениям и деграмматизированным формам, которые всплывают в языковом сознании как готовые реакции на типовые ситуации (Горелов 2001). Преобладание бесконнекторных предложений в диалогической речи объясняется ее прагматической направленностью – стремлением передать наибольший объем информации за короткое время. Использование немаркированного варианта может быть также вызвано спонтанностью, неподготовленностью диалога (см. “unprepared sequence” у Г. Суита). Т.Г. Логинова отмечает, что отказ от уточнения логико-синтаксических связей и упрощение сложных союзов являются проявлениями «импликационной специфики коллоквиального синтаксиса» (Логинова 1990, с. 11). Действительно, тенденция к экономии в данном случае поддерживается такими факторами, как опора на невербальные средства коммуникации, неподготовленность акта коммуникации, апелляция к языковой догадке реципиента. Кроме того, говорящий не может выйти из временного течения речи, он должен учитывать реакцию собеседника, вызвать его интерес к сообщению (Бубнова 1991). В этом случае прагматически обусловленным становится использование синтаксических средств, делающих повествование неплавным и

динамичным (асиндетон, парцелляция). Следовательно, устное общение располагает собеседников к использованию НСПП.

Функцию асиндетона как мощного стилистического средства отмечает и Е.А. Ивойлова-Кифер. В силу своей емкости и эмоциональной окрашенности асиндетон позволяет повысить динамику повествования, подчеркивая «неслиянность каждого мазка» (Ивойлова-Кифер 2001, с. 56). В целом использование немаркированных построений позволяет значительно ускорить внутренний темп речи, создает дополнительную напряженность и, следовательно, может использоваться в целях активизации внимания слушающего.

Как отмечает Л.В. Маркина, использование НСПП является мощным средством эмоционального воздействия на собеседника. «В условиях существующего выбора для выражения определенных смысловых отношений, союзный и бессоюзный аналоги способны одинаково их выразить. Бессоюзные конструкции с недифференцированными отношениями являются средством реализации специального коммуникативного намерения говорящего, а не признаком «ущербности» БСП. ...Именно бессоюзная форма позволяет в условиях устного общения достигать быстрого результата коммуникации путем «соглашения» между коммуникантами» (Маркина 2003, с. 5). По мнению автора, используя немаркированную форму, говорящий таким образом приглашает собеседника к активному языковому сотрудничеству, выказывает доверие его способности адекватно интерпретировать свои слова.

Что касается письменной речи, она для разворачивания замысла нуждается в *полной модели*, в которой все элементы следуют друг за другом в линейной последовательности. Письменная речь требует дополнительных знаний в области знакового воплощения (перекодировки) устного высказывания в письменный текст. *Прагматическая цель коммуникативного акта подчиняет себе систему коммуникативных*

установок, предопределяет структуру дискурса и взаимоотношения между его элементами (Бубнова 1991). Важно, что письменная речь - это речь без собеседника. Она не имеет дополнительных средств передачи информации и может опираться лишь на максимально полное использование грамматических средств языковой коммуникации. Именно этим, очевидно, вызвано преимущественное использование НСПП на письме для имитации устной речи. Необходимо, однако, отметить, что при использовании асиндетона дополнительным источником информации может стать пунктуация (Кобрина 1959, Шапиро 1996). Несмотря на тенденцию к экспликации синтаксических связей, находясь под влиянием устной речи и являясь в некоторой степени ее отражением, письменная речь способна заимствовать структуры, обладающие особой емкостью и стилистической выразительностью, экономные и клишированные. Именно такой структурой являются НСПП. Таким образом, можно говорить о еще одной языковой закономерности – *приоритете прагматических факторов в процессе выбора языкового варианта.*

Необходимо отметить, что признание НСПП полноправным компонентом литературного языка произошло довольно поздно. Многие исследователи (А.И. Смирницкий, В.Н. Ярцева, О. Jespersen, В. Strang, В. Mitchell и др.) отмечают, что на протяжении многих веков НСПП считались атрибутом colloquial speech, а их использование в литературе считалось признаком дурного тона. “P. F. van Draat ...thinks that although Chaucer’s poetry abounds with examples, the omission had not yet become part and parcel of the language – why not? ...He does not see, that the phenomenon is one of decidedly popular growth, something which writers use in their everyday speech and will therefore unconsciously introduce in their works when the flow of their thought is natural, but not when they are writing ...with a foreign text under their eyes, in which no relative pronouns are ever suppressed” (Jespersen 1927, с. 148-149). Опираясь на мнение О. Есперсена,

можно сделать вывод, что тенденция к широкому использованию НСПП в письменности зародилась в английском языке в среднеанглийский период. На более ранних этапах развития языка этому препятствовал характер текстов, а также то, что в основном литература представляла собой переводы с латинского. Несмотря на то, что многие литераторы использовали данные предложения в своих произведениях (Дж. Свифт, Д. Дефо, У. Шекспир и др.), консерваторы от литературы до конца 19 в. считали НСПП недопустимым снижением стиля, вторжением разговорного стиля в высокую сферу художественной литературы. Возможно, этим можно отчасти объяснить сферу наиболее частотного применения асиндетона (передача диалогов, косвенной речи, драматургия).

Обобщая вышесказанное, попытаемся систематизировать факторы, способствующие использованию НСПП. Признав выбор синтаксического синонима в рамках референтной ситуации когнитивно-коммуникативной проблемой, мы выделили две группы факторов, влияющих на данный процесс: 1) структурно-семантические; 2) прагматические.

К *первой группе* можно отнести топологические признаки, морфологические и семантические характеристики центра подчинения. К *прагматическим факторам* относятся требования стиля, условия порождения высказывания (спонтанность/подготовленность речи, визуальный контакт с собеседником, характер текста и т.п.). Не менее важной представляется и эмоциональная тональность высказывания: несомненно, немаркированные построения обладают большим экспрессивным потенциалом.

В целом, необходимо отметить проявляющуюся в диахронии тенденцию к более частотному использованию асиндетона вследствие развития новых литературных жанров, а также в результате стремления к языковой экономии и вариативности реализации глубинных структур.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Определив подчинение как отношение структурной, грамматической или логико-семантической зависимости между двумя и более ПЕ, одна из которых обладает незаполненной облигаторной или факультативной валентностью, мы пришли к выводу, что показателями этой зависимости могут служить не только союзы и союзные слова, но и другие признаки, не выраженные эксплицитно. Исходя из этого, представляется предпочтительным использовать термин «немаркированное СП», отказавшись от термина «бессоюзие» как слишком узкого. Несмотря на то, что в некоторых случаях отношения в НСПП являются амбивалентными, представляется необоснованным выделение асиндетических СП в отдельный тип предложений.

Исходя из вышеизложенного, НСПП можно определить как построение, в котором отношения синтаксической зависимости выражены имплицитно. Такое построение может быть изоморфно маркированному СПП, но может иметь и специфическую форму, не допускающую подстановки коннектора. Подобные предложения активно используются во всех сферах речевого общения и являются экспрессивным, экономичным и эргономичным средством выражения мысли.

Анализ генезиса асиндетического гипотаксиса свидетельствует о его универсальном для ряда индоевропейских языков характере. Развитие и функционирование данного явления происходит согласно общеязыковым тенденциям, отражающим когнитивные закономерности. Формирование асиндетических построений характеризуется как процесс, близкий к универсальному, т.к. это явление свойственно многим индоевропейским языкам. Однако, как и все языковые процессы, данный переход имел градуальный, долговременный характер, и происходил под воздействием различных тенденций: стремления к экономии и прагматически обусловленной необходимости максимально четко выражать отношения

синтаксической зависимости, что привело к формированию синтаксических синонимов.

Изучение фактического материала позволяет сделать вывод, что использование НСПП является общеиндоевропейской узуральной тенденцией, имеющей как экстралингвистические, так и внутриязыковые, а также психологические и когнитивные предпосылки. Вследствие этого мы признали необходимость комплексного подхода к изучению каждой конкретной разновидности подобных предложений.

В ходе изучения НСПП как варианта маркированного СПП, были проанализированы критерии, влияющие на выбор того или иного синонима. В ходе исследования был сделан вывод, что при наличии как структурно-семантических, так и прагматических условий, протежирующих использованию асиндетона, наиболее оптимальным является комплексный подход (при приоритете прагматического аспекта). Анализ фактического материала подтверждает положение о том, что ни один из критериев, взятый изолированно, не является абсолютно определяющим условием выбора одного из синонимов. Были отмечены также экстралингвистические предпосылки стилистической дистрибуции маркированного и немаркированного вариантов СПП.

В целом, можно признать НСПП эффективным средством языковой экономии, а также действенным стилистическим приемом, обладающим большим потенциалом эмоционального воздействия. Данная единица характеризуется рядом структурных, интонационных и пунктуационных особенностей, не позволяющих четко отграничить сферу действия НСПП от сферы действия паратаксиста.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ НЕМАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

3.1. НСПП С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБЪЕКТНЫМИ

Как отмечалось выше, в лингвистике существует множество принципов классификации ПП, позволяющих анализировать СПП с разных позиций. Мы будем придерживаться функциональной классификации зависимых ПЕ, так как нас интересует, в первую очередь, возможность выявления и конкретизации типа синтаксической связи в СПП в зависимости от эксплицитности показателя последней. Немаловажными факторами в ходе анализа будут также степень автосемантии ПЕ и прагматическая обусловленность выбора немаркированного варианта. Кроме того, учитывая некоторую степень амбивалентности сочинительных и подчинительных отношений и возможную синонимию на уровне лексико-грамматических отношений, проблему конкретизации содержания отношений следует решать на логическом и прагматическом уровне кодирования / декодирования информации.

Исследования показали, что наиболее многочисленной группой НСПП являются предложения с придаточными объектными. Трактовка объектного ПП является довольно сложным вопросом синтаксиса СП (Ильиш 1965). Это вызвано, на наш взгляд, разнообразием подтипов объектных ПП, а также различными подходами к определению границ предикативных частей. Как было указано выше, при установлении типа ПП мы опираемся на функциональный принцип, однако в некоторых случаях семантические и прагматические свойства синтаксической единицы позволяют отходить от строгих грамматических определений.

НСПП с придаточными объектными составили наиболее многочисленную группу в нашей выборке (2957 предложений из 4268, то

есть примерно 69,2%)⁵. При этом мы сочли возможным выделить следующие подтипы:

- предложения, содержащие непунктуированную прямую речь;
- предложения, в которых центром подчинения является глагол речевой деятельности;
- предложения, в которых центром подчинения является глагол чувственного восприятия;
- предложения с модальным оттенком значения (центр подчинения имеет модальную окраску);
- предложения типа “*I wish he had come*”.

Необходимым видится проанализировать каждую лексико-семантическую группу опорных слов, чтобы выяснить, как внутренняя форма центра подчинения влияет на выбор маркированного или немаркированного варианта СПП. Рассмотрим структурно-семантические свойства каждого из этих подтипов НСПП, а также особенности их исторического развития.

Предложения, содержащие непунктуированную прямую речь⁶, являются прототипом НСПП с объектными придаточными. “In combinations like ‘I think he is dead’ it is historically wrong to say that the conjunction “that” is omitted. Both ‘I think he is dead’ and ‘I think that he is dead’ are evolved out of original parataxis of two independent sentences: ‘I think: he is dead’ and ‘I think that: he is dead’ ” (Jespersen 1927, с. 32). Происхождение объектных ПП из прямой речи отмечается и другими исследователями (Ярцева 1961, Frey 1970, Shores 1971, Strang 1979 и др.).

Доля таких предложений в нашей выборке составляет 0,4% (17 примеров). Малочисленность примеров можно объяснить тем, что, будучи амбивалентной формой, данные предложения в письменности встречаются

⁵ Количественные данные в процентах округлены до десятых долей.

⁶ Термин «непунктуированная» является относительным и обозначает предложения, в которых пунктуационное оформление прямой речи не совпадает с требованиями нормы.

редко. Очевидно, что для передачи слов другого человека использовались либо уже сформировавшиеся конструкции с косвенной речью, либо прямая речь, оформленная пунктуационными знаками. Использование же непунктуированной прямой речи было прагматически неоправданно, так как усложняло и без того неясную структуру предложения. Рассмотрим древнеанглийские предложения, оформленные таким образом:

(49) *Др.-англ.: þa aseh dune se biscop of Lincolne ond seid to þam kyng **Lafert kyng ic swelte.** (Guthlac A) - Then the bishop of Lincoln fell down and said to the king, "Lord King, I am dying."*

В пользу прямой речи в данном примере говорит наличие двух подлежащих (biscop, ic), а также различие временных планов ГП и ПП (прошедшее время в ГП и настоящее время в ПП). Подобные предложения ярко иллюстрируют процесс становления пунктуационной системы английского языка, так как помимо выделения прямой речи с помощью заглавной буквы (см. пример 50), существовали и другие варианты пунктуационного оформления частей СПП:

- зависимая часть начинается с прописной буквы;
- ПП отделяется от ГП запятой, точкой с запятой или двоеточием;
- пунктуационное выделение ПП отсутствует.

Важно отметить, что предложения, в которых прямая речь вводилась бы с помощью "ƿæt", также типичны для древнеанглийского языка. Интерес представляет стилистическое ограничение, устанавливающее нормы использования НСПП для передачи прямой речи: цитаты из трудов отцов церкви всегда должны были оформляться союзом "ƿæt" (Mitchell 1985). Вероятно, причиной этого было то, что бесконнекторное предложение могло быть амбивалентным, а это было недопустимо в духовных текстах. В остальных случаях использование местоимения обычно объясняется влиянием латинского языка через переводные произведения (Visser 1966).

Предложения с непунктуированной прямой речью встречаются и в готских, а также в древнеисландских текстах:

(50) *Др.-исл.*: (1) *þá mælti Gísli, (1.1) at þeir skyldu bíða littat* –(2) *munu þér nu hafa þau, málalok, (2.1) sem þér vilduð.* – *Then Gísly said that they ought to wait a little you shall now see the results which you desired.* (*цит. по: Visser 1966, с. 781*)

В данном случае ГП начинается с прописной буквы, однако ПП отделяется пробелом. Кроме того, на наличие прямой речи указывает присутствие нескольких подлежащих (Gísli, þeir, þér), а также различие форм глаголов-сказуемых. Интересно и то, что данное СПП состоит из двух частей: часть (1) представляет собой СПП с косвенной речью, а часть (2) раскрывает, иллюстрирует и конкретизирует содержание первой, точно передавая сказанное. Часть (2) также представляет собой СПП с придаточным определительным, при этом как первое, так и второе СПП являются маркированными, соединяясь на основе логических связей, а также с помощью указанных выше грамматических средств (лицо, время и т.д.).

Подобные построения, являясь неотъемлемой частью разговорной речи, были зафиксированы в новгородских берестяных грамотах:

(51) *15 век*: *i orvъ прислалъ к федосы вари ты пиво съдишь на безатыцинъ не варишь жито.* (*цит. по: Борковский 1965, с. 499*)

Данный пример характеризуется отсутствием графического выделения прямой речи, что свойственно памятникам данного периода. Очевидно, оно имитирует устное высказывание, где на помощь семантике приходят интонация и пауза. Первая часть СПП представляет собой описание ситуации, а вторая, содержащая прямую речь как таковую, имеет форму повелительного наклонения. Таким образом, различие форм наклонения (изъявительное в ГП и повелительное в ПП) и времени (прошедшее «прислалъ» в ГП и настоящее «съдишь», «не варишь» в ПП) глаголов, создают условия для дифференциации частей СПП. Эллипсис же глагола говорения способствует связности ПЕ. Важно, однако, отметить, что подобные построения представляют определенную трудность для понимания в условиях письменной речи без опоры на коммуникативную

ситуацию. Активное использование таких СПП в древнерусском языке можно объяснить общим состоянием синтаксиса.

СПП с непунктуированной прямой речью встречаются и в среднеанглийских текстах, когда графические средства выделения прямой речи были уже выработаны:

(52) 15 век: *And then a little voice said, **Solomon, the last knight of thy lineage shall rest in this bed.*** (Malory)

В данном построении ГП отделяется от ПП запятой. Кроме того, контактное расположение глагола “say”, имеющего обязательную сочетаемость с косвенным дополнением, и имени собственного “Solomon” создает напряженность и обеспечивает целостность предложения.

(53) 15 век: *Thenne said Bors, **hit is more than a yere and an half that I ne lay ten tymes where men dwelled but in wylde forestes and in mountains but God was ever my comforte.*** (Malory)

Наличие двух подлежащих (Bors, I), различные временные формы сказуемых обеспечивают распознавание ГП и ПП. Соположение именных форм (подлежащего ГП “Bors” и формального подлежащего ПП “hit”) создает синтаксическую напряженность и обеспечивает цельность СПП в отсутствие коннектора.

Интерес представляет особенность, характерная для древнеанглийского языка: косвенный вопрос имел прямой порядок слов и мог начинаться с заглавной буквы. При этом связь между ГП, вводящим вопрос, и ПП (собственно вопросом), как правило, не эксплицировалась. Пунктуация в таких СПП не была нормирована до 19 в.: части СПП могли выделяться двоеточием, точкой с запятой, запятой или не иметь пунктуационных разграничений. В конце построения мог стоять вопросительный знак, использование кавычек было спорадическим и ненормированным (Visser 1966). Примечательно, что в таких предложениях, в отличие от повествовательных, наблюдается сдвиг *лица и времени*:

(54) 15 век: *He asked hir ... **whos was the child within her body.*** (Malory)

В данном примере временные планы ГП и ПП согласованы (asked - was), как и категория лица (hir - her).

(55) *19 век: Philip coloured: he had meant to imply, would she love him as well in spite of his deformity... (Thackeray)*

Отметим также, что координация временных планов ГП и ПП отражает процесс формирования так называемого «согласования времен». Помимо перечисленных выше грамматических особенностей (согласование времени и лица), в примере (55) вопрос отделяется от ГП запятой. Цельность предложения достигается за счет контактного расположения двух глагольных форм (imply – would love), при этом порядок их расположения нетипичен: внутреннее чувство грамматичности требует, чтобы вспомогательный глагол предшествовал смысловому. Нарушение этого порядка обеспечивает дополнительную слитность НСПП.

Очевидно, что в условиях устного общения, при соответствующем интонационном оформлении, подобные построения будут вполне доступными для восприятия. В письменной форме они могут быть поняты неоднозначно. Можно предположить, что именно прагматическими факторами, необходимостью конкретизации типов СПП, было обосновано установление нормы в пунктуировании прямой речи.

В новоанглийском периоде случаи обратного порядка слов в косвенных вопросах зафиксированы в ирландских диалектах, однако ученые не уточняют, является ли это особенностью англо-ирландского диалекта или проявлением разговорных тенденций (Visser 1966). Действительно, опыт общения на иностранных языках доказывает, что в ходе коммуникации естественным для говорящего является прямой порядок слов. Перестройка структуры предложения для передачи косвенного вопроса требует дополнительных умственных усилий. При этом может значительно снизиться темп речи. Использование же структуры прямого вопроса в сочетании с интонацией, а также невербальными средствами коммуникации, обеспечивает взаимопонимание собеседников.

Естественно, что использование маркера в данном случае факультативно. Логично предположить, что подобное оформление косвенных вопросов является результатом действия закона языковой экономии. Закрепление же в норме особых способов передачи косвенного вопроса является результатом противоположной тенденции – стремления к максимальной эксплицитности и четкости отношений в письменной речи.

Использование непунктуированных СПП с прямой речью может быть также признано мощным стилистическим приемом. Отсутствие знаков препинания и «естественный» порядок слов, имитирующий процесс речепорождения, позволяет читателю как бы заглянуть во внутренний мир персонажа, наблюдая внешний мир его глазами и воспринимая его ощущения. Естественно, что в этом случае наличие формальных показателей связи, а также пунктуационного оформления не только факультативно, но и нежелательно, так как создавало бы препятствия в непрерывном потоке сознания:

(56) 21 век: *Clarissa thinks, **She is so agitated and lovely.** Clarissa thinks, **She should never wear yellow, not even this deep mustard tone.** (Cunningham)*

В данном примере прямая речь отделена от ГП с помощью заглавных букв. Нетипичным является также использование запятой перед объектным ПП. Эти признаки, вкупе с нарушением правила сдвига форм времени и лица, обеспечивают монолитность СПП такого типа, в то же время не прерывая хода мыслей персонажа:

(57) 21 век: *She tells herself, **It's fine. It's a fine cake, everyone will love it.** (Cunningham)*

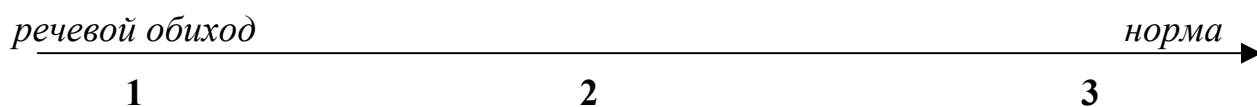
(58) 21 век: *She thinks, **This is how a man feels, holding a woman.** (Cunningham)*

(59) 21 век: *I just three minutes ago said **I think maybe I could do it.** Don't get too fancy on me, huh? (Cunningham)*

Обобщая вышесказанное, проанализируем тенденции использования СПП с непунктуированной прямой речью. Данные предложения характеризуются как периферийное синтаксическое явление, свойственное европейским языкам. Их появлению способствовало

противоречие между прагматической необходимостью (внедрением устной речи в сферу письменности в силу социально-культурных преобразований) и возможностями языков на определенном этапе развития (отсутствием средств оформления высказываний на письме). В результате данного несоответствия в употребление вошли амбивалентные структуры, не имеющие унифицированного оформления, что впоследствии стимулировало выработку пунктуационной нормы. Дальнейшее функционирование таких СПП стало возможным за счет их стилистических и эмфатических потенций. Что касается структурных особенностей, связь в СПП данного типа осуществляется за счет синсемантии ГП, создания синтаксической напряженности путем соположения несочетаемых грамматических форм, а также путем нарушения требований грамматичности.

Мы считаем возможным разделить предложения с непунктуированной прямой речью на три подтипа (в зависимости степени приближенности к нормативным образцам):

Предложения *первого типа* (49-51) имеют не только структурные отклонения от нормы, но и являются абсолютно непунктуированными.

Предложения *второго типа* формально отличаются от нормативных предложений с прямой речью. В них, однако, наблюдаются попытки графического отделения слов автора от высказывания (52, 53).

Предложения *третьего типа* (54-59) имеют форму грамматичных СПП с прямой речью, однако их пунктуационное оформление нетрадиционно. Поскольку примеры таких СПП зафиксированы, в основном, в новоанглийский период, можно предположить, что их использование было стилистически обосновано и не является свидетельством несформированности пунктуационной системы.

Таким образом, на примере изменений в оформлении прямой речи можно проследить тенденцию к формированию современной нормы.

Следующий тип предложений с объектными ПП можно назвать *предложениями, передающими косвенную речь*. Данные построения являются результатом развития и трансформации конструкций с прямой речью, однако имеют ряд отличительных качеств: как структурных, так и семантических. Как отмечает Г.Ф. Валимова, косвенная речь относится к сильноуправляющему глаголу-сказуемому, так как она, имея форму ПП, тесно связана с ГП. Между компонентами же прямой речи такой тесной связи нет (Валимова 1967). Более того, косвенная речь не всегда является результатом трансформации прямой речи.

Необходимость подразделения предложений с косвенной речью на отдельные группы вызвана тем, что грамматические и семантические потенции антецедента оказывают значительное влияние на структуру предложения, а также на выбор средства связи. Говоря о грамматических особенностях таких предложений, необходимо отметить, что в них соблюдается правило сдвига категорий времени и лица. Однако, несмотря на это, связь между ГП и ПП настолько прочна, что наличие маркера зависимости является факультативным.

Предложения, в которых центром подчинения является глагол речи, отличаются от предложений с непунктуированной прямой речью некоторыми структурными особенностями: в них обязательным является сдвиг форм времени и лица. Кроме того, при передаче косвенных вопросов изменение порядка слов облигаторно. Вероятно, подобные предложения являются нормированным вариантом предложений с прямой речью.

Построения такого типа составили 9, 25% процентов нашей выборки (395 примеров). Их характеризует нейтральная модальность антецедента и прямое указание на устный характер передаваемой коммуникации (за счет семантики сказуемого ГП). Лексическое значение глаголов также может

влиять на выбор маркированного или немаркированного варианта СПП. Анализ фактического материала позволяет выделить среди предложений с косвенной речью две основные группы:

- первая, более многочисленная (около 81 %) содержит НСПП, в которых центром подчинения служит глагол обобщенной семантики (say или tell);
- вторая состоит из предложений, в которых сказуемое ГП представлено глаголом более узкой семантики (pray, protest, confess, swear, whisper etc).

СПП с асиндетоном, выраженным глаголами “say” и “tell”, достаточно многочисленны, что можно объяснить обобщенностью семантики и высокой степенью стереотипности, иконичности в ситуации передачи чужого высказывания. Данный факт обусловлен семантическим фактором: эти глаголы нейтральны в отношении функциональных стилей речи. Они могут употребляться в любом речевом контексте и, как правило, первыми возникают в сознании говорящего при необходимости трансляции слов третьего лица. Г.Ф. Валимова также указывает, что глаголы с яркой стилистической окраской препятствуют образованию косвенной речи (Валимова 1967). Это положение основывается на анализе выборки:

(60) 20 век: *I asked a uniformed lieutenant if Nulty was upstairs. He said he thought he was I a friend of his. I said yes. (Chandler)*

Данное предложение представляет особый интерес, поскольку иллюстрирует стилистический и экспрессивный потенциал НСПП. В нем автор использует ряд ПЕ, связанных асиндетически. Таким образом достигается эффект прямого присутствия читателя при разговоре главного героя с полицейским. Более того, подобное построение позволяет передать быстрый темп разговора, спонтанность процесса речепорождения, что усиливается за счет инвертированного порядка слов (was I a friend of his), а также отсутствия пунктуационного разграничения предикативных частей в составе СПП и даже между различными предложениями (сочетание was was создает дополнительную напряженность). Очевидно, персонаж находится в состоянии возбуждения, построение предложения отражает

процесс подбора средств вербального воплощения хода его мыслей. Отсутствие пунктуационных знаков также создает эффект дефицита времени. Очевидно, что в подобной ситуации у говорящего нет возможности откорректировать порядок слов или подобрать синонимичное выражение с целью избежать повтора. Естественным кажется, что в данном случае используется глагол обобщенной семантики. Оформленное в соответствии с нормой, предложение имело бы следующий вид:

(60.1) I asked a uniformed lieutenant if Nulty was upstairs. He said (that) he thought (that) he was. He asked if I was a friend of his. I said yes.

Несомненно, в таком виде построение теряет часть своего экспрессивного потенциала и получает «нейтральный эмоциональный заряд», а повторение глагола “said” стилистически обедняет построение. В данных условиях более уместным было бы употребление глагола “answered” во втором случае. Таким образом, использование НСПП наряду с задействованием синтаксически и лексически параллельных конструкций, намеренным нарушением нормированного порядка слов и правил пунктуации является прагматически оправданным художественным приемом.

Предпочтительное употребление глаголов обобщенной семантика наблюдается и тогда, когда говорящий акцентирует не факт сообщения как таковой или принадлежность слов другому лицу, а содержание:

(61) 18 век: Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. (Радищев)

В данном случае содержание ПП является коммуникативным фокусом. ПП можно охарактеризовать как потенциально-автосемантическое (как структурно, так и семантически). ГП играет роль интродуктора и, следовательно, выбор нейтрального глагола вполне обоснован.

Глаголы обобщенной семантики также являются характерным атрибутом среднеанглийских юридических документов (например, протоколов заседаний суда). Это можно объяснить с двух позиций:

- стиль юриспруденции достаточно строг и консервативен; употребление стилистически окрашенной лексики может быть приравнено к попытке оказать эмоциональное давление на читателя;

- секретарь суда, обязанный записывать реплики участников процесса, находясь в условиях дефицита времени, не имеет возможности использовать разнообразные лексические средства и вынужден ограничиться клишированными формами. Например:

(62) 16 век, шотл. диалект: *and yat young tallo the laird of ormeest(oun) and Iohne hepburne of boltoun wes awaittand upon the deponar. (Abuse)- And that youth told (that) the laird of Ormeestoun and John Hepbourn of Boltoun were waiting for the deponent.*

(63) 17 век: *Item whether youe euer hard (heard – М.Ж.) the sayd warneford saye, the sayd Sr Iohn was a crooked nosed knave or a vylleyn knave, or any other raylynge. (Abuse)*

Данные примеры свидетельствуют о несформированности стилистических требований к юридическим документам, а также о настоятельной необходимости введения подобных ограничений, так как употребление НСПП для передачи слов свидетелей может привести к амбивалентности и, как результат, повлиять на решение суда.

Говоря о причинах большей частотности глагола “to say” по сравнению с глаголом “to tell” в качестве опорного слова в НСПП, целесообразно обратиться к валентностным свойствам данных глаголов. Глагол “to say” может располагаться контактно по отношению к ПП, так как не обладает обязательной валентностью дополнения-адресата высказывания. Глагол “to tell”, будучи двупереходным, требует облигаторного заполнения позиции прямого дополнения, которое дистанцирует центр подчинения и ГП. Возможно, данный фактор можно считать одним из мотивов, способствующих неосознанному выбору глагола “to say” в качестве центра подчинения в НСПП. Интересно, что данная особенность присуща лишь английскому языку и не характерна для русского и немецкого языков.

Важно, однако, что данный фактор нецелесообразно считать определяющим в выборе глагола, так как глагол “to say” может

употребляться в позиции дистанцирования от ПП. При этом валентность глагола настолько сильна, что связь между центром подчинения и зависимой ПЕ четко прослеживается без формального маркера подчинения. Существенно и то, что подавляющее большинство подобных структур представляют собой дословное цитирование устной речи:

(64) 16 век: *You landelordes, you rent-reisers, I may saye you steplordes, you un-natural lordes, you have for your possessions yerely to much. (Hugh Latimer)*

Данное предложение является выдержкой из церковной проповеди. Выделенная часть отделяет ГП от ПП, однако не препятствует восприятию СПП как единого целого, поскольку содержит эмоциональное обращение к слушателям и направлена на привлечение внимания. Использование асиндетона в данном случае также можно обосновать с двух позиций:

- отсутствие показателя связи создает напряженность и поддерживает внимание слушателей: они вынуждены вслушиваться в слова оратора, чтобы не упустить нить повествования;
- прагматически употребление маркера противоречило бы закону экономии, так как в условиях устной коммуникации оратор опирается на невербальные средства общения, сокращая усилия на вербальном уровне.

Возвращаясь к эволюции предложений с косвенной речью, важным видится акцентировать, что в них четко прослеживается генетическая связь с прямой речью. В ряде примеров (особенно средне- и ранненовоанглийского периодов) ГП отделяется от ПП запятой, сигнализируя о границе между словами автора и содержанием высказывания как таковым. В современном английском языке стыки предикативных частей в СПП с косвенной речью, как правило, не пунктуируются, в отличие от русского и немецкого языков, где передаваемое высказывание всегда выделяется графически, сравните:

(65) 18 век: *Ребенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург, скажут, дурак. (Фонвизин)*

(66) 18 век: *Кий: Подай сей кубок ей,*

Скажи: се мзда ее! (Сумароков)

(67) 16 век: *Das sag ich euch, wollt ihr nit um Gottes Willen leiden, so must ihr des Teufels Märterer sein. (Th. Müntzer)*

(68) 20 век: *Sie liegt da unten in einem Zimmer, ...tot, und sie ist es nicht mehr. ...sie nicht und ich nicht, und niemand, und wer sagt, er verstehe es, der lügt! (Remarque)*

(69) 16 век: *Rosalind: And you say, you will have her when I bring her? (Shakespeare)*

(70) 16 век: *Rosalind: You say you'll marry me, if I be willing? (Shakespeare)*

(71) 21 век: *Editor Bill Shapiro says the current version is really being built on the DNA of the original life. (The Sun)*

Данные примеры иллюстрируют специфику английской пунктуационной системы по сравнению с немецкой и русской: в русском и немецком языках ГП отделяется от ПП, что является дополнительным средством разграничения ПЕ, а также разделяет «сферы ответственности» говорящего и лица, чьи слова транслируются. В английском же языке пунктуация во многом зависит от интенций пишущего (см. Орехова 2000). Так, предложения (69) и (70) построены по одной модели. Однако в примере (69) Розалинда охвачена сомнениями в искренности намерений своего жениха, следовательно, запятая может сигнализировать о паузе или запинке в речи. Данная особенность может быть также объяснена тем, что английская пунктуация принадлежит к т.н. «французскому» типу, т.е. не имеет строгих предписаний по разграничению компонентов СП. Русская же пунктуация принадлежит к «немецкому» типу и отличается регламентированностью способов оформления отношений в СП (Щерба 1974). Несмотря на условность пунктуационных норм в английском языке, в настоящее время отсутствие знака на стыке ГП от ПП в предложениях с косвенной речью закреплено в норме (Кобрина 1959, Side 2001).

Что касается предложений, в которых в роли антецедента выступают глаголы более узкого значения, то отмечается тенденция к их маркированному оформлению. Такие глаголы, как “to speak” “to answer”, “to protest”, “to confess” и др. имеют специализированную зону действия и не могут быть заменены глаголами общего значения. Исследователи

отмечают наличие двух противоположных тенденций: чем уже значение глагола, тем выше степень облиigatorности употребления маркера, и наоборот – глаголы с обобщенной семантикой ориентированы на бесконнекторное присоединение зависимых ПЕ (Джаббаров 1974, Jespersen 1927). Вероятно, в ситуации, когда говорящий способен подобрать более точный глагол для передачи своего эмоционального состояния, он может построить высказывание в соответствии с нормой и менее нуждается в синтаксических средствах для усиления эффекта.

Например, глагол “to confess” обозначает не просто процесс порождения речи, а высказывание в условиях напряженной эмоциональной атмосферы: “confess – to admit that you have done something wrong or illegal, especially to the police” (Longman Dictionary 2002, с. 280). Данное значение является наиболее общим. Однако этот глагол может выступать также в качестве возвратного: “confess yourself puzzled/baffled etc” (Longman Dictionary 2002, с. 280). Возможно, данная особенность является одним из факторов, протежирующих выбору маркированного варианта СПП:

(72) 21 век: *The police **have confessed themselves** baffled by his strange disappearance.*
(USA Today)

В примере (72) выделенная часть содержит причастие глагола “to confess” в сочетании с возвратным местоимением, которое не может выступать в роли подлежащего. Очевидно, что отношения вторичной предикации делают возможным использование простого предложения вместо сложного, которое могло бы выглядеть следующим образом:

(72.1) *The police have confessed (that) they are baffled by his strange disappearance.*

Отсутствие союза в данном случае практически не влияет на смысл предложения. Употребление НСПП с глаголом “to confess” в роли центра подчинения характерно для СМИ:

(73) 21 век: *Bush **confessed he** expects violence in Iraq to escalate.* (am New York)

Что касается НСПП с другими глаголами узкой семантики, то их структурно-стилистические особенности, в основном, совпадают с указанными выше характеристиками.

Наблюдение над НСПП, в которых центром подчинения является глагол говорения, позволяет сделать следующие выводы. Данные построения являются непосредственным «потомком» предложений с прямой речью, о чем свидетельствует семантика центра подчинения. Несмотря на сходные тенденции генезиса таких предложений в индоевропейских языках, их пунктуационное оформление не всегда совпадает: в немецком и русском языках пунктуация носит формальный характер, английская пунктуация находится под влиянием прагматических факторов. В целом отмечено, что в НСПП наблюдается тенденция к использованию глаголов обобщенной семантики, что может быть обусловлено несколькими мотивами:

- стереотипностью таких глаголов и, как следствие, большей вероятностью их употребления в условиях дефицита времени в устном общении (что характерно и для асиндетона в целом);
- стремлением к экономии языковых усилий при выборе варианта;
- спецификой сферы употребления исследуемых нами предложений (в основном, это устная речь, то есть ее прямая фиксация или имитация в стилистических целях), что подразумевает опору на невербалику и, естественно, допускает определенную степень импликации синтаксических отношений без ущерба для общего смысла предложения.

Необходимо отметить, что широкое использование подобных НСПП обосновано не только стилистически как эффективное средство передачи состояния персонажа, но и прагматически, поскольку сильные валентностные свойства глагола (особенно однопереходного глагола) и синсемантия ГП позволяют избегать использования маркера связи, экономя, таким образом, усилия как автора, так и читателя/слушателя.

Говоря об автосемантии ГП и ПП в предложениях с косвенной речью, необходимо повторить, что информационным центром является формально зависимая часть, которая способна функционировать самостоятельно. Формально ведущая ПЕ, исполняя роль интродуктора, имеет тенденцию к переходу во вводное предложение. Данное положение верно как для английского, так и для немецкого и русского языков. Значимым в различении вводных конструкций и ГП является топологический признак. Ниже мы обратимся к рассмотрению вводных конструкций и их специфики.

Необходимо заметить, что к сфере НСПП с косвенной речью можно отнести также косвенные вопросы. Очевидно, что в построениях типа *Tell me what you want* местоимение “what” выполняет не союзную функцию, а сигнализирует о том, что интересуется говорящего. В предложениях, типа *I don't know if he will come* частица “if” также сигнализирует о вопросе, но не является значимой с позиций передачи синтаксических отношений. В данном исследовании мы не выделяли подобные предложения в особую группу, так как они нуждаются в специализированном изучении и могут стать предметом отдельного исследования.

НСПП, в которых центром подчинения является глагол чувственного восприятия, отличаются от предыдущей группы тем, что не дословно передают содержание сказанного, а являются результатом восприятия какого-либо события. Еще одним признаком, позволившим нам выделить эти построения в отдельную группу, является их сходство с конструкцией “complex object” (сложным дополнением).

(74) 15 век: *Anone they sawe knyghtes al armed came in at the halle dore and dyd of their helmes and their armes... (Malory)*

Единственным отличием данного НСПП от простого предложения со сложным дополнением является форма прошедшего времени сказуемых в однородных ПП (*came - dyd*). В случае использования сложного дополнения предложение имело бы следующий вид:

(74.1) *Anone they sawe knyghtes al armed come in at the halle dore and do of their helmes and their armes...*

Мы не утверждаем, что сложное дополнение генетически связано НСПП данного типа, поскольку это не входило в сферу исследования (Пушина 2000). Однако тот факт, что инфинитивные конструкции возникли в английском языке достаточно поздно, а также внешнее сходство двух структур позволяют предположить, что данный вопрос может представлять интерес для исследования.

Доля предложений, в которых центром подчинения является глагол чувственного восприятия, в нашей выборке невелика: она составляет 1,4% (60 примеров). При этом примерно одну треть составляют предложения с глаголом “to hear” и две трети – с глаголом “to see”.

НСПП с глаголом “to hear” в ГП более тесно связаны с предыдущей группой предложений, так как содержат указание на слова третьего лица:

(75) 16 век: *Slender: How does your fallow greyhound, sir? I heard say he was outrun on Cotsall. (Shakespeare)*

В данном случае наблюдается «двойная трансляция» слов третьего лица, при этом слово “somebody” играет роль смежного элемента:

(75.1) *Slender: How does your fallow greyhound, sir? I heard somebody say he was outrun on Cotsall.*

Эллипсис подлежащего в ПП наряду с отсутствием союза обеспечивает более тесную связь компонентов СПП, создавая напряженность. Эти структурные особенности придают высказыванию оттенок разговорности. Учитывая то, что У. Шекспир был одним из основателей английской драматургии и впервые ввел в литературу живую речь, можно предположить, что подобные построения не просто служат созданию образа, но и отражают характерные особенности устной речи того периода.

Употребление глагола “to hear” в НСПП может иметь целью также привлечение внимания собеседника:

(76) 18 век: *Трувор: Ты слышала, в сей день назначен мой отъезд:*

Лишаюся навек я сих приятных мест. (Сумароков)

Трувор апеллирует к чувствам собеседницы. В данном случае глагол «слышала» можно заменить на «знаешь» без ущерба для смысла предложения. Использование союза здесь было бы избыточным:

- во-первых, глагол «слышать» является переходным и требует дополнения;
- во-вторых, ГП является синсемантическим и нуждается в раскрытии;
- в третьих, предполагаемое интонационное оформление также способствует восприятию НСПП как единого целого.

НСПП с центром подчинения, выраженным глаголом “to see”, выражают событие, увиденное говорящим, то есть пропущенное через призму его восприятия; вывод, сделанный им из данной ситуации:

(77) *Iago: But I do see y'are mov'd:*

I am to pray you, not to strain my speech

To grosser issues, nor to larger reach,

Than to Suspicion. (Shakespeare)

Очевидно, что говорящий уверен в своих выводах. Использование вспомогательного глагола “do” в данном предложении может быть обусловлено требованиями обеспечения метрики. Однако причиной этого могла быть также несформированность нормы применения вспомогательных глаголов. Связь в данном НСПП осуществляется за счет валентности глагола “to see”, соположения несочетаемых форм на стыке ГП и ПП, синсемантии ГП и, очевидно, интонации. Использование союза здесь факультативно и противоречит закону экономии.

НСПП с глаголом чувственного восприятия встречаются также в удмуртском языке. Как и в английском, немецком и русском языках, ГП синсемантически, ПП заполняет позицию дополнения, например:

(78) *Адзисько: тонэ нокин но, ноку но вормыны уз быгаты. – Вижу: тебя никто и никогда победить не сможет.*

(79) *Учкисько: азьпалан, зыл-зыл вамышьяса, пересь мынэ.- Смотрю – впереди не спеша идет старик. (цит. по: Грамматика современного удмуртского языка 1974, с. 120)*

Вероятно, это свидетельствует об универсальном характере данных построений.

Таким образом, НСПП в которых центр подчинения выражен глаголом чувственного восприятия, обладая всеми формальными характеристиками НСПП с объектными придаточными, имеют ряд специфических характеристик. Они широко используются в речи и являются эффективным средством отображения внешней ситуации через призму чувств и мнений говорящего. При этом НСПП с глаголом “to hear” более объективны по отношению к ситуации, в то время как глагол “to see” накладывает на высказывание определенный личностный отпечаток. Отсутствие союза в таких предложениях является оправданным средством языковой экономии, поскольку при наличии семантических, прагматических и грамматических показателей зависимости экспликация подчинения является избыточной.

Следующей группой исследуемых предложений являются *НСПП, в которых центр подчинения имеет модальную окраску*. Основанием для выделения этих построений в отдельную группу стало то, что в них, помимо присущих остальным предложениям данного типа средств связи, наличествует еще одно: сильная модальность центра подчинения, которая сама по себе является мощным интегрирующим фактором, вследствие чего употребление маркера связи становится факультативным.

Выборка таких предложений достаточно многочисленна – 53% (2263 примера). В части из них центр подчинения выражен глаголами мыслительной деятельности, в остальных сказуемое ГП передает эмоциональное отношение говорящего к ситуации. При этом спектр выражаемой глаголом модальности крайне широк. Наиболее многочисленна группа предложений, которые лишь свидетельствуют о том, что говорящий владеет данной информацией или является автором высказывания (НСПП с глаголами think, know, guess, remember). Следующая по величине группа содержит глаголы, сигнализирующие

степени уверенности говорящего в высказывании (НСПП с глаголами believe, suppose, faith (устар.), be sure, trust, seem, etc). Еще одним оттенком модальности является эмоциональное восприятие реальности (НСПП с глаголами be sorry, hope, be glad, fear, be afraid, pretend, be content, etc). Данная группа довольно разнородна. Прежде чем приступить к детальному анализу предложений с модальным значением, необходимо отметить, что им присущи основные структурные, интонационные и пунктуационные свойства, характерные для всех НСПП с объектными придаточными и подробно описанные нами при анализе предложений с косвенной речью.

НСПП с глаголами мышления, как было указано выше, составляют достаточно большую группировку, что можно объяснить с позиций стереотипности. Степень стереотипности, обобщенности значения как один из факторов выбора маркированного/немаркированного варианта была рассмотрена выше: опираясь на данные эмпирических исследований НСПП с косвенной речью, мы пришли к выводу, что чем менее специфично лексическое значение сказуемого ГП, тем выше степень вероятности использования асиндетического варианта предложения. Необходимо отметить, что данное положение, очевидно, справедливо и для предложений с модальной окраской, что подтверждается примерами:

(80) 18 век: *Рогнеда: Я знаю, слабый дух того не понимает,*

как сердце с честью Рогнеда соглашает. (Княжнин)

(81) 18 век: *Леон: Российских жен презренный соблазнитель,*

Знай, я тебе за них непримиримый мститель! (Херасков)

(82) 14 век: *God knoweth I lye nogt, and therof no man dout of this. (John Arderne)*

(83) 16 век: *Proteus: Know, worthy prince, Sir Valentine, my friend,*

This night intends to steal away your daughter.

(Shakespeare)

(84) 18 век: *And you know he used to take great delight in it. (Addison)*

(85) 20 век: *I stared at them, knowing they didn't believe me and wondering why I was lying about it. (Chandler)*

(86) *20 век: 20 век: Sie wissen, Berbas Erfolge als Konzertmanager auf meinen medialen Färuunluueym beruhten. (Grass)*

Данные примеры дают представление о разнообразии эмоциональных и стилистических оттенков, которые возможно выразить при помощи одного модально нейтрального глагола «знать». Выбор немаркированного варианта с глаголом нейтральной модальности обоснован его закрепленностью в сознании индивида, обобщенностью значения, валентностью глагола, а также синсемантией ГП и высокой информативной ценностью ПП. Важно отметить, что глаголы обобщенного значения зачастую входят в состав речевых клише (God knoweth, who knows, as you know, you know, etc), которые, как отмечает О. Есперсен, являются предпосылкой использования НСПП (Jespersen 1937). Они сигнализируют о том, что высказывание носит скорее неформальный характер, а также указывают на его спонтанность, неподготовленность.

Использование глаголов обобщенной семантики в повелительном наклонении (примеры 81, 83) служит стимулом концентрации внимания на содержании ПП, вследствие чего монолитность предложения не нарушается даже при дистантном расположении ГП и ПП. Более того, союз в данной ситуации служил бы препятствием между содержанием ПП и ГП, графически и формально эксплицируя границу между ними. Немаркированный же вариант способствует цельному восприятию диктума и модуса, созданию «образа» высказывания, существующего в сознании говорящего и реализованного им тем или иным способом.

Интересно, что НСПП такого типа, по-видимому, характерны не только для индоевропейских языков. Примеры построений, антецедентом в которых выступает глагол обобщенной семантики, можно найти и в удмуртском языке. Немаловажным отличием, однако, является следующее: в союзном построении ПП занимает инициальную позицию, при этом союз «шуыса» (аналог «что») замыкает его. В немаркированном варианте на первое место выступает ПП. Порядок слов в ГП и ПП сохраняется:

(87) *Та ошмесысь ву туж кезьыт шумыса, пичиез но бадзымез но тодо. – И малые, и старые знают, что вода в этом роднике очень холодная.*

(87.1) *Пичиез но бадзымез но тодо: та ошмесысь ву туж кезьыт. – И малые, и старые знают: вода в этом роднике очень холодная. (цит. по: Грамматика современного удмуртского языка 1974, с. 58)*

Таким образом, можно сделать вывод, что НСПП с придаточными объектными (в той или иной степени) свидетельствуют о наличии универсальных для разноструктурных языков способов реализации сходного замысла. Вероятно, наличие похожих путей передачи аналогичного смысла в разноструктурных языках может быть обусловлено когнитивными и прагматическими факторами: выражение мысли является одной из важнейших функций высказывания.

Обращаясь к НСПП, антецедентом в которых являются глаголы с более яркой оценочной окраской, необходимо повторить, что шкала эмоций, выражаемых сих помощью, весьма велика: от неудовольствия (I fear, I'm afraid, I'm sorry, I dislike, it's a pity) до восторга (I desire, I insist, I beseech, I am content); от сомнения (to seem, to suppose, to hope) до полной уверенности (to be sure, to believe, to trust). Примечательно, что в немецком языке глаголы с узкой семантикой являются благоприятным фактором использования союза (Гулыга 1971, Curme 1952).

Анализ фактического материала показывает, что НСПП с модальным значением представляют собой частотное синтаксическое явление. Однако разнообразие глаголов, выступающих в роли антецедента, позволяют предположить, что их использование обусловлено конкретным контекстом и не является проявлением тенденции к употреблению определенных глаголов в НСПП. Исключение составляют лишь глаголы "hope" и "be afraid", частотность которых позволяет отнести их к числу факторов, благоприятствующих выбору немаркированного варианта СПП. Например:

(88) 18 век: *I hope it is no very cynical asperity not to confess obligations where no benefit has been received. (S. Johnson)*

(89) 20 век: *"Ich hoffe, Sie machen keine Scherze mit mir", sagte ich. (Remarque)*

(90) *18 век: I am afraid he caught his death the last country-sessions. (Addison)*

Поскольку более детальный анализ семантических групп глаголов, выступающих в качестве антецедента в НСПП, проводился другими исследователями (Джаббаров 1974), мы приведем лишь наиболее интересные, на наш взгляд, примеры, иллюстрирующие «нечеткость» границ между различными типами предложений и свидетельствующие о необходимости более гибкого подхода к таксономии СПП. Выше мы обращали внимание на то, что выделение типов СПП на основе лишь формальных признаков не вполне обоснованно, так как план выражения неразрывно связан с планом содержания, а одна и та же синтаксическая модель может иметь несколько реализаций. Важную роль может играть также лексическое наполнение СПП, придавая предложению, формально относящемуся к одному классу, семантические признаки другого класса.

На основе анализа фактического материала мы пришли к выводу, что в современном английском языке существует тенденция перехода формально-объектных ПП в конструкции с обстоятельственным значением на основе семантического признака, например:

(91) *20 век: (1) I'm not asking you yet what it has to do with me. (2) I assumed you'll come to that. (3) Suppose you tell me how you got on my boat? (Chandler)*

Пример (91) состоит из трех предложений. Второе (2) из них представляет собой НСПП с ПП объектным: тип ПП определяется на основе валентности глагола “assumed”, а также исходя из семантики ГП и ПП. Предложение (3) амбивалентно: формально ПП в нем может быть классифицировано как объектное. Глагол “suppose” вводит ПП, которое является информативным центром всего НСПП. Как было указано выше, данная функция характерна для главной части НСПП с придаточными объектными. Одна из дефиниций данного глагола приравнивает его к глаголам говорения: “Suppose – used to say you think something is true, although you are uncertain about it” (Longman Dictionary 2002, с. 1451). С

другой стороны, в предложении явно прослеживается условное значение. Данный смысл мог быть реализован следующим образом:

(91.1) *What if you told me how you got on my boat?*

Кроме того, глагол “suppose” имеет и другую трактовку: “*Suppose* – used to ask what would happen if a particular situation existed” (Longman Dictionary 2002, с. 1451). Очевидно, что второе определение является наиболее подходящим в данном контексте: «А что, если бы ты рассказал мне, как попал на мою яхту?» или «Предположим, что ты рассказал мне...».

Интересно, что слово “suppose” трактуется еще и как союз, при этом значение его определяется следующим образом: “*Suppose (conjunction, esp. spoken)* used when imagining what result would be if something happened” (Longman Dictionary 2002, с. 1451). Очевидно, что данная дефиниция практически идентична предыдущей, с той лишь разницей, что слово имеет статус глагола в вопросительном предложении и статус союза в повествовательном. Трудно согласиться, что коммуникативная направленность предложения столь важна в определении синтаксической функции слова. Возможно, это разграничение было выявлено учеными в ходе изучения корпуса и отмечено стабильной узуальностью.

Очевидно, что в данном случае можно наблюдать процесс делексикализации знаменательного слова и перехода его в разряд служебных. Вероятно, этот процесс аналогичен тому, что происходило в среднеанглийский период, когда происходил бурный рост средств подчинительной связи. Обусловленность столь интенсивного расширения набора средств выражения синтаксических отношений связана с глобальной коллоквиализацией языка, ускорением ритма жизни общества, возникновением новых средств коммуникации (электронная почта, сотовая связь), снижением требований к стилю СМИ, вследствие чего стремление к экономии распространяется не только на языковые усилия, но и на ресурсы времени. Естественно, что подобные тенденции нашли отражение не только в росте числа эллиптических и асиндетических структур, но и в

изменении статуса лексических единиц. Таким образом, лексема, не утратив еще своей семантики, в то же время выполняет роль индикатора синтаксических отношений, т.е. осуществляет двойную функцию. Следовательно, мы имеем дело со случаем амбивалентности грамматической формы, основанной на различии восприятия семантического потенциала антецедента. Что касается отсутствия маркера в данном предложении, то выбор асиндетона мотивирован тем, что глагол “suppose” является атрибутом устной речи, а также разговорного стиля (Longman Dictionary 2002, с. 1451), следовательно, использование союза в этом построении было бы избыточным и стилистически неоправданным.

Рассмотрим еще один пример:

(92) 21 век: *He may at these last moments in his earthly career be receiving the first hints of a recognition that will travel into the future (assuming, of course, there is any future at all).* (Cunningham)

Выделенное построение интересно как с позиций плана выражения и плана содержания, так и с точки зрения иерархической структуры предложения. Данная ПЕ является вставочной конструкцией, что подчеркивается ее пунктуационным оформлением. Прагматически же любая вставочная конструкция характеризуется как носитель дополнительной информации (Кобрина 1973). Логично предположить, что в данном контексте союзное построение было бы неуместным, перегруженным, сравните:

(92.1) *He may at these last moments in his earthly career be receiving the first hints of a recognition that will travel into the future (assuming, of course, that there is any future at all).*

Вероятно, помимо структурных и семантических факторов, на выбор варианта СПП немалое воздействие оказывает контекст.

Что касается статуса ПП в данном построении, то, как и в предыдущем примере, мы считаем целесообразным опираться не только на формальные характеристики ПЕ, но и на семантические потенции антецедента, так как тип зависимости в рамках СПП может проявляться во внутренних

взаимоотношениях между его компонентами. Центром подчинения в данном НСПП является неличная форма глагола “assume”. Как и глагол “suppose”, данная лексема имеет несколько значений, различающихся оттенками модальности. Обращаясь к предложению (2) из примера (91), отметим, что в нем глагол “assume” реализуется в соответствии со следующей дефиницией: “Assume – to think that something is true, although you have no proof of it” (Longman Dictionary 220, с. 67). Используемый в форме причастия (пример 92), этот глагол приобретает свойства полусоюза-коннектора: он совмещает качества знаменательной части речи (т.е. обладающего полным лексическим значением) и маркера подчинения (в данном контексте, сигнализирующего об отношениях уступки). Можно предположить, что в ходе языкового развития данная форма приобретет статус союза, как это произошло с формами “suppose”, “provided” и др. Таким образом, в условиях перехода узуальных форм в область нормативной грамматики, видится нерациональным ультимативно классифицировать предложения по способам связи и по характеру выражаемых ими отношений. Анализ примеров (91) и (92) позволяет охарактеризовать их следующим образом:

- с позиций синтаксического подчинения они являются ПП объектными, а с точки зрения семантического подчинения реализуют отношения условия (91) и уступки (92);

- относительно способа связи данные предложения формально являются асиндетическими, однако фактически представляют собой примеры перехода глагола в коннектор, сочетающий в себе семантические свойства знаменательного слова и грамматические качества союза. Можно сказать, что данный переход связан с проявлением закона экономии. Отсутствие же четких таксономических рамок свидетельствует о системном характере развития средств связи, которым также характерен полевой характер.

В отдельную группу можно выделить предложения с безличным ГП “*Methinks ...*”. Несмотря на то, что на первый взгляд они функционально и семантически сходны с предыдущей группой предложений, мы сочли возможным их выделение в отдельный подтип по следующим параметрам: архаичность, отсутствие маркированного варианта, малая информативная ценность ГП, вследствие чего оно приобретает парентетический характер.

Количество таких примеров в выборке составляет 128 (3 %). Они характерны для синтаксиса конца среднеанглийского – начала новоанглийского периода. Объяснить это можно тем, что данный хронологический отрезок характеризуется достаточным уровнем развития средств выражения синтаксической зависимости. Структура предложения и порядок слов были унифицированы, в отличие от древнеанглийского периода, когда смысл грамматических отношений передавался флексиями. Благодаря этому оттенки зависимости могли выражаться асиндетически. В то же время, категории числа и лица глагола еще могли реализовываться с помощью флексий, исходя из чего использование безличных предложений соответствовало требованиям закона экономии. Например:

(93) 16 век: *Gonzalo: I have great comfort from this fellow. **Methinks** he has no drowning mark upon him; his complexion is perfect gallows. (Shakespeare)*

(94) 16 век: ***Methinks**, I am e'en tickled with the conceit of it. (Ben Jonson)*

Как видно из примеров (93) и (94), пунктуационное оформление данных предложений вариативно.

Аналогичные построения до сих пор функционируют во флективных языках, например, в русском. При этом классифицируются они как вставочные конструкции. Например:

(95) 18 век: *В лугах, **мне кажется**, в лугах окровавленных*

Не столько воинов, как теней убиенных...

(Херасков)

Тот факт, что общей чертой “*Methinks*” является инициальная позиция ГП, позволяет отграничить подобные построения от вставочных

конструкций, поскольку отличительной чертой парентезы является нефиксированное положение в предложении. Наряду с анализируемыми предложениями, в языке использовались НСПП, в которых ту же функцию интродуктора высказывания выполняли двусоставные ГП. Ср.:

(96) 16 век: *Silvia: Belike **she thinks that** Proteus hath forsook her?*

*Julia: **I think she** doth; and that's her cause of sorrow.*

(Shakespeare)

Очевидно, что с позиций синтаксического подчинения ГП в примерах (94) и (96) аналогичны. Но если проанализировать их с точки зрения семантики, то “methinks” явно обладает меньшей информативной глубиной. Кроме того, оно менее персонифицировано, так как в отличие от конструкций типа “I think”, “he thinks” в нем при подлежащем в форме первого лица (me) глагол имеет форму третьего лица (thinks).

Отсутствие маркера в данных НСПП можно считать следствием того, что глагол “think” обладает обобщенной семантикой, а это, как отмечалось, благоприятствует функционированию асиндетона (не только в английском, но и в немецком языке). Кроме того, структура “methinks” обладала высокой степенью стереотипности, что также протезирует выбору немаркированного варианта. Возможно, такие предложения имели фиксированную бесконнекторную форму и употреблялись в разговорной речи. Впоследствии, с нивелированием флексий, они вышли из употребления.

Подводя итоги анализу НСПП с модальным значением, можно отметить следующие моменты:

- предпосылкой к выбору немаркированного варианта является сильная модальность центра подчинения и, как следствие, факультативность союза;
- наиболее частотными являются построения с глаголами обобщенной семантики, что способствует использованию асиндетона;

- предикативные части с глаголами обобщенной семантики имеют тенденцию к переходу в речевые клише (в силу своей стереотипности), что также благоприятно для функционирования немаркированных построений;
- связь между ГП и ПП может усиливаться за счет вопросительной или повелительной формы ГП, что вызывает более интенсивное внимание к содержанию ПП и избыточность союза;
- специфическая семантика центра подчинения может приводить к амбивалентности синтаксических отношений, в результате чего объектные ПП получают дополнительное значение условия, уступки и т.п.;
- наблюдается тенденция к более интенсивному использованию глаголов узкой семантики в НСПП;
- на современном этапе наблюдается тенденция к делексистализации некоторых глагольных форм, вследствие чего они выполняют двойную функцию (центра подчинения и коннектора).

Проанализированные выше подтипы НСПП с придаточными объектными в целом сходны по своим характеристикам (как структурным, так и коммуникативным). Как было указано выше, семантические и формальные отличия между ними не препятствуют объединению их в один класс, кроме того, их историческое развитие происходило, в основном, параллельно. Исходя из этого, мы сочли возможным рассматривать их как аналогичные построения в ходе *количественного диахронического анализа*.

Итак, ПП объектные могут присоединяться к ГП как с помощью союза (that/dass/что), так и бессоюзно. При этом наличие / отсутствие маркера, в основном, не имеет решающего значения для понимания СПП. Данный аспект важен лишь с позиций стиля и прагматики. Как отмечалось выше, асиндетическое присоединение объектных ПП довольно редко встречалось в древнеанглийском языке. НСПП такого типа бурно развиваются в среднеанглийский период и продолжают функционировать в настоящее

время. Более того, сфера их употребления активно расширяется. Данные количественного анализа выглядят следующим образом:

Таблица 1

период	маркированных предложений	немаркированных предложений
<i>древнеанглийский</i>	98,5%	1,5 %
<i>среднеанглийский</i>	86%	14%
<i>новоанглийский</i>	82%	18%

Выше мы анализировали возможные причины интенсификации использования НСПП в различных стилях. Отметим лишь, что очевидное преобладание маркированных СПП можно объяснить тем, что материалом исследования послужили письменные тексты. Асиндетон же, как отмечалось, характерен для устной коммуникации. Однако данные количественного анализа отдельных источников свидетельствуют, что приведенные выше цифры отражают лишь одну сферу функционирования асиндетона. Так, например, в детективе Р. Чэндлера «Прощай, любимая», характерной чертой которого является разговорный регистр, доля НСПП примерно соответствует количеству маркированных. Это доказывает, что изучение любого синтаксического явления должно быть разносторонним и основываться на анализе различных источников.

Говоря о необходимости дифференциации синтаксического и семантического подчинения, обратимся к анализу *НСПП muna I wish he had come*. Количество таких предложений в выборке составляет 2,2% (94 примера). Их специфика состоит в том, что они имеют яркую модальную окраску. Отличительной чертой этих конструкций является также фиксированная структура: *подлежащее + сказуемое, выраженное волитивным глаголом “wish/would” в ГП и форма Past Simple/Past Perfect в ПП*. Важно отметить, что данная структура идиоэтнична, в других языках тот же смысл передается иными средствами, сравните:

(97) 20 век: *She wished she could simply drop the subject rather than pursue it with such tenacious interest. (Chandler)* – *Ах, если бы она могла оставить эту тему, а не*

изучать ее со столь пристальным интересом. (сослагательное наклонение в простом предложении) – *Würde Sie dieses Thema lassen, anstatt es so gründlich zu studieren.* (конъюнктив в простом предложении)

В русском языке для выражения нереального условия используется форма «Ах, если бы...» в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении. Для немецкого языка также характерна форма конъюктива. Однако лишь в английском языке данный смысл передается посредством СПП.

Традиционно построения типа “*I wish he had come*” относятся к условным, так как выражают значение нереального условия. Однако мы согласны с авторами «Университетской грамматики английского языка» (A New University English Grammar 2003), которые вслед за Ф. Виссером причисляют их объектным, поскольку в их основе лежит валентность глагола “*wish/would*”, который требует заполнения позиции прямого дополнения. Что касается значения условности, то выше отмечалось, что при анализе НСПП необходимо учитывать асимметрию плана выражения и плана содержания. С точки зрения синтаксического подчинения эти предложения можно считать НСПП с придаточными объектными, а с позиций семантического подчинения – условными. Данная особенность, а также специфичность структуры послужили основанием для выделения их в отдельный тип.

Говоря о генезисе предложений типа “*I wish he had come*”, необходимо заметить, что они начинают функционировать в среднеанглийский период, что связано с особенностями развития категории наклонения в английском языке. Интересно, что окончательно форма “*I would*” установилась лишь к 16 в., до этого сказуемое могло иметь не только форму сослагательного наклонения, но и изъявительного. Наблюдается также вариативность форм наклонения и времени сказуемого ПП, например:

(98) 13 век: ‘*Ich wolde,*’ *hē seiþ tō his lēofmon,*(1) ‘*þet tū wēre i mīne hwe oþer allunge cold, oþer nōt mid alleō;* (2) ...*þū makest mē vor to wlatien.* (Ankren Riwle) – ‘*I would,*’ he said to his people...

В данном примере сказуемое ГП выражено формой сослагательного наклонения “wolde”. ПП (1) присоединяется к ГП с помощью союза “þet” и содержит сказуемое в сослагательном наклонении “wēre”. ПП (2) дистанцировано от ГП, но, тем не менее, не имеет маркера зависимости. Более того, глагол-сказуемое “makest” имеет форму индикатива. Очевидно, связь данной предикативной единицы с ГП осуществляется на уровне семантики, а также за счет валентности глагола “wolde”. Данный пример иллюстрирует ход развития категории сослагательного наклонения, а также отбора наиболее адекватных средств выражения синтаксических отношений в английском языке.

Рассмотрим еще один пример:

(99) начало 16 века: *I wyll (1) that my body be **bvred** inn the churche yard nex to mastars popes walle ...(2) and I wyll aftar my fynyal expenses done and my detes wyche off ryghte I do hove my parson **be** well and trvly **payd**. (A Will)*

В части (1) сказуемое ГП выражено глаголом “wyll” в индикативе. ПП содержит показатель зависимости “that” и сказуемое в сослагательном наклонении “be bvred”. В части (2) ПП присоединяется к ГП асиндетически. Сказуемое ГП дистанцировано от сказуемого ПП, более того, оно как бы разорвано обстоятельством образа действия “be ...payd”. Все это, несомненно, затрудняет понимание предложения и свидетельствует о том, что данная структура еще не имеет фиксированной формы. Необходимо, однако, отметить, что использование индикатива глагола “wyll” нивелирует оттенок нереальности и придает предложению значение желательности. Вероятно, в данном случае глагол “wyll” реализует качества не только модального, но и смыслового глагола. В дальнейшем, однако, в языке закрепилась норма употребления формы сослагательного наклонения для выражения нереального условия. Для передачи желательности совершения действия (в индикативе) стали использоваться модальные глаголы и модальные выражения, а также сложное дополнение с инфинитивом:

(99.1) *I want my body to be buried...*

Впоследствии также получила распространение форма “I wish ...”, которая могла реализовывать значение нереального желания. Очевидно, это стало возможно благодаря близости лексических значений: глагол “would”, как и глагол “wish”, является волитивным. Таким образом, к 16 в. в английском языке закрепились специфическая структура, отличающаяся как от условных, так и от объектных предложений, например:

(100) 16 век: *Malcolm: I would the friends we miss were safe arriv'd. (Shakespeare)*

(101) 16 век: *Julia: Ay, I would I were deaf! It makes me have a slow heart. (Shakespeare)*

В современном английском языке данная структура имеет статус клише и может употребляться в различных ситуациях. Так в примере (102) при передаче мыслей персонажа автор использует эллиптическую форму “wish” вместо “I wish”, а также употребляет сказуемое ПП в форме “was” вместо “were”, что характерно для разговорной речи. В силу высокой степени стереотипности структуры отсутствие подлежащего не только не препятствует пониманию предложения, но и способствует созданию ощущения соучастия в мыслительном процессе персонажа:

(102) 21 век: *that Watson. christ what a character. wish there was a place for him in “THE PLAY.” (King)*

Следующие два примера (103) и (104) иллюстрируют еще одну особенность данного построения: в большинстве случаев оно используется в высказываниях от первого лица (прим. 103). Предложения, выражающие желания от третьего лица (прим. 104), встречаются намного реже:

(103) 21 век: *“Do you want so much to live in London?” he asks.*

“I do,” she says. “I wish it were otherwise. I wish I were happy with the quiet life.” (Cunningham)

(104) 21 век: *He wished he liked it as well as she did, but he kept telling himself over and over that the things Tony showed him didn't always come true. (King)*

В нашей выборке около 89% примеров подобных построений составляют предложения, в которых подлежащее выражено местоимением “I”. Это еще раз подтверждает, что структура “I wish/I would” на данном этапе

является клишированной, более того, персонифицированной. Вероятно, информационным центром СПП является формально зависимая часть, ГП исполняет роль интродуктора, придающего всему предложению модальную окраску и свидетельствующего о выполнимости или невыполнимости желания. Помимо этого, о возможности реализации условия сигнализирует форма сказуемого ПП: Past Simple в случае реального условия и Past Perfect, если оно нереально.

Говоря об отсутствии коннектора в предложениях данного типа, необходимо отметить, что в современном английском языке маркированный вариант не употребляется. Несмотря на то, что первоначально использование маркера было возможно (прим. 98, 99), вследствие действия закона языковой экономии более распространение получил асиндетический синоним. Это можно объяснить тем, что валентность глагола “would/wish”, вкуче с модальной окраской, а также формой сказуемого ПП настолько явно свидетельствуют о монолитности СПП, что использование союза было бы избыточным. Аналогичный процесс отхода от маркированной формы можно пронаблюдать на примере предложений типа *I suggest (that) you be free*. Маркированный вариант таких предложений в настоящее время является атрибутом официального стиля и, вероятно, впоследствии также выйдет из употребления.

Представляется возможным охарактеризовать предложения типа “*I wish he had come*” как востребованную и экономичную идиоматичную структуру, являющуюся эффективным стилистическим средством.

Анализ НСПП с придаточными объектными позволяет прийти к следующим выводам:

1. Данный тип НСПП характерен для индоевропейских языков, несмотря на некоторые индивидуальные особенности.
2. Немаркированные построения, выражающие объектные отношения, являются наиболее распространенными.

3. Связь между ГП и ПП осуществляется за счет валентностного потенциала центра подчинения, автосемантии ПП и синсемантии ГП, соотношения видовременных планов предикативных частей, форм лица подлежащих, пунктуационных средств, а также просодии (в устной речи).
4. Использование НСПП с придаточными объектными имеет некоторые стилистические и прагматические ограничения. Предложения такого типа являются мощным стилистическим средством.
5. Возникновение и развитие НСПП с придаточными объектными можно рассматривать в русле действия закона языковой экономии.
6. Диахронический анализ данных построений доказывает, что их эволюционирование происходило под влиянием как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов в соответствии с закономерностями языкового развития.
7. В ходе исследования были выявлены следующие тенденции:
 - тенденция к делексикализации некоторых глаголов в составе НСПП, их переход в разряд союзных слов;
 - рост числа НСПП, центром подчинения в которых являются глаголы с узкой семантикой;
 - переход некоторых ГП с глаголами обобщенной семантики в разряд клишированных выражений, подразумевающих использование асиндетона.
8. При выборе маркированного/немаркированного варианта на говорящего оказывает влияние контекст, условия коммуникации, степень знакомства с собеседником, запас времени и другие факторы.
9. Наряду с предложениями, имеющими союзный аналог, в английском языке функционируют структуры, которые не используются в маркированном варианте.
10. Результаты исследования доказывают, что при изучении СПП необходимо анализировать как план выражения, так и план содержания. Вследствие этого важен более гибкий подход к таксономии НСПП.

3.2. НСПП С ПРИДАТОЧНЫМИ, ЗАМЕЩАЮЩИМИ ПОЗИЦИИ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ходе исследования НСПП мы неоднократно использовали термин «предикативная единица/часть», подразумевая под этим «синтаксическую единицу, структурное единство, образуемое подлежащим и сказуемым, связанными предикативным отношением» (Иофик 1968, с. 3). Приступая к анализу НСПП с придаточными субъектными и предикативными, важно отметить, что приведенная выше трактовка не вполне корректна по отношению к ним. Выполняя роль одного из главных членов предложения, ПП в таких НСПП связаны предикативными отношениями с ГП, например: (105) *16 век: I have observed, and know the difference between a base wretch and a true man; I can distinguish them: (1) the property of the wretch is, he would hurt, and cannot; (2) of the man, he can hurt, and will not. (Ben Jonson)*

В данном примере наблюдаем две подчинительные конструкции с ПП предикативными. Составные именные сказуемые в них образованы глаголом-связкой “is” и предикативной единицей в части (1) и эллиптической связкой в сочетании с предикативной единицей в части (2). Важно отметить, что оба ПП соответствуют определению предикативной единицы, так как имеют полную основу. ГП же являются структурно-синсемантическими, поскольку без ПП не отвечают требованиям грамматичности. Несмотря на то, что такие ГП не вполне соответствуют определению предикативной единицы, мы будем обозначать их данным термином (признав его условным) во избежание перегрузки тезауруса.

Количество НСПП с придаточными, замещающими позиции главных членов предложения, невелико. Доля НСПП с придаточными субъектными составляет 2,5% (107 примеров), с придаточными предикативными – 0,7% (30 примеров). Данный факт можно объяснить тем, что выражение предикативных отношений посредством СПП не является частотным синтаксическим явлением. Исследователи отмечают, что анализ НСПП данного типа, представляет определенную трудность (Блох 1983, Plyish

1965). Такие предложения зачастую синкретичны и классифицируются как субъектные или предикативные лишь на основании структурных особенностей. Очевидно, что отсутствие маркера зависимости в подобных построениях может затруднить не только интерпретацию содержания, но и членение предложения. Таким образом, использование асиндетона зачастую прагматически неоправданно и противоречит стремлению к экспликации синтаксических связей.

Обратимся к рассмотрению *НСПП с придаточными субъектными*. Как отмечалось, интерпретация таких предложений зачастую вызывает трудности: формально субъектное ПП может также выражать дополнительное значение причины, времени и т.п., например:

(106) 16 век: *Was it not yesterday **we spoke together**? (Shakespeare) – Не вчера ли мы об этом разговаривали?*

(107) 18 век: *Is it far **you ride**? (British Drama)- Издалека ли вы едете?*

В примере (106) прослеживается значение времени, а в примере (107) – места. Важно также обратить внимание на то, что при переводе на русский язык структура построения изменяется: вместо СПП используется простое предложение. Что касается немецкого языка, то в нем также встречаются НСПП с придаточными субъектными. Например:

(108) 20 век: ***Es ist möglich**, Hans heute kommt. (Th. Mann)*

Отличительной чертой структуры НСПП с придаточными субъектными является наличие формального подлежащего “it”/“there”/“this”, а также глагола-связки. Многие структуры с формальным подлежащим имеют статус устойчивых выражений и являются атрибутом разговорной речи, что благоприятствует функционированию асиндетона, например:

(109) 16 век: ***’Tis much pity**, madam, you should have any reason to retain this sign of grief. (Ben Jonson)*

(110) 19 век: ***’Twere good** you knock’d him. (Thackeray)*

(111) 20 век: ***’Trouble,**” he said, still softly, **“is our little city don’t know much about it. Our city is small, but very, very clean.” (Chandler)***

В приведенных выше предложениях выделенные ГП носят характер речевых клише и, следовательно, присоединяются к последующему ПП асиндетически. Необходимость в экспликации синтаксической связи отсутствует еще и потому, что информативная ценность ГП невелика, оно имеет лишь структурную значимость. Семантическая зависимость частей предложения столь сильна, что позволяет использовать построения, в котором ГП «разорвано» словами автора: “Trouble ... is” (прим. 111).

Еще одним фактором, благоприятствующим выбору немаркированного варианта субъектного ПП, является модальная окраска ГП, например:

(112) 21 век: *It's **unfortunate** they've become intransigent.* (USA Today)

(113) 21 век: *It is **very possible** ... there will be a long period when nothing else happens.* (USA Today)

(114) 21 век: *It's **like** they could have built these houses anywhere.* (USA Today)

Что касается НСПП с субъектными придаточными, имеющими другую структуру, то они довольно малочисленны в силу перечисленных выше факторов. Рассмотрим некоторые примеры таких предложений:

(115) 18 век: ***Whoever said this** must be lying.* (Polite Correspondence)

(116) 20 век: ***What I remember** is a shot on my head.* (Chandler)

Очевидно, что в данных примерах выделенные предикативные части являются ПП субъектными. Однако прийти к такому выводу мы можем, лишь произведя синтаксический анализ всего СПП, так как в построении нет показателей синтаксической зависимости. Местоимения “what” и “whoever” не имеют союзной функции, а выступают в роли подлежащего субъектного ПП. Подобные построения являются примером абсолютно немаркированных предложений, не имеющих союзного варианта. Сам по себе статус таких предикативных единиц как ПП довольно проблематичен, поскольку в данном случае трудно сказать, какая часть предложения является ведущей, а какая зависимой.

Обращаясь к диахроническому анализу НСПП данного типа, необходимо отметить, что они функционировали еще на ранних этапах

развития английского языка. Пример (117) аналогичен примеру (115), а пример (118) содержит формальное подлежащее подобно примерам (106), (112) и др., сравните:

(117) 7 век: *Hwan e dep hwen ha mei, ne scal ha hwen he walde. (Bede) – Whoever does not do it when they could, they will not (be able to do it) when they could.*

(118) 7 век: *Is þis eower sunu þe ge secgaþ þæt blind wære acenned? (The Fall of the Angels) – Is this your son (that) you say(that) blind was born?*

В современном английском языке построения, подобные примеру (117) возможны лишь при условии опущения второго относительного местоимения.

В немецком языке НСПП с субъектным придаточным развивались аналогично английским:

(119) 18 век: *Es ist besser, (dass) du gehst. (Goethe)*

Исследователи, однако, отмечают, что использование маркера связи может быть необходимо в целях прояснения смысла предложения (Curme 1952, Mitchell 1985).

Выбор немаркированного варианта субъектного ПП может иметь целью придание дополнительного эмфатического заряда, создание напряжения для того, чтобы поддержать интерес к содержанию предложения. Очевидно, что маркер в данной ситуации был бы избыточным. Например:

(120) 16 век: *For it were not mete (proper - М.Ж.) the treasure should be in the subjectes purses whan the money shoulde be occupied. (Hugh Latimer)*

В целом, результаты диахронического анализа НСПП с придаточными субъектными соответствуют общей тенденции к более интенсивному использованию асиндетона:

Таблица 2

период	маркированных предложений	немаркированных предложений
древнеанглийский	98,8%	1,2 %
среднеанглийский	89%	11%
новоанглийский	81%	19%

Подводя итог вышесказанному, перечислим особенности НСПП с придаточными субъектными:

1. Анализируемые НСПП являются древней синтаксической структурой, идиоэтнической для германских языков.
2. Характер синтаксических отношений в них зачастую может быть выявлен лишь путем синтаксического анализа. В некоторых случаях эти синтаксические отношения синкретичны.
3. Отличительной чертой данных построений является наличие формального подлежащего и глагола-связки в ГП. Подобные структуры имеют статус клише и благоприятствуют использованию асиндетона.
4. Существуют абсолютно немаркированные СПП с придаточными субъектными, которые не имеют союзного варианта.
5. Статус предикативных единиц, составляющих анализируемые НСПП, условен. ГП и ПП выделяются по формальному признаку.
6. В отсутствии маркера связь между предикативными единицами осуществляется за счет валентности глагола-связки, структурной синсемантии ГП, модальной окраски ГП.
7. Результатом использования асиндетона может стать трудность интерпретации содержания и членения СПП. Выбор синонима, таким образом, ограничен прагматическими и стилистическими факторами.

Еще одним типом ПП, способным замещать позицию главных членов предложения, являются ***предикативные ПП***. Как отмечалось выше, такие построения используются довольно редко. Им также присущи некоторые черты, характерные для НСПП с придаточными субъектными.

Особенностью таких ПП является то, что они замещают позицию не целого члена предложения, а его части: именной части составного именного сказуемого. Они, подобно субъектным ПП, не имеют специфического маркера: параметрами их классификации являются

синтаксическая роль в предложении, наличие глагола-связки, а также облигаторная позиция после ГП, например:

(121) 16 век: *They end their amours with a few sighs; and their excuse **is, their mistress is cruel**, and they smother their passions with patience. (Th. Lodge)*

Выделенная часть функционирует здесь как предикатив: она состоит из глагола-связки “is” и зависимой части, которая сама, в свою очередь, является СПП. Логично предположить, что при выборе маркированного варианта построение было бы перегруженным, сравните:

(121.1) *They end their amours with a few sighs; and their excuse **is, (that) their mistress is cruel**, and they smother their passions with patience.*

Целостность построения обеспечивается грамматическими и лексическими свойствами глагола-связки, топологическими факторами, а также синсемантией ГП. Наличие запятой (по нормам того периода) способствует адекватному выделению предикативных частей. Еще одним средством связи может служить инверсия (см. прим. 124), которая создает столкновение двух глагольных форм и сигнализирует таким образом о начале новой предикативной части, связанной с предыдущей.

НСПП с придаточными предикативными характерны также для строя немецкого языка:

(122) 20 век: *Die Problem war, **du zu spät gekommen war**. (Remarque)*

В русском же языке подобных структур не существует, поэтому при переводе НСПП с придаточными предикативными используются СПП другого типа:

(123) 20 век: *The main thing is, **you ought to be careful**. (Chandler) - Главное, **чтобы ты был осторожен**.*

(124) 21 век: *The point is, **were they lovers?** – The point is, **I don't know**. (Eddy) – Вопрос в том, **были ли они любовниками**. - Дело в том, **что я не знаю**.*

Что касается диахронического аспекта анализируемых НСПП, можно отметить, что практически не претерпели изменений в ходе языкового развития, сравните:

(125) 15 век: *And that place was so fair, and so delectable, that it **seemed them there had been no tempest**, for there lay the bodies of all the dead maidens, which were martyred for the sick lady's sake. (Malory)*

(126) 21 век: *The reason our Albany officials are not responsive **seems they think they are going to win anyway**. (USA Today)*

Говоря о стилистических особенностях НСПП с предикативными придаточными, необходимо отметить, что они являются атрибутом разговорного стиля. При этом одной из предпосылок выбора немаркированного варианта является наличие в ГП существительного с обобщенным значением (см. примеры 123, 124).

Подводя итоги анализа НСПП с придаточными предикативными, можно сказать следующее:

1. Подобно НСПП с придаточными субъектными, данные построения являются архаической синтаксической структурой, сохранившей свой первоначальный вид, характерной для германских языков.
2. Они также не имеют специфического маркера и могут быть идентифицированы только в ходе синтаксического анализа.
3. Уникальность синтаксической функции ставит предикативные ПП на особое место. Кроме того, данная черта делает деление предикативных частей на ГП и ПП условным.
4. Сохранению монолитности НСПП в отсутствие маркера связи способствуют синсемантия ГП (смысловая и структурная), фиксированная позиция ПП, а также пунктуация и интонация (в устной речи).
5. В силу своих стилистических особенностей НСПП являются атрибутом разговорного стиля.

Итак, можно сделать вывод, что НСПП с придаточными, заполняющими позиции главных членов предложения, являются идиоэтническим для германских языков построением, отличным от других типов ПП. Выбор немаркированного варианта данных СПП зависит от ряда стилистических, прагматических и семантических факторов.

3.3. НСПП С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ

НСПП, выражающие обстоятельственные отношения, вызывают особый интерес, поскольку представляют собой довольно разнородную группу. Актуальность изучения данного типа предложений состоит в том, что на настоящий момент не существует полного описания обстоятельственных ПП, способных присоединяться к ГП асиндетически. Несмотря на то, что в некоторых пособиях упоминается возможность употребления немаркированного варианта того или иного обстоятельственного ПП, комплексные исследования по данному вопросу не проводились. Не претендуя на абсолютный охват всех особенностей немаркированных обстоятельственных построений, мы попытаемся проанализировать характеристики отдельных типов ПП с целью выявить факторы, влияющие на выбор маркированного/немаркированного варианта, а также на их историческую динамику.

Как отмечалось, группа НСПП с придаточными обстоятельственными довольно разнообразна, но немногочисленна: она составляет около 339 предложений (7,9 % от общего числа примеров). Спектр обстоятельственных значений, выражаемых НСПП, представлен в таблице:

Таблица 3

Тип отношений	Количество примеров в %
<i>условие</i>	4,2%
<i>результат</i>	2,1%
<i>сравнение/пропорция</i>	0,5%
<i>время</i>	0,3%
<i>уступка</i>	0,3%
<i>цель</i>	0,3%
<i>образ действия</i>	0,2 %

Говоря о сравнительно небольшом числе немаркированных обстоятельственных ПП, можно предположить, что причиной этого является специфичность выражаемых ими отношений. Вероятно, отсутствие маркера в большинстве случаев приводит к нарушению коммуникации. Исключением являются абсолютно немаркированные

построения (ПП условные и сравнительные), сама структура которых свидетельствует о типе выражаемых ими отношений.

Перейдем к анализу отдельных типов немаркированных обстоятельственных ПП. Наиболее многочисленна группировка **НСПП с придаточными условными и уступительными**. Количество условных предложений в нашей выборке составляет 179, уступительных – 13. Целесообразность совместного анализа данных предложений проистекает из их структурной и генетической общности. Разница между ними лежит в области семантики, причем зачастую представляется проблематичным определить отношения как условные или уступительные. Все условные НСПП можно разделить на две подгруппы: 1) предложения с логическим подчинением, 2) абсолютно немаркированные предложения с инвертированным порядком слов. НСПП со значением уступки имеют унифицированную структуру с инвертированным порядком слов.

Логическое подчинение является одним из начальных этапов развития гипотаксиса. Отношения условности в таких построениях выражались семантически и определялись контекстом. Данная особенность была характерна как для древневерхненемецкого языка (см. пример 36), так и для древнеанглийского:

(127) 8 век: *hīe be'hēton hiere sceattas wiþ þæm þe hēo be'swice Samson. (The Battle of Maldon) – They promised her money in consideration of her betraying Samson = if she would...*

Впоследствии отношения условия стали выражаться с помощью союза “gif”/”if”. Подобные примеры ярко иллюстрируют процесс развития и диверсификации средств союзного подчинения. В современном английском языке также встречаются случаи логического подчинения со значением условия:

(128) 21 век: *Venture too far for love, she tells herself, and you renounce citizenship in the country you've made for yourself. (Cunningham)*

(129) 21 век: *Any question I had, the two people I would go to were Bobby Parker and Pat Rafferty. (am New York)*

В примере (128) значение условности передается формой повелительного наклонения сказуемого “venture”. Вторая часть данного СП информирует о последствиях выполнения условия. В примере (129) значение уступки реализуется путем выдвижения прямого дополнения “any question” и формы сослагательного наклонения сказуемого “had”.

Пример (130) интересен тем, что в нем семантически выражается не только грамматическая категория условности, но и категория отрицания:

(130) 15 век: *The people ...began to crye and shoute, and sayd, **without the kyng woulde come out and speke with them, they wolde assayle the towre and take it by force.** (The cronycle of Syr John Froissart) = unless the king came out and spoke with them...*

Условные НСПП с логическим подчинением были также широко распространены в древнерусском языке, особенно часто они встречались в договорных грамотах, что подразумевалось содержанием документов. В.И.Борковский отмечает, что отношения условия могли выражаться двойным союзом, одиночным союзом, тоном голоса, местом ПП по отношению к ГП, а также соотношением глагольных форм. Последний метод является наиболее древним способом выражения условных отношений (Борковский 1965, с. 498-509). Однако число абсолютно немаркированных предложений невелико. Ниже приведен пример подобного асиндетического построения, которое входит в состав более крупного отрезка, одна из частей которого вводится союзным местоимением «кто». Немаркированная часть имеет следующий вид:

(131) 13 век: *Кто би ть друга д ревъм а боуд те синь любо кровавъ полоуторы гривны серебра платити моу по сухоу оударите, .г. (4 – М.Ж.) четв рти серебра. (Смоленская договорная грамота)*

В настоящее время НСПП такого типа встречаются в народных говорах, пословицах и т.п. Используются они также и в литературном языке:

(132) 18 век: *Посмотри на русского человека; **найдешь** его задумчива. (Радищев)*

(133) *18 век: Сегодня **нарушишь** ее уважения ради какового, завтра нарушение ее **казаться будет** самой добродетелию. (Радищев)*

Как и в английском языке, отношения условности передаются формами повелительного наклонения (132) или будущего времени (133). Несмотря на формальную независимость предикативных частей, на уровне плана содержания в данных предложениях явно прослеживается зависимость, что позволяет признать их семантически подчинительными.

Аналогичный способ передачи условных отношений существует и в удмуртском языке. Видо-временные характеристики сказуемых НСПП совпадают с формами маркированного СПП, например:

(134) *Аслад верамед уг **ке** поты, мон тонэ ачим верато. – Если не хочешь сказать сам, я тебя заставлю говорить.*

(134.1) *Аслад верамед уг поты – мон тонэ ачим верато. – Не хочешь сказать сам – я тебя заставлю говорить. (цит. по: Грамматика современного удмуртского языка 1974, с. 94)*

Однако в удмуртском языке существует и специфичный асиндетический способ выражения условности: форма условного наклонения глагола в сочетании с модально-волевой частицей «мед», не характерное для маркированных условных СПП, например:

(135) *Коть мар ке но мед верасал, иське, мед тышкаськысал самой урод кыльёсын – мыным капчигес луысал.- Пусть сказал бы хоть что-нибудь, пусть обругал бы самыми плохими словами – мне было бы легче. (цит. по: Грамматика современного удмуртского языка 1974, с. 115)*

Поскольку части данного НСПП структурно-автосемантически, мы считаем возможным говорить о логическом подчинении. Поэтому, несмотря на невозможность маркированного варианта, мы находим неправомерным ставить построения такого типа в один ряд с английскими конструкциями типа “*Had you come, I would have been happy*”, которые будут рассматриваться ниже.

Вторым типом условных НСПП являются *абсолютно немаркированные СПП* с инвертированным порядком слов. Предложения такого типа

функционировали на самых ранних этапах развития языка и сохранили свою специфику в современном языке. Как отмечают исследователи (Филичева 1959, Семенюк 2000, Curme 1952, Tinkler 1971, Mitchell 1985), инвертированные условные и уступительные построения были характерны для древнего периода существования германских языков.

На ранних этапах не существовало семантических ограничений для глаголов, которые могли подвергаться инверсии. В настоящий момент список таких глаголов ограничен модальными и вспомогательными единицами (do, be, have, should, would). Данный факт свидетельствует о том, что «инвертированные» глаголы одновременно выполняют функции показателей грамматических категорий (времени, наклонения, модальности) и сигнализируют о нетипичности структуры предложения, создавая таким образом синтаксическое напряжение.

Еще одним фактором, повлиявшим на исключение из сферы инверсии полнозначных глаголов можно считать то, что способ образования отрицательных и вопросительных предложений с помощью вспомогательных и модальных глаголов получил распространение лишь в начале новоанглийского периода, а норма употребления вспомогательных глаголов была установлена в 18 в. Вероятно, именно тогда и произошло исключение смысловых глаголов из списка глаголов, выражающих условие в инвертированной позиции, сравните:

(136) 10 век: *Ealle we scoldan forweorðan ecan deaðe, **wære** þæt Crist for us deað þrowode.* (*The Fall of the Angels*) – *We all should die forever, if the Christ had not died for us* (букв. **Were** the Christ not dead for us)

(137) 16 век: *I fly not death, to fly his deadly doom:*

*But **fly** I hence, I **fly** away from life.*

(*Shakespeare*) – *If I fly/ flew away from here, I will/ would die.*

(138) 16 век: *He has honor'd me of late; and I have bought*

Golden opinions from all sorts of people,

Which would be worn now in their newest gloss,

Not cast aside so soon.

(Shakespeare)

(139) 18 век: *No one will be vexed or uneasy, **linger I ever so late**.* (Addison)

(140) 21 век: *However, I doubt we would have seen this effort **had it not been for pressure** from the public and Congress.* (USA Today)

(141) 20 век: ***Hätte ich Wien gesagt**, wie es im Pass stand, wäre den drien vielleicht aufgefallen, dass ich nicht Weichen Wiener Dialekt sprach.* (Remarque)

Данные предложения являются примерами инверсии смысловых глаголов для выражения условия (137) и уступки (138), (139). В предложении (140) значение условия выражено с помощью устойчивой конструкции “had it not been for”, которая является атрибутом разговорной речи.

Проведенный выше анализ условных и уступительных НСПП позволяет обозначить следующие особенности:

- инверсия в ПП; список инвертируемых глаголов ограничен;
- облигаторное пунктуационное выделение при препозиции ПП (прим. 133, 137), факультативное выделение при постпозиции ПП (прим. 138, 139);
- согласование модально-временных ГП и ПП (прим. 129, 132, 139).

Таким образом, НСПП с условным и уступительным значением могут быть признаны универсальным для индоевропейских языков средством языковой экономии. На данный момент не существует строгих стилистических ограничений в их использовании, хотя отмечается больший по сравнению с союзными вариантами эмоциональный заряд. Проведенный анализ подтверждает также необходимость расширения критериев анализа СП с целью отхода от формального классифицирования построений и учета их семантических особенностей.

Следующую по численности группу составляют **НСПП с придаточными результата**. Наша выборка насчитывает 90 таких предложений. Данные построения интересны тем, что отражают общую тенденцию к языковой экономии: они отмечены лишь в новоанглийский период и большинство грамматик еще не выделяет их как отдельный тип ПП. Наши исследования показали, что единственным пособием,

упоминающем о НСПП с придаточными результата, является учебник для подготовки к экзамену на Кембриджский сертификат (Side 2001), отражающий современное состояние языка. Данный факт свидетельствует о том, что анализируемые НСПП являются узуальным вариантом, еще не зафиксированном нормой.

Характерной особенностью НСПП с придаточными результата является отсутствие второй части двойного союза ‘so ... that’. Таким образом нарушается корреляция между ГП и ПП, например:

(142) 21 век: (1) *He watched Cohen watching him, with an expression so impassive (2) it was impossible to guess what he was thinking.* (Eddy)

В данном примере связь между ГП и ПП осуществляется на уровне семантики: без ПП (2) предложение не имело бы смысла. Кроме этого, на стыке предикативных частей контактно располагаются грамматически несовместимые формы: прилагательное “impassive” и местоимение “it”. Это сочетание сигнализирует о границе между ГП и ПП, а также о том, что между ними существует грамматическая связь. О типе синтаксической зависимости можно судить, исходя из смысла предложения.

Будучи относительно молодой структурой, НСПП с придаточными результата имеют практически унифицированную форму, сравните:

(143) 16 век: *Ross: I am so much a fool, should I stay longer,*

It would be my disgrace and your discomfort:

I take my leave at once.

(Shakespeare)

(144) 18 век: *I am now writing to you in one of these arbours, which is so thickly shaded, the sun is not troublesome, even at noon.* (Lady Montagu)

(145) 21 век: *That is how Nelly would murder, competently and precisely, the way she cooks, following recipes learned so long ago she does not experience them as knowledge at all.* (Cunningham)

Интересно отметить, что НСПП данного типа в древнерусском языке также имели фиксированную структуру:

-сказуемое ПП имеет форму инфинитива или повелительного наклонения;

- ПП обычно следует за ГП.

Например:

(146) 14 век: *Земл готова **надобь с м на**.* (цит. по: Борковский 1965, с. 500).

Данное предложение иллюстрирует пример логического подчинения.

Отсутствие союза в некоторых случаях может затруднить понимание смысловых оттенков предложения, например:

(147) 21 век: *“Evan and I are staying in town this weekend,” he says. “He’s feeling **so much better on his new cocktail, he says he wants to go dancing tonight.**” (Cunningham)*

В данном случае неясно, имеем ли мы дело с СПП или ССП, связаны ли предикативные части грамматически. Представляется возможным перевести предложение на русский язык двумя способами:

- Мы с Эваном остаемся в городе на выходные. Он так хорошо себя чувствует после нового коктейля, что хочет сходить куда-нибудь потанцевать.

- Мы с Эваном остаемся в городе на выходные. Он так хорошо себя чувствует после нового коктейля. Он говорит, что хочет сходить куда-нибудь потанцевать.

В пользу СПП говорит пунктуационное оформление и контекст: мы знаем, что Эван тяжело болен, но в данный момент ему стало лучше, так что он хочет развеяться. Очевидно, анализируя НСПП с придаточными результата, необходимо опираться на контекст как один из факторов, способствующих дешифровке смысла.

Для асиндетических ПП данного типа, как и для остальных НСПП, характерно употребление в ситуации неформальной коммуникации, при этом, чем непринужденнее обстановка, тем более вероятен выбор асиндетона. Данное положение подтверждается примерами:

(148) 21 век: *Unless you give me your word that you’ll conduct Maitland’s debriefing in a professional manner, I’ll have you kicked off that island **so goddamned fast you won’t have time to take a plane.*** (Eddy)

(149) 21 век: *You’re in **so much trouble, Maitland, I don’t know where to begin.*** (Eddy)

В примере (149) ГП и ПП дистанцированы обращением “Maitland”, что, однако, не препятствует адекватной интерпретации смысла. Вероятно, в устной речи этому способствовало бы интонационное оформление.

Как отмечалось выше, НСПП с придаточными результата, в основном, имеют унифицированную структуру. Однако нами были зафиксированы примеры нарушения этой структуры:

(150) *21 век: Mommy was lying on her bed in the apartment, just about crying she was so worried about Daddy. (King)*

В данном примере налицо перестройка структуры НСПП для придания ему большего эмоционального заряда. В традиционной форме предложение выглядело бы следующим образом:

(150.1) *Mommy was lying on her bed in the apartment, she was so worried about Daddy (that she was) just about crying.*

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие НСПП с придаточными результата в ранненовоанглийском языке, около 99% нашей выборки составляют примеры из современного английского языка (20 – 21 в.в.). Вероятно, использование данных построений в ранненовоанглийском было окказиональным, в настоящий момент они претерпевают период развития. Можно предположить, что с течением времени использование НСПП со значением результата станет нормой.

Следующим типом интересующих нас построений являются *НСПП со значением сравнения или пропорции*. Их количество в нашей выборке составляет 21 пример. Однако, несмотря на малочисленность, данные предложения можно признать одним из самых интересных явлений.

Эта разновидность предложений также является малоизученной. Авторы «Университетской грамматики английского языка» классифицируют их как подтип сравнительных СПП (A new University English Grammar 2003), в то время как Дж. Керм, исходя из результатов генетического анализа, выделяет их в отдельный тип (Curme 1931). Действительно, структурные особенности данных НСПП уникальны, однако семантическое значение сближает их со сравнительными конструкциями. Мы склонны классифицировать данные НСПП как особый тип сравнительных конструкций, выражающих значение

пропорции. Важно отметить, что в английском языке не существует иных форм для реализации данного значения.

Как отмечалось выше, анализируемые предложения отличает структурный параллелизм ГП и ПП. Дж. Керм характеризует данную черту как “*terse and telling parallelism*” (Curme 1931, с.198). Итак, для НСПП со значением пропорции характерна инициальная позиция прилагательного в сравнительной степени в сочетании с определенным артиклем (как в ГП, так и в ПП), возможен эллипсис сказуемого, например:

(151) 21 век: *What they do mean is state officials have been looking harder for such contamination, and **the harder** they look, **the more** mercury contamination they find. (USA Today)*

(152) 16 век: (1) ***The whiter** the lawn is **the deeper** is the mole, (2) **the more purer** the chrysolite **the sooner** stained. (Th. Lodge)*

Пример (152) состоит из двух частей, первая из которых (1) представляет собой полный вариант НСПП, во второй же наблюдается эллипсис сказуемого. Однако благодаря параллелизму у читателя не возникает трудностей в интерпретации данного предложения.

Двойная корреляция, вкупе с параллелизмом конструкции, затрудняет определение доминирующей предикативной единицы. ГП может быть установлено лишь по топологическому признаку - оно находится в инициальной позиции. Перестановка предикативных единиц в таких НСПП невозможна, она влечет изменение оригинального смысла. Данный факт позволяет говорить о зависимости второй части от первой.

Несмотря на унифицированную структуру, в некоторых случаях исследуемые построения допускают отхождения от нормы, например:

(153) 21 век: *When you've taken a fall, you need to get back up there. **Longer** you leave it, **the harder** it gets. (King)*

Отсутствие артикля в ГП не нарушает структуры предложения. Очевидно, в определенных условиях (спонтанность, иногда небрежность высказывания) подобные вариации возможны.

Анализируя данные предложения с исторической точки зрения, необходимо отметить, что в древнеанглийском языке дублированное указательное местоимение “þe ... þe” играло роль детерминанта: в ГП оно указывало на наличие последующего ПП, в ПП исполняло роль интродуктора (Curme 1931, с. 190-200). Развившийся из местоимения артикль со временем перестал функционировать в качестве маркера, что связано с изменениями в системе флексий.

Проводились попытки ввести “that” как показатель зависимости ПП:

(154) 15 век: *The more money **that** he makes the more he wants. (The Brome Abraham)*

Однако такие конструкции не получили распространения, поскольку наличие союза было избыточным и противоречило закону экономии: асиндетический вариант более экспрессивен и эргономичен.

Данные построения носят идиотнический характер. Нами зафиксирован лишь один подобный пример в русском языке:

(155) 18 век: *Но для чего не дозволять всякому заблуждению быть явному? **Явнее** оно будет, **скорее** сокрушится. (Радищев)*

В этом примере налицо структурный параллелизм ГП и ПП, а также нетипичное для русского языка отсутствие маркеров. Очевидно, этот пример является окказиональным.

В немецком языке также имеются НСПП со значением сравнения. Они отличаются тем, что имеют маркированный вариант, например:

(156) 20 век: *Das Mädchen kriecht viel mehr, als (dass) es aufrecht geht. (Remarque)*

Характерной чертой этого предложения является форма сравнительной степени наречия в ГП (viel mehr). Важно, однако, отметить, что такие предложения являются периферийными и не зафиксированы нормой.

Современный строй английского языка также допускает использование НСПП сравнительных, изоморфных маркированным:

(157) 21 век: *I think this is going to be a place that will create a lot of new works in **the same way (that) it used to happen under Joe.** (am New York)*

(158) 21 век: *Will you be performing **the same material (that) you do on tour?** (USA Today)*

В данном случае отсутствие союза “that” придает этим предложениям разговорный оттенок. Формально их можно признать атрибутивными, однако семантика антецедента “the same” подразумевает его сопоставление с подлежащим ПП (way, material). Это дает основания признать подобные примеры синкретичными построениями. Возможно, их функционирование в языке является результатом стремления к экономии.

Подводя итоги анализу НСПП со значением сравнения, необходимо обратить внимание на следующие моменты:

- Анализируемые НСПП можно разделить на две группы: построения, изоморфные союзным, и абсолютно немаркированные предложения.
- Построения первого типа встречаются в русском и немецком языках, вторая группа представляет собой идиоэтническое английское явление.
- Показателями зависимости в НСПП такого типа служат структурный параллелизм, фиксированная позиция ГП и ПП, синсемантия ГП и ПП.
- Данные НСПП представляют собой периферийное синтаксическое явление, отличающееся устойчивой структурой, уникальной функцией, а также значительным стилистическим потенциалом.

Приступая к рассмотрению *НСПП с придаточными времени*, необходимо отметить, что они крайне малочисленны. Логично предположить, что их функционирование обусловлено контекстом и, следовательно, не регламентировано правилами синтаксиса.

Несмотря на то, что первые примеры НСПП со значением времени датируются ранненовоанглийским периодом, данные количественного анализа не свидетельствуют о тенденции к более интенсивному употреблению таких предложений. Они, скорее, являются атрибутом разговорного стиля, например:

(159) 16 век: *Julia: But say, Lucetta, now we are alone,*

Wouldst you then counsel me to fall in love?

(Shakespeare)

Выбор асиндетона может быть продиктован соображениями ритма, стремлением передать эмоциональный настрой героев, спонтанностью процесса речепорождения и тесным знакомством собеседниц. Маркированный вариант был бы структурно перегруженным, сравните:

(159.1) *Julia: But say, Lucetta, **now that we are alone,**
Wouldst you then counsel me to fall in love?*

Заслуживает внимания, что отсутствие союза в данном случае не создает столкновения грамматически несовместимых форм: наречие “now” может предшествовать местоимению “we”. Однако это приводит к амбивалентности НСПП. Очевидно, данный факт стал одним из моментов, предопределивших закрепление в норме маркированного варианта.

Как и в английском, в русском языке НСПП с темпоральным значением довольно малочисленны. Они представляют собой случаи логического подчинения, например:

(160) 17век: **Не прилучилося меня дома; занемог младенец.** (цит. по: Борковский 1965, стр. 502).

(161) 18 век: Дарий: *Как можешь ты назвать днесь Дарием себя,*

Отечество твое злодей отягощает;

А Дарий, видя то, его не защищает.

(Ржевский)

Возможно, отсутствие маркера зависимости в примере (161) вызвано требованиями ритма. Однако в данном случае асиндетон делает содержание предложения амбивалентным:

(161.1) Дарий: *Как можешь ты назвать днесь Дарием себя,*

(Когда) отечество твое злодей отягощает;

А Дарий, видя то, его не защищает.

(161.2) Дарий: *Как можешь ты назвать днесь Дарием себя,*

(Если) отечество твое злодей отягощает;

А Дарий, видя то, его не защищает.

В пользу темпоральных отношений говорит наречие «днесь». Очевидно, что в ходе выявления темпоральных отношений в НСПП (как и других типов синтаксической зависимости) важную роль играет контекст.

Итак, темпоральные НСПП можно охарактеризовать как периферийное синтаксическое явление, носящее окказиональный характер. Их особенностью является амбивалентность, вызванная отсутствием маркера и структурными особенностями. Данный фактор, очевидно, является одной из причин малочисленности данных конструкций.

Интересно отметить, что примеры *НСПП с придаточными цели* зафиксированы уже в ранненовоанглийский период. Их количество в нашей выборке невелико (14), что объяснимо с позиций прагматики: очевидно, адекватное выявление цели действия и последствий реализации этой цели настолько важно, что отсутствие маркера зависимости может привести к серьезному нарушению коммуникации.

Традиционно одним из сигналов целевого ПП может выступать союз “so that”. Однако встречаются также случаи использования лишь одной части данного маркера, например:

(162) *16 век: Proteus: Come, come, open the matter in brief. What said she?*

*Speed: Open your purse, that money and the matter may be both
at once delivered.*

(Shakespeare)

Опущение компонента “so” может быть вызвано требованиями ритма или проявлением закона экономии в разговорном регистре. Эта структурная особенность, однако, не препятствует верной трактовке синтаксических отношений. Несмотря на полисемантическую природу союза “that”, ПП не может быть интерпретировано как объектное или атрибутивное:

- позиция дополнения при сказуемом ГП “open” заполнена;
- в составе ГП нет слова, которое бы раскрывалось содержанием ПП.

Анализ плана содержания позволяет выявить в этом предложении целевые отношения.

Более распространен другой вариант НСПП с придаточными цели: предложения с пропущенным компонентом “that”, например:

(163) *21 век*: *A man who died in a car bombing outside the Opryland resort in July killed himself and tried to make it look like murder so his family could collect on his life insurance. (USA Today)*

(164) *21 век*: *A small boy, no older than three, crossing the bridge with his mother, stops at the rail, crouches, and pushes the stick he’s been carrying between the slats of the railing so it will fall into the water. (Cunningham)*

Такие построения зафиксированы в словарях, следовательно, могут быть признаны атрибутом нормы. Связь между ГП и ПП в них осуществляется за счет смысловой синсемантии ПП, а также значения союза “so”.

То, что большее распространение получили НСПП с пропущенным “that”, а не “so”, можно обосновать прагматическим фактором: в отсутствие “so” интерпретация типа синтаксической зависимости между частями НСПП требует больше интеллектуальных усилий, так как союз “that” не имеет лексического значения. Опускание же “that” оправдано стремлением к экономии: оно не препятствует пониманию предложения и в то же время сберегает артикуляционные усилия и временные ресурсы.

НСПП с придаточными цели зафиксированы также в древнерусском языке. Они являлись малопродуктивной структурой, синтаксические отношения в рамках которой выражались с помощью форм сослагательного наклонения, например:

(165) *12 век*: *възлел и господине мою ладу къ мн , а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. ((цит. по: Борковский 1965, с. 500).*

Необходимо отметить, что при ультимативном подходе нельзя назвать НСПП с придаточными цели и результата немаркированными, поскольку в них присутствуют сигналы зависимости. Мы, однако, сочли возможным включить данные построения в область нашего исследования, поскольку они ярко иллюстрируют тенденцию к минимализации вербальных усилий и более интенсивному использованию неязыковых средств коммуникации.

Все более явным становится также стремление к предоставлению индивиду свободы в трактовке информации, опора на его знания и опыт.

НСПП с придаточными образа действия составили самую малочисленную группу в выборке: 9 примеров. Сложность анализа таких построений заключается в их синкретичности: в них одновременно могут реализовываться значения сравнения и образа действия. В некоторых случаях оба этих значения нейтрализуются, и единственным критерием классификации СПП может служить маркер зависимости.

Логично предположить, что именно амбивалентность синтаксических отношений, сложность лингвистической интерпретации в НСПП с придаточными образа действия (сравнения) является причиной того, что они не получили распространения в языке, несмотря на довольно длительное историческое развитие. Рассмотрим несколько примеров:

(166) 15 век: *So half the castle turned upside down. So it passed **as even-song or the tempest was ceased**.* (Malory)

В данном примере отсутствует часть сложного союза “as if” на стыке ГП и ПП. Адекватной трактовке характера зависимости способствует союз “so”, занимающий инициальную позицию в ГП. Дополнительным фактором, способствующим отделению ГП от ПП, является то, что глагол-сказуемое ГП “passed” является непереходным. Естественно, что следующее за ним существительное “even-song” воспринимается не как дополнение, а как подлежащее ПП. Данный пример мог иметь следующий вид:

(166.1) *So half the castle turned upside down. So it passed **even-song or the tempest was ceased**.*

(167) 16 век: *Adrian: The air breathes up here most sweetly.*

Sebastian: As if it had lungs, and rotten ones.

*Antonio: Or **as 'twere perfum'd by a fen**.*

(Shakespeare)

В примере (167) также опущена часть сложного союза “if”, однако дополнительным средством реализации синтаксической зависимости

является контекст: параллелизм конструкций, а также содержание предыдущих реплик.

Встречаются и примеры абсолютно немаркированных СПП с придаточными образа действия, например:

(168) *20 век: One of them went out quickly and shut the door. The other was so **still he wasn't there**. (Chandler)*

Связь между ГП и ПП осуществляется за счет потенций наречия “so”, требующего раскрытия. Контактное расположение наречия “still” и местоимения “he” создает синтаксическое напряжение, что способствует монолитности СПП, а также его адекватному членению. Очевидно, подобные предложения допустимы в разговорном стиле, а также в устной речи, где на помощь вербалике приходит интонация, жесты, мимика и т.п.

В целом НСПП с придаточными образа действия можно признать малопродуктивным, но стилистически эффективным синтаксическим явлением. Подводя итоги анализу НСПП с придаточными обстоятельственными, можно сделать следующие *выводы*:

1. Анализируемые построения представляют собой разнородную группу предложений, выражающих специфичные синтаксические отношения. Специфика этих отношений, а также синкретичность благоприятствуют предпочтению маркированных структур, что объясняет малую долю данных НСПП. Отсутствие маркера может повлечь за собой нарушение коммуникации.
2. Среди НСПП с обстоятельственным значением есть как древние конструкции, так и современные окказиональные построения, не зафиксированные нормой. Данные структуры в той или иной форме являются характерной чертой синтаксиса ряда индоевропейских языков.
3. На ранних этапах обстоятельственные отношения могли выражаться структурами с логическим подчинением. Впоследствии большинство таких предложений преобразовалось в маркированные СПП.

4. Отличительной чертой анализируемых НСПП является *унифицированная структура*. Средствами связи между ГП и ПП служат синтаксическая напряженность, смысловая и структурная синсемантия, влияние контекста, ритм, интонация, синтаксический параллелизм.
5. Некоторые типы анализируемых предложений не являются немаркированными в строгом смысле, однако свидетельствуют об универсальной тенденции к экономии.
6. Сфера действия большинства НСПП с придаточными обстоятельственными ограничена разговорным регистром.
7. Можно признать данные НСПП периферийным синтаксическим явлением, отличающимся высокой степенью контекстуальной обусловленности, а также высоким стилистическим потенциалом.

3.4. НСПП С ПРИДАТОЧНЫМИ АТРИБУТИВНЫМИ

Данная группа предложений довольно многочисленна: их доля в выборке составляет 769 примеров (18 %). Исследованием атрибутивных отношений в рамках НСПП занимались: Б.А.Ильиш, Л.Х. Ишо, G Curme, F. Visser, и др. Несмотря на то, что атрибутивные НСПП являются наиболее изученным типом предложений (наряду с объектными ПП), они вызывают горячий интерес у ученых. Причиной этого является синкретичность отношений, выражаемых определительными ПП, а также многообразие семантических групп antecedентов.

Традиционно атрибутивные ПП подразделяются на две группы: описательные (*descriptive, non-defining*) и лимитирующие (*restrictive, limiting, defining*). *Описательные ПП* содержат дополнительную информацию об antecedенте. Эта информация не конкретизирует опорное слово и может быть удалена из состава СПП, не нарушая его структуры. Как отмечает Б.А. Ильиш, такие предложения являются переходным типом между сочинением и подчинением (Ilyish 1965, с. 296). В результате того,

что смысловая связь между ГП и описательным ПП довольно свободна (ГП потенциально автосеманлично), использование асиндетона в таких построениях невозможно. Рассмотрим пример:

(169) *19 век: George, who had left Emmy on her bench on entering the ball-room, very soon found his way back when Rebecca was by her dear friend's side. (Thackeray)*

Очевидно, что факт «дезертирства» Джорджа говорит о его моральных качествах, но не является первостепенно важным для повествования. Графическое обособление ПП усиливает эффект «дополнительности» содержащейся в нем информации. Немаркированный вариант данного построения будет выглядеть следующим образом:

(169.1) *George, had left Emmy on her bench on entering the ball-room, very soon found his way back when Rebecca was by her dear friend's side.*

Контактное расположение имени собственного “George” и глагола “had left” автоматически предполагает наличие предикативных отношений между ними, что поддерживается содержанием предложения. Однако запятая, отделяющая предполагаемое подлежащее от сказуемого, а также незаполненная позиция подлежащего во второй предикативной части (very soon found ...) делают все СПП неграмматичным. Свободная связь между частями предоставляет возможность для трансформации СПП в ССП:

(169.2) *George had left Emmy on her bench on entering the ball-room, but very soon found his way back when Rebecca was by her dear friend's side.*

Лимитирующие ПП, в свою очередь, настолько тесно связаны с содержанием ГП, что отсутствие маркера не нарушает монолитности СПП. Содержание лимитирующего ПП выделяет антецедент из ряда аналогичных объектов и придает ему оттенок уникальности, например:

(170) *21 век: He was the most caring, kind, loving and rave father anyone could have. (am New York) .*

Смысловая связь между ГП и ПП настолько тесна, что дистанцирование немаркированного ПП от антецедента не препятствует их целостному восприятию. Следующий пример интересен тем, что в нем между ГП (1) и

немаркированным лимитирующим ПП (3) расположено еще одно лимитирующее ПП, маркированное (2):

(171) 21 век: (1) I just want to do the work (2) that I love (3) and keeps me feeling vital and alive. (USA Today)

Если в ПП (2) маркер “that” выполняет лишь союзную функцию, то в ПП (3) он должен заполнять еще и позицию подлежащего. В данном случае связь между частями (1) и (3) обеспечивается структурной синсемантией ПП, а также формой третьего лица единственного числа сказуемого “keeps”, которое согласовано с антецедентом “work”. В случае экспликации маркера в части (3) все СПП стало бы перегруженным:

(171.1) (1) I just want to do the work (2) that I love (3) and that keeps me feeling vital and alive.

Возможен также эллипсис маркера в части (2):

(171.2) (1) I just want to do the work (2) I love (3) and (that) keeps me feeling vital and alive.

Важно, однако, отметить, что коннекторное присоединение ПП (3) противоречило бы тенденции, согласно которой в случае однородного последовательного подчинения маркируется обычно первое ПП, сигнализируя о характере синтаксических отношений в рамках СПП.

Интересно, что для СПП с придаточными атрибутивными характерно некое противоречие: ПП раскрывает антецедент в составе ГП, однако последнее является потенциально-автосемантическим. В свою очередь, ПП обладает смысловой (а в случае немаркированного варианта – и структурной) синсемантией. Таким образом, единица, подлежащая распространению, формально в нем не нуждается.

В ходе исследования нами были выделены следующие *подтипы антецедентов*:

- антецедент, обозначающий конкретный объект (его значение ограничено (определенным артиклем “the”, порядковым числительным и т.п.);
- антецедент “all”;

- антецедент, обозначающий неопределенный объект (существительное с неопределенным артиклем “a”, местоимением “any”, “some” и т.п.);
- антецедент, придающий НСПП дополнительное обстоятельственное значения (времени или причины) – “the time”, “the cause / reason”.

Как отмечалось выше, атрибутивные ПП достаточно глубоко изучены, поэтому мы не считаем необходимым проводить их углубленный анализ. Полное представление о своеобразии отношений в НСПП может дать рассмотрение наиболее интересных примеров.

Обращаясь к подтипу *НСПП с антецедентом “all”*, заметим, что некоторые исследователи (Кобрина 1986) указывают на невозможность их функционирования. Однако в нашей выборке такие построения присутствуют, например:

(172) *21 век: All he'd cajoled out of his team was a flawed performance that included 11 penalties and interceptions thrown by Vinny Testaverde. (USA Today)*

Структурной особенностью данного построения является то, что ПП, уточняющее подлежащее ГП “all”, дистанцирует его от сказуемого, создавая, таким образом, синтаксическую напряженность и обеспечивая монолитность центра предикации. Связь между антецедентом и ПП создается за счет синсемантии ПП, а также обедненной семантики местоимения “all”. Очевидно, что данные предложения обладают высокой степенью абстракции.

В *НСПП с антецедентом-существительным неопределенной семантики* опорное слово сопровождается неопределенным артиклем, неопределенными местоимениями “some”, “any”, “another”. Очевидно, что в данных условиях ПП конкретизирует значение ГП, снижает степень неопределенности, например:

(173) *18 век: She diffused more knowledge in her conversation than any other woman I know, or, indeed, almost any man. (S. Johnson)*

В данном примере автор ограничивает круг женщин, с которыми он сравнивает Леди Монтегю - «именно те женщины, с которыми он знаком».

Содержание ПП настолько сильно влияет на смысл всего предложения, что наличие маркера становится факультативным. Более того, само высказывание довольно эмоционально, что, как известно, благоприятствует употреблению асиндетона. Синсемантия ПП также способствует его «впянности» в структуру целого предложения.

Отмеченные выше особенности характерны и для следующего примера:

(174) 20 век: *He's looking for a girl **he used to know**.* (Chandler)

ПП синсемантически, оно конкретизирует антецедент “a girl”. В изолированной позиции ГП приобрело бы абсолютно другой смысл:

(174.1) *He's looking for a girl.* – Он ищет девушку. - Ему нужна (любая) девушка.

НСПП с антецедентом, обозначающим конкретный объект, наиболее многочисленны. В качестве конкретизаторов значения может выступать определенный артикль, сочетание определенного артикля с порядковым числительным или прилагательным в превосходной степени и т.п. Такой антецедент способствует синсемантии ГП, которое, естественно, нуждается в разъяснении, дополнении. В данной ситуации ПП логически продолжает ГП, не нуждаясь в экспликации зависимости, например:

(175) 18 век: *It would have gone to your heart the moans **the dumb creature made on the day of my master's death**.* (Addison)

ПП сообщает, о каких рыданиях идет речь: это выражение скорби по умершему. ГП синсемантически не только в смысловом, но и структурном отношении: дублированное подлежащее (it - the moans) придает построению эмфатический заряд, однако порядок слов в нем противоречит требованиям грамматичности. Наличие же ПП, распространяющего подлежащее “moans”, нивелирует отступление от нормы. Предшествование существительного “moans” артиклю “the” создает синтаксическую напряженность и определяет границу между ГП и ПП.

В примерах (180) и (181) выбор асиндетона также обоснован требованиями прагматики, поскольку связь между предикативными

частями обеспечивается синсемантией ГП, синтаксической напряженностью, семантикой антецедента:

(176) 18 век: *Upon his coming home, the first complaint **he made** was, that he had lost his roast-beef stomach. (Addison)*

(177) 20 век: *I thought of the giant with the red hair and the violet eyes, who was probably the nicest man **I had ever met**. (Chandler)*

Одной из разновидностей НСПП с придаточными атрибутивными являются построения, в которых антецедент (существительное-предикатив) формально зависит от составного именного сказуемого ПП, например:

(178) 21 век: *Lynne and I have a gay daughter, so it's an issue **our family is very familiar with**. (USA Today)*

(179) 21 век: *It's a place **I'm prepared for**. (USA Today).*

Дополнительную монолитность таких предложений обеспечивает топологический фактор: предлог и определяемое им существительное-предикатив дистанцированы, более того, существительное находится в препозиции. ПП, в свою очередь, структурно синсемантично, так как его финальным компонентом является предлог. Таким образом, взаимосвязь между частями НСПП настолько интенсивна, что ее экспликация избыточна. Подобные предложения являются примером эмфатических построений. Эмоционально-нейтральная реализация этого же смысла может быть представлена простым предложением, сравните:

(178.1) *Lynne and I have a gay daughter, so our family is very familiar with this issue.*

(179.1) *I'm prepared for the place.*

Однако в этом случае изменяется степень специфичности антецедента: неопределенный артикль, ведущий к синсемантии, заменяется на определенный (или указательное местоимение).

Как отмечалось выше, семантика антецедента может оказывать определенное влияние на тип отношений между ГП и ПП. Некоторые **НСПП** нашей выборки могут быть охарактеризованы как **синкретичные**, поскольку отношения в них, будучи формально атрибутивными, имеют

дополнительное значение времени или причины. Выше мы уже рассматривали случаи модификации синтаксических отношений под воздействием семантического фактора (см. анализ НСПП с придаточными объектными). Рассмотрим некоторые примеры:

(180) 16 век: *Rosalind: But doth he know that I am in this forest, and in man's apparel? Looks he as freshly as he did the day **he wrestled**?* (Shakespeare)

(181) 20 век: *I felt as cold as Finnegan's feet, the day **they buried him**.* (Chandler)

В данных предложениях атрибутивные ПП присоединяются к антецеденту "the day". Необходимо отметить, что значение антецедента неспецифично: он обозначает не конкретный день, а момент совершения действия. Возможность трансформации свидетельствует о том, что опорное слово делексикализировано и выполняет функцию, сходную с союзной:

(180.1) *Rosalind: But doth he know that I am in this forest, and in man's apparel? Looks he as freshly as he did when **he wrestled**?*

(181.1) *I felt as cold as Finnegan's feet, when **they buried him**.* (Chandler)

В результате модификации смысл предложения не изменился, однако формально ПП приобретает обстоятельственное значение. Очевидно, что асиндетон в исходном варианте прагматически оправдан:

- семантика антецедента указывает на темпоральные отношения;

- наличие союза привело бы к перегруженности построения.

Сравните:

(180.2) *Rosalind: But doth he know that I am in this forest, and in man's apparel? Looks he as freshly as he did the day when / that **he wrestled**?*

(181.2) *I felt as cold as Finnegan's feet, the day when / that **they buried him**.* (Chandler)

Логично предположить, что процесс делексикализации знаменательных слов и переход их в класс коннекторов, а также синкретичность некоторых объектных и атрибутивных ПП соответствуют общеязыковой тенденции к уточнению характера синтаксической зависимости и спецификации средств синтаксической связи. В результате этого объектные и атрибутивные отношения, как более генерализованные, под влиянием семантики опорных слов трансформируются в более узкие,

обстоятельственные. Мы не утверждаем, что примеры (180) – (181) и (180.1)- (181.1) являются вариантами реализации одной синтаксической модели, однако их можно признать вариантами реализации одного и того же плана содержания. Таким образом, анализ предложений с позиций семантического синтаксиса позволяет более точно классифицировать типы синтаксической зависимости и подтверждает, что предикативные части в рамках НСПП могут находиться в разнообразных отношениях.

НСПП с атрибутивными отношениями характерны также для русского языка. При этом связь между предикативными частями осуществляется за счет логического подчинения, например:

(182) *16 век: а изяль его Немчина Каширь Буденбургъ, живетъ на торговой улицы у водяныхъ воротъ.* (цит. по: Борковский 1965, с. 506)

В немецком языке связь между частями данных НСПП обеспечивается теми же факторами, что и в английском: синсемантия, порядок слов, синтаксическая напряженность. Отличительной чертой является обязательное пунктуационное выделение ПП, например:

(183) *20 век: Marie kam zum erstenmal zum Gedanke, ihr Freund könnte sich verspäten.* (Seghers)

Логично предположить, что НСПП с атрибутивными предикативными частями являются идиоэтническими для германских языков. В русском языке данные отношения выражаются логически на уровне паратаксиса.

Генетический анализ данных НСПП свидетельствует, что они являются одним из наиболее древних типов СП. Вероятно, такие структуры, получившие название “contact clauses” (Jespersen 1927), представляли собой исходный вариант современных относительных ПП. Несмотря на то, что развитая система флексий позволяла выражать синтаксические отношения асиндетически, в источниках древнеанглийского периода они встречаются довольно редко, что может быть связано со стилистическими и диалектными особенностями древнеанглийских письменных памятников.

“In Old English ...asyndetic type of relative clause is on the whole

comparatively rare. ... the Old English texts were for the most part prepared by meticulous scholars who were anxious to make their language look as refined as possible. ... The only Old English documents in which asyndetic type of relative clause is comparatively frequent are to be found outside the literary tradition in the South. Nor is the "omission" of the relative in the South so rare as has been asserted by some grammarians" (Helgander 1971, с. 39).

Влияние диалектного варьирования на выбор немаркированного / маркированного варианта относительного ПП отмечается также в древненорвежском языке. В западных диалектах, которые явились базой литературной традиции, немаркированные атрибутивные ПП использовались намного реже, чем в восточных (Helgander 1971, с. 39-40). Примерами древнеанглийских НСПП с придаточными атрибутивными могут послужить следующие предложения:

(184) 7 век: *gode þancode ...þæs **se man gespræc**. (Beowulf)*

(185) 8 век: *Forgif þu me, min frea, fierst ond ondgiet ... ond gemynd þinga gehwylces þara **þu me, soðfæst cyning, sendan wylle**. (Bede)*

Начало среднеанглийского периода также отличается небольшим количеством НСПП данного типа. Это может быть связано с жанрами письменных памятников, а также с тем, что процесс письма был долгим и трудоемким, что само по себе предполагает использование максимально полных и эксплицитных конструкций. К концу среднеанглийского периода, однако, наблюдается значительный рост числа немаркированных атрибутивных построений, например:

(186) 13 век: *He shal pay for all **we spenden by the way**. (Seinte Marherete)*

(187) 15 век: *He asked hir by the faith **she ought to hym** whos was the child within her body. (Malory)*

Ранненовоанглийский период интересен наличием противоположных тенденций в использовании асиндетона в целом и немаркированных атрибутивных ПП в частности. С одной стороны, процесс нормализации предусматривал более строгие требования к письменной речи, исходя из

чего асиндетон был признан нелитературным явлением. Вместе с тем разнообразие жанров было столь велико, что невозможным оказалось отказаться от использования живых, экспрессивных конструкций, присущих разговорной речи.

Позднее (в 17-18 в.в.) НСПП с придаточными атрибутивными признаются нормативными и в некоторых жанрах (например, драме) превалируют над маркированными, например:

(188) *17 век: And spoiled their Lodgings one by one, and all **they could lay hand upon.*** (Falconer)

(189) *18 век: It cannot forbear setting Bounds to every thing **it contemplates.*** (Addison)

Данные пример свидетельствуют, что структура предложений с атрибутивными ПП не претерпела радикальных изменений с течением времени. Что касается данных количественного диахронического анализа, то они выглядят следующим образом:

Таблица 4

Период	Маркированных предложений	Немаркированных предложений
<i>древнеанглийский</i>	84,6%	15,4%
<i>среднеанглийский</i>	46,1%	53,9%
<i>новоанглийский</i>	18,8%	81,2%

Подводя итоги анализу НСПП с придаточными атрибутивными, можно сделать следующие *выводы*:

1. НСПП с придаточными атрибутивными можно признать регулярным синтаксическим явлением, характерным для германских языков.
2. В ходе развития эти построения сохранили первоначальную структуру.
3. Наблюдается рост числа НСПП с придаточными атрибутивными, что обусловлено рядом экстралингвистических факторов.
4. Монолитность данных построений обеспечивается синсемантией, синтаксической напряженностью, топологическими особенностями, интонацией (в устной речи).

5. Семантические характеристики antecedента могут влиять на значение и структуру НСПП. Вследствие этого в некоторых случаях предложение может получить дополнительное обстоятельственное значение.
6. Наблюдается тенденция к переходу некоторых antecedентов (обобщенной семантики) в разряд коннекторов, что соответствует общей тенденции к конкретизации синтаксических отношений в рамках НСПП.
7. В целом выбор немаркированного варианта СПП с придаточными атрибутивными обусловлен прагматическими установками, особенностями стиля, а также тенденциями закона языковой экономии.

3.5. КОНСТРУКЦИЯ АПО КОЙНУ

Конструкции апо койну (*греч.* ἀπό κοινού – по общему члену) являются одним из идиотнически специфичных построений. Их доля в выборке невелика: 61 предложение (1,4 %). Несмотря на малочисленность, данная конструкция интересна тем, что представляет собой пример синтаксического построения, *устойчиво сохранившего структурные и семантические характеристики в ходе исторического развития.* Зародившись еще в древнеанглийском периоде, апо койну пережили этап бурного развития в среднеанглийском и функционируют до сих пор. Примером апо койну может послужить следующее предложение:

(190) 15 век: *And there he saw the fairest woman lye in a ryche bedde coverd unto her myddel with many ryche clothes. (Malory)*

Многие грамматисты обращались к рассмотрению апокойнистических конструкций (В.Г.Адмони, В.Н.Ярцева, Л.П.Чахоян, И.К.Зуене, Т.Г.Логинова, О.Jespersen, В. Mitchell и др.), однако в настоящее время они не являются объектом активных исследований. Таким образом, вопрос о происхождении, стилистической принадлежности и характере отношений в рамках апо койну до сих пор открыт.

Прежде всего, необходимо дать определение апо койну. Итак, по мнению В.Г.Адмони «апо койну... характеризуется... тем, что одна и та же

словоформа, находясь между двумя элементарными предложениями, принадлежит к ним обоим, причем может иметь в них либо одну и ту же, либо различную синтаксическую роль» (Адмони 1988, с. 181). О. Есперсен проводит параллель между апо койну в синтаксисе и гаплогогией в фонетике, поскольку и в том, и в другом случае один элемент имеет двойной потенциал, является бивалентным (Jespersen 1927, с. 133). Кроме того, он отмечает, что общий компонент не всегда находится на стыке предикативных единиц, однако всегда структурно необходим. Б. Митчелл указывает, что апо койну может служить одним из способов языковой экономии, так как слово, используемое один раз, замещает две синтаксические позиции. Итак, по определению, данному Б. Митчеллом, “*ἀπό κοινού* is a syntactical construction in which a word or closely related group of words, occurring between two portions of discourse, contains an idea which completes the thought of the first part, to which it is grammatically related; at once supplies the thought essential to the following part, to which it may also be grammatically related, and is not felt to belong more closely with the first part than with the second” (Mitchell 1985, с. 905).

Анализируя данные определения, можно найти в них некоторые противоречия: В.Г.Адмони говорит о том, что общий элемент (*koinon*) обладает синтаксической функцией как в первой, так и во второй части. Б.Митчелл же указывает, что койнон не обязательно имеет синтаксическое значение как в одной, так и в двух предикативных частях (*may be also grammatically related*).

Еще одним спорным вопросом является мнение о том, что любое построение типа “There is a man downstairs wants to see you”, где есть общий элемент (*a man*), восполняющий свободные валентности в смежных элементарных предложениях, может считаться апокойнистическим. Б.Митчелл особо акцентирует тот факт, что “Constructions are not considered apo koinou if the word which would have been to serve in common

must serve two cases, one of which is different in form from the word as it appears...”(Mitchell 1985, с. 905). В то же время, О. Есперсен, классифицируя возможные ситуации употребления апо койну, выделяет особый случай, когда местоимение (если бы оно было выражено) служило бы частично дополнением глагола главного предложения, а частично – подлежащим глагола придаточного предложения (Jespersen 1927, с. 142), например:

(191) *18 век: ...husbands love to enquire after anything they think is kept from them. (Цит. no: Jespersen 1927, с. 146)*

В данном случае наблюдается двойное асиндетическое присоединение предложений: “after anything (that) they think” и “think (that it) is kept from them”. Однако, исключив элементарное предложение “they think”, мы получим типичную апокойнистическую конструкцию:

(191.1) *Husbands love to enquire after anything is kept from them.*

Здесь “anything” является смежным элементом, служащим одновременно дополнением (“to enquire after anything”) и подлежащим (“anything is kept”). Следуя логике синтаксического анализа, нельзя не отметить, что формально подлежащее и дополнение имеют различные грамматические формы: именительного и винительного падежей. Соответственно, по Митчеллу, данное предложение нельзя причислять к апо койну. Логичным, однако, кажется, что условия совпадения падежной формы для различных функций койнона было необходимым лишь в древнеанглийском языке. Уже в среднеанглийский период, со снижением роли флексий, этот фактор теряет свою значимость, абсолютно нивелируясь на современном этапе, когда явно выраженные падежные флексии имеют только местоимения.

Проблематична также задача определения НСПП как асиндетического или апокойнистического. Некоторые ученые (G. Curme, F. Visser) смешивают понятие апо койну и “contact clause”, подразумевая, таким образом, что в рамках апо койну могут реализовываться только

атрибутивные отношения. Мы же склонны согласиться с Б. Митчеллом в том, что “one must decide between *áπό κοινοῦ* and *asyndeton*” (Mitchell 1985, с. 907). Действительно, опираясь на мнение С. Романи, а также на результаты анализа фактического материала, мы пришли к выводу, что в основе отношений в рамках НСПП лежит *относительная связь* (relativization), в то время как апо койну основывается на принципе *включения, встроенности* (embedding) одной предикативной единицы в другую (Romaine 1984, с. 447). Данное положение можно проиллюстрировать примерами:

(192) *15 век*: *Ther he se haddoccus wer don on the pelare for wrong rostyng of may buttur.*
(*Burlisques in prose and verse*)

(193) *18 век*: *The only uneasiness I felt was my family.* (Steele)

В предложении (193) наблюдается эллипсис союза “that”, что, однако, не препятствует реализации логической зависимости между антецедентом “uneasiness” и ПП “I felt”. Предложение же (192) характеризуется тем, что восстановление пропущенного элемента приведет к функциональному сдвигу: койнон “haddoccus”, восполняющий валентности прямого дополнения в первой части и подлежащего во второй части утратит свою бифункциональность:

(192.1) *Ther he se haddoccus (that) wer don on the pelare for wrong rostyng of may buttur.*

Таким образом, койнон как бы встроен в структуру обеих предикативной частей и является узлом, связывающим их. Данное отличие позволяет дифференцировать асиндетические построения от конструкций апо койну.

Важно также отметить, что, в отличие от НСПП с атрибутивными придаточными, апо койну могут соотноситься как с лимитирующими, так и с описательными ПП. Дж. Керм выделяет, таким образом, апо койну гипотактического (195) и паратактического (194) происхождения (Cunne 1931, с. 235 - 236), например:

(194) *18 век*: *Here is a little book, [it] will tell you how to raise roses.* (Addison)

(195) *19 век*: *There's going to be several men [who] talk too much freely.* (Thackeray)

Очевидно, что, несмотря на различную степень слитности в «исходном» варианте, и те, и другие предложения являют собой монолитную структуру, части которой тесно связаны и не могут быть разделены без ущерба для содержания и структуры целого.

Если поместить апо койну в плоскость грамматики Л.Теньера, то возникают сомнения и в их подчинительной природе. По Теньеру подчинительная структура помещает одно означаемое (предложение) ниже другого. В предложениях же типа “There is a man downstairs wants to see you” трудно определить, какое из предложений является главным, а какое – зависимым, так как каждое из них автосеманлично: “There is a man downstairs” и “a man downstairs wants to see you”. Кроме того, Л.Теньер утверждает, что сущность подчинения заключается в его структурной значимости, семантический же аспект играет второстепенную роль. Важным моментом для гипотактических построений, таким образом, является наличие формального показателя структурной связи. В случае отсутствия маркера предложение признается паратактическим независимо от его смысла(Теньер 1988). Если следовать Теньеру, то предложения апо койну не могут быть признаны подчинительными, так как в них структурная связь не выражена эксплицитно, а компоненты не могут быть распределены иерархически. Однако мы не считаем возможным согласиться с подобной трактовкой апо койну, поскольку их нельзя отнести и к паратактическим структурам по причине включенности компонентов в состав друг друга. Очевидно, логично считать такие предложения особым случаем подчинения, не выраженным эксплицитно.

Проблема определения главной и зависимой частей решается учеными с позиций топологии: первая предикативная часть признается ведущей, вторая – зависимой (Curme 1931, с. 240). Действительно, первое элементарное предложение вводит общий член, а второе – разъясняет его. При выделении главного и зависимого элементов в конструкциях апо

койну следует опираться не на формальные признаки синтаксической связи, а на семантику предложения. Очевидно, любое НСПП, включая апо койну, на основе логического анализа можно отнести либо к сочинительным, либо к подчинительным, причем последние поддаются классификации по аналогии с маркированными конструкциями.

Немаловажным в анализе апо койну является и просодический аспект. Важно выяснить, могут ли интонационное оформление и пауза влиять на восприятие предложения как паратактического или гипотактического. О. Есперсен критикует Ф. ван Драата за преувеличение роли ритма в синтаксическом анализе: "... When English authors omit the relative without producing a rhythm that is pleasing to van Draat's ear, he qualifies the omission as "a meaningless trick". All this to my mind shows a totally wrong conception of the way in which syntactical habits of this kind come into existence" (Jespersen 1927, с. 149). Однако ниже Есперсен указывает на необходимость произносить апокойнистические предложения без паузы со слитной интонацией (Jespersen 1927, с. 149). Вероятно, автор акцентирует значимость интонационного аспекта в реализации синтаксических связей.

Итак, к конструкциям апо койну можно отнести НСПП особого типа, где средством связи служит общий структурный элемент, одновременно восполняющий две валентности в контактно расположенных элементарных предложениях, каждое из которых является неполным без данного элемента. Это отличает апо койну от обычных СПП, где один из элементов в большинстве случаев автосемантичен. В устной речи данные структуры характеризуются единством ритмомелодического рисунка.

Генезис данной структуры также представляет интерес. Как указывают исследователи (В.Г.Адмони, В.Н.Ярцева, Л.П.Чахоян, В. Mitchell), примеры апо койну встречаются уже в древнеанглийском языке, хотя и не очень часто, а генетически они восходят к общегерманским корням

(Адмони 1988). Существует несколько версий возникновения этого синтаксического явления в английском языке.

Конструкции апо койну свойственны многим языкам. Исторические условия развития английского языка дали повод объяснять появление данных конструкций иноязычным влиянием. Так Уиттон говорит о скандинавском влиянии на английский синтаксис (Ярцева 1961, с. 257). Это же мнение высказывает О. Есперсен, анализируя предложения, начинающиеся с формального подлежащего “there is”, например:

(196) 16 век: “*There’s one did laugh in’s sleep*” (Shakespeare).

О. Есперсен указывает, что в датском языке функционирует аналогичная конструкция с “der” (аналог “there”). Причем употребляются эти конструкции также без относительного местоимения (Jespersen 1927). Айненкель, ван Драат и Керм считают бурный рост числа апо койну в среднеанглийский период результатом французского влияния, малочисленные же примеры немаркированного подчинения в древнеанглийском языке не принимаются ими во внимание. Однако известно, что синтаксис является наиболее устойчивым уровнем языка и труднее всего поддается иноязычному влиянию. Некоторые исследователи подчеркивают тот факт, что апо койну являются исконно германским явлением: “they are ancient structures of independent origin, not just relatives with pronouns left out” (Strang 1979, с. 46). Как отмечалось выше, ни одно синтаксическое явление не может быть заимствовано, если в языке-реципиенте нет для этого внутренних предпосылок.

Мы полагаем, что древнейшим типом апо койну, вероятно, было соположение предложений, где общее слово стояло на границе ГП и ПП, выступая одновременно дополнением главного и подлежащим придаточного. Подтверждение этому можно найти уже в Беовульфе:

(197) 7 век: *Se cyng wæs smægende hu he mihte wrecon his broðer Rodbeard swiðost swencean.* (Beowulf)

Общий член “his broðer Rodbeard” подчеркивает неразрывность предикативных частей. Необходимо, однако, указать на малочисленность конструкций апо койну в древнеанглийской литературе. В основном они встречались в поэзии, что, как полагает Б. Митчелл, было обусловлено требованиями ритма (Mitchell 1985).

Большой рост апо койну, как отмечалось, наблюдается в среднеанглийский период. И если древнеанглийские конструкции можно объяснить как развитие древнего асиндетона или эллипс местоимения (Ярцева 1961), то в среднеанглийском языке возникают тенденции функционального, а не смыслового выражения зависимости ПП, то есть переход от логического подчинения к синтаксическому (Чахоян 1986). Тогда же развиваются конструкции, в которых койнон выступает в роли подлежащего как главного, так и зависимого элементов. Это можно наблюдать в предложениях с “there is”, где знаменательное подлежащее ГП занимает нехарактерную для него позицию на стыке с ПП:

(198) *15 век: There was no knyght knewe from whens he came. (Malory)*

Именно оборот “there is”, а также эмфатический потенциал инвертированных конструкций позволяют нарушать установившийся в результате нивелирования флексий более строгий порядок слов и, таким образом, ставить подлежащее на границе предикативных единиц, придавая этим дополнительную целостность всему предложению.

Также есть основания предположить, что одной из причин активного использования апо койну именно в среднеанглийский период может рассматриваться несформированность системы подчинительных союзов. Универсальным коннектором служило полифункциональное местоимение “that”. Местоимения “which”, “who”, “what” еще не приобрели окончательного статуса относительных местоимений и служили, в основном, в качестве вопросительных. Конструкция же апо койну экономно и корректно передавала отношения между элементарными предложениями в составе сложного. Стремление к экономии или к

«компактности построения» (Лаптева 2000) как одну из основных тенденций английского синтаксиса отмечают многие исследователи (В.Н. Ярцева, О. Jespersen и др.). Вероятно, именно поэтому данные структуры активно использовались до конца среднеанглийского периода.

Что касается новоанглийского языка, некоторые лингвисты считают сейчас употребление апо койну диалектным, сниженным. “Nowadays the construction is only found as a vulgarism or as an archaism in poets” (Jespersen 1927, с. 144). Зарегистрированные нами примеры апо койну из современного английского языка свидетельствуют о том же:

(199) 20 век: *Whoever it was had a nice easy shot at the back of my head. (Chandler)*

Данное предложение явно несет коллоквиальную окраску. Обоснованным, однако, видятся мнения Т.Г. Логиновой (Логинова 1999) и И.К. Зуене (Зуене 1978), которые полагают, что апо койну можно считать нормативным, хотя и периферийным, синтаксическим явлением, так как они лишены сниженной стилистической окраски. Необходимо лишь отметить, что приоритетной сферой употребления является устная речь, так как именно устная речь «протежирует функционированию бессоюзных сложноподчиненных предложений» (Лаптева 2000, с. 12), а мы относим апо койну именно к таким конструкциям.

Рассматривая разнообразие конструкций апо койну, важно помнить, что оно *не ограничивается атрибутивными предложениями*. Брюс Митчелл выделяет следующие типы отношений в предложениях с апо койну: определительные, относительные, уступительные, причинные, условные, темпоральные (Mitchell 1985). Наша выборка подтверждает это, например:

(200) 9 век: *Sume wendon forþam Iudas hæfde scrin þ se hælend hit cwæde be him. (цит. по Mitchell 1985, с. 913)*

Необходимо отметить те случаи, в которых, по нашим наблюдениям, использование апо койну в новоанглийском языке наиболее вероятно:

1. В предложениях, начинающихся с there is, here is, it is:

(201) 16 век: *There's nothing ill can dwell in such a tempest. (Shakespeare)*

2. В предложениях с вариантным порядком слов:

(202) 16 век: *Who is't you mean? (Shakespeare)*

3. В предложениях с that is:

(203) 19 век: *That's all is the matter with me. (Thackeray)*

4. После главного предложения, содержащего have:

(204) 18 век: *I haue a brother is condemned to die. (Swift)*

Можно сказать, что, несмотря на малочисленность, конструкции апо койну являются эффективным средством синтаксической экономии. Что касается функционирования данных структур в новоанглийском языке, то необходимо отметить их частотность в устной речи. Это можно объяснить стремлением к экономии, а также тем, что использование невербальных средств коммуникации исключает ошибочное понимание сообщения. Сам факт функционирования апо койну иллюстрирует отдельные стороны когнитивных процессов, когда в сознании человека происходит совмещение двух элементов, при этом один из них дополняется свойствами другого и вытесняет его. Это можно считать одним из проявлений контаминации (Норман 1994, Логинова 1999). Таким образом, происходит экономия языковых ресурсов, которая, однако, влечет за собой дополнительные усилия в ходе дешифровки высказывания. Можно предположить, что эти затраты умственной энергии и стали причиной того, что апо койну не получили широкого распространения в языке.

Важно отметить, что проблема современного функционирования апо койну требует особого рассмотрения. Интерес может представлять пунктуационное оформление данных предложений (беспунктуационное в норме), а также вопрос о том, можно ли считать апо койну типом СПП, или они представляют собой уникальное синтаксическое явление.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Анализ выборки показал, что в рамках НСПП могут реализовываться различные синтаксические отношения. При этом важно отметить, что не

все выделенные нами типы НСПП изоморфны маркированным: некоторые из них являются специфичными образованиями. В ходе исследования было выявлено следующее:

1. Одной из важнейших предпосылок использования НСПП может стать семантика опорного слова: чем более обобщенным значением оно обладает, тем выше вероятность использования асиндетона.
2. Построения, имеющие статус речевых клише и вводных структур также благоприятствуют выбору немаркированного варианта.
3. Связь между частями НСПП может обеспечиваться как структурными, так и семантическими, а также просодическими средствами.
4. Стилистические ограничения, а также ситуация коммуникации имеют важное значение в выборе маркированного / немаркированного варианта.
5. Асиндетон является эффективным средством передачи эмоционального состояния говорящего, а также мощным стилистическим приемом.
6. В ходе анализа была выявлена тенденция перехода некоторых опорных слов (в основном, обобщенной семантики) в разряд полусоюзов–коннекторов, что соответствует общей тенденции к уточнению синтаксических отношений.
7. Выяснилось, что в ходе языкового развития некоторые ПП объектные и атрибутивные под влиянием семантики опорных слов приобретают дополнительное обстоятельственное значение.
8. В числе анализируемых НСПП нами были выделены построения, которые можно отнести к общеиндоевропейским явлениям, специфично германские построения, а также идиоэтнические конструкции английского языка. Были выявлены сходства и различия генезиса различных типов НСПП в русском, немецком и английском языках.
9. Среди НСПП с обстоятельственным значением были выделены современные окказиональные построения, не зафиксированные в

грамматиках. Данные построения в той или иной форме являются характерной чертой синтаксиса индоевропейских языков.

10. Некоторые типы анализируемых предложений не являются немаркированными в строгом смысле, однако свидетельствуют об универсальной тенденции к экономии. Важно отметить, что среди НСПП есть как нормативные, так и периферийные синтаксические конструкции.

11. Данные диахронного анализа свидетельствуют об увеличении доли НСПП в источниках различных жанров и стилей. Формируются новые типы НСПП, отношения в их рамках уточняются. Данный факт можно объяснить действием закона антиномии. С одной стороны, в результате стремления к экономии увеличивается доля асиндетических построений. С другой стороны, необходимость максимально четкого выражения содержания ведет к тому, что в рамках генерализованных синтаксических отношений происходит сужение смысла за счет расширения корпуса средств связи. В ходе этого процесса знаменательные слова (за счет своей семантики) приобретают дополнительные функции полусоюзов-коннекторов. Можно предположить, что в ходе исторического развития под влиянием двух противоположных тенденций (закон языковой экономии и стремления к максимальной эксплицитности синтаксических отношений) будет происходить дальнейшая диверсификация и совершенствование средств несоюзной реализации зависимости в СПП.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования нами были проанализированы и сопоставлены различные концепции, так или иначе затрагивающие проблему синтаксических отношений в рамках НСПП. Анализ эволюции представлений об этой таксономической единице в теории языка показал, что развитие учений о синтаксисе происходило в соответствии с когнитивными закономерностями: от общего к частному, от предложения как аналога высказывания к предикативной единице, от дихотомической классификации к трихотомии. В разное время внимание лингвистов обращалось на фонетические, логические, структурные, семантические, психологические, когнитивные и прагматические характеристики сложного предложения. В настоящее время активно развиваются когнитивный, коммуникативно-прагматический и семантический подходы к изучению предложения.

В соответствии с поставленной целью и учитывая современные принципы синтаксического исследования, мы применили комплексный подход к анализу НСПП. В результате проведенной работы был выявлен и описан комплекс условий и факторов, стимулирующих возникновение и развитие немаркированных гипотактических построений. Анализ генетических особенностей подчинительной связи свидетельствует о том, что использование паратаксиса было характерно для ряда индоевропейских языков на ранних этапах их развития (по крайней мере, в письменной речи). Данная особенность была обусловлена структурными и прагматическими факторами: неразвитостью средств выражения иерархических отношений, а также характером письменных памятников. Важно отметить, что наряду с паратактическими построениями, на ранних этапах развития языка функционировали предложения, в которых четко прослеживаются отношения синтаксической зависимости, однако их структура не допускает подстановки союза. Подобные НСПП являются

реликтами и отличаются большей по сравнению с маркированными предложениями экспрессивной нагрузкой.

Необходимость уточнения отношения между высказываниями, результирующая в бурном росте гипотактических построений, была обусловлена когнитивными и прагматическими факторами. Переход от паратаксиса к гипотаксису можно охарактеризовать как процесс, близкий к универсальному, поскольку это явление характерно для многих индоевропейских языков. Характерной чертой данного процесса (как и всех языковых процессов) был его постепенный, долговременный характер, вследствие чего не всегда представляется возможным однозначно классифицировать принадлежность сложного построения к гипотаксису или паратаксису.

В соответствии с задачами, поставленными во Введении, в ходе изучения НСПП мы проанализировали различные трактовки понятий *паратаксис*, *гипотаксис* и *асиндетон*. Результаты исследования дают основания согласиться с концепцией А.М. Пешковского о том, что в рамках асиндетона могут реализовываться различные типы синтаксических отношений: как паратактических, так и гипотактических. Нами была предложена собственная трактовка данных терминов с учетом наличия синтаксического (формального) и семантического уровней подчинения, а также исходя из положения об *асимметрии плана выражения и плана содержания*. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что характер синтаксической зависимости должен идентифицироваться с учетом не только формальных признаков, но и логико-семантических взаимоотношений между предикативными частями. Несмотря на то, что в некоторых случаях отношения в НСПП характеризуются амбивалентностью, в рамках асиндетона четко прослеживаются отношения синтаксической зависимости. Сигналами характера этой зависимости могут быть некоторые грамматические,

семантические, пунктуационные, интонационные, а также контекстуальные особенности. Внимания заслуживает также и то, что дифференциация семантической и синтаксической зависимости позволяет более квалифицированно подходить к анализу СПП и вычленению главных и зависимых частей. Исходя из этого, мы считаем целесообразным разграничение понятий *паратаксис* и *асиндетон*.

Итак, нами была предложена следующая *трактовка НСПП*: это *построение, в котором отношения синтаксической зависимости выражены имплицитно*. Такое построение может быть изоморфно маркированному СПП, но может иметь и специфическую форму, не допускающую подстановки коннектора (что обусловлено генетическими и структурными особенностями). Характер связи в рамках подобного предложения выявляется на основе анализа глубинной и поверхностной структур, языкового и коммуникативного контекста, данных генетического анализа.

Изучение НСПП с позиций плана выражения и плана содержания дает основания признать их одним из проявлений *синтаксической синонимии*. В целом формирование и развитие НСПП не противоречит логике когнитивных закономерностей, соответствует критериям допустимости и является показателем креативного характера языка, а также общеязыковой тенденции к вариативности. Вариативность в данном случае обеспечивается действием закона антиномии: взаимодействию тенденции к экономии, с одной стороны, и стремлению к максимальной эксплицитности типа синтаксической зависимости, с другой. В Приложении 4 мы привели классификацию НСПП, основанную на степени подверженности того или иного типа немаркированных гипотактических построений воздействию общеязыковых законов.

Нами были проанализированы критерии, влияющие на предпочтение того или иного синонима. В ходе исследования был сделан вывод, что ни

один из критериев, взятый изолированно, не является абсолютно определяющим условием выбора одного из синонимов. Исходя из этого, наиболее оптимальным был признан комплексный подход. Важно, однако, отметить, что предпочтение маркированного или немаркированного варианта зависит, в основном, от прагматических факторов, что позволяет говорить о *закономерности приоритета прагматики* в процессе выбора языковой формы.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что функционирование НСПП является общеиндоевропейской узуральной тенденцией, имеющей как экстралингвистические, так и внутриязыковые, а также психологические и когнитивные предпосылки.

Ориентируясь на поставленные в начале работы *задачи*, мы произвели анализ фактического материала и выявили, что в рамках НСПП могут реализовываться разнообразные синтаксические отношения. В результате исследования видится возможным утверждать следующее:

1. Наиболее значимыми *лингвистическими предпосылками* предпочтения немаркированного варианта СПП могут быть признаны семантика опорного слова (чем более обобщенным значением оно обладает, тем выше вероятность использования асиндетона); степень стереотипности построения, структурные и топологические характеристики предложения. К *прагматическим факторам*, способствующим функционированию асиндетона, можно отнести требования стиля, а также саму коммуникативную ситуацию.

2. О характере связи между предикативными единицами в составе НСПП могут сигнализировать как структурные, так и семантические, а также просодические характеристики. Немаловажную роль в процессе идентификации синтаксических отношений играет контекст.

3. Исследование показало, что асиндетические построения являются атрибутом *нормативного слоя языка*. Более того, НСПП можно признать

эффективным средством передачи эмоционального состояния говорящего, а также мощным стилистическим приемом. Важно, однако, отметить, что среди НСПП есть и периферийные синтаксические конструкции, употребление которых можно охарактеризовать как спорадическое.

4. В процессе анализа семантических особенностей частей НСПП была выявлена тенденция перехода некоторых опорных слов (в основном, имеющих обобщенный клишированный характер) в разряд полусоюзов – коннекторов, что *соответствует общей тенденции к уточнению характера синтаксических отношений*. Вследствие этого некоторые ПП (объектные и атрибутивные) под влиянием семантики опорных слов приобретают дополнительное обстоятельственное значение. Данный факт также можно считать проявлением закона антиномии.

5. В ходе изучения фактического материала были зафиксированы некоторые современные окказиональные построения, не рассматриваемые в академических грамматиках. В основном это НСПП с ПП обстоятельственными. Данные предложения в той или иной форме являются характерной чертой индоевропейских языков, *иллюстрируют современные тенденции синтаксиса: экономию средств экспликации за счет опоры на контекст*.

6. Комплексный подход к генетическому анализу иллюстративного материала позволил выделить три разновидности НСПП в зависимости от степени идиоэтничности: построения, которые можно отнести к общеиндоевропейским, специфично германские конструкции, а также идиоэтнические конструкции английского языка. Были выявлены интегрирующие и дифференцирующие признаки процесса исторического развития различных типов НСПП в английском, немецком и русском языках.

7. Данные диахронного анализа свидетельствуют об общем увеличении доли НСПП в источниках различных жанров и стилей. Можно

предположить, что в ходе дальнейшего языкового развития под влиянием двух противоположных тенденций (закона языковой экономии и стремления к максимальной эксплицитности синтаксических отношений) и в соответствии с когнитивными закономерностями будет происходить дальнейшая диверсификация и совершенствование средств несоюзной реализации зависимости в рамках СПП.

Таким образом, итоги проведенного исследования теоретического и фактического материала дают основание говорить о том, что *гипотеза*, выдвинутая нами в начале работы оказалась *валидной*. НСПП являются поликоординированной синтаксической структурой, функционирующей в соответствии с основными закономерностями языкового развития, при воздействии комплекса прагматических и когнитивных факторов. Используя интегративный подход к анализу фактического материала, мы доказали, что в рамках НСПП реализуется широкий спектр синтаксических отношений. В ходе анализа были предложены новые принципы классификации НСПП, составлена полная типология НСПП (включая новообразования), а также приведены данные диахронного количественного анализа. Были также выявлены современные тенденции развития НСПП. Результаты исследования также дают возможность говорить о новой языковой закономерности: приоритете прагматических факторов в процессе выбора языкового варианта реализации замысла.

Таким образом, проблематика и исследовательская программа могут быть признаны актуальными и заслуживающими внимания. Нами было показано, что применение новых подходов к анализу традиционных вопросов синтаксиса может оказаться эффективным, а результаты исследования могут быть использованы при рассмотрении других проблем синтаксиса.

Представленная область исследования является весьма *перспективной*. Как отмечалось выше, интерес может представлять анализ влияния

количественного фактора (длины предложения и числа предикативных единиц в составе СПП) на выбор средств выражения синтаксической зависимости. В ходе анализа фактического материала нами была выявлена аналогия между отдельным подтипом НСПП с придаточными объектными и конструкцией “complex object”, что также может стать темой для дальнейших изысканий. Интересна также проблема генезиса способов образования косвенных вопросов, а также природа вопросительных слов в их составе. В рамках исследования также был затронут, но не рассматривался подробно вопрос о способах перевода идоэтнических образований на другие языки. Кроме того, весьма актуальным, на наш взгляд, является синхронное изучение функционирования НСПП на современном этапе развития языка.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони - Л.: Наука, 1988.- С. 177-194.
- 2) Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого язык / В.Г. Адмони.- М.: Гос. изд-во Высш. шк., 1963.- 391 с.
- 3) Адмони, В.Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках [Текст] / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания.- 1960.- №1.- С. 22-31.
- 4) Адмони, В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1966.- 389 с.
- 5) Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения / В.Г. Адмони.- Л.: Наука, 1973. – 367 с.
- 6) Адмони, В.Г. Структура предложения и строение художественного литературного произведения [Текст] / В.Г. Адмони // Лингвистика текста: материалы науч. конф. - М., 1974.- Ч.1 – С. 11-16.
- 7) Алексеева, Г.Г. О структуре сложных предложений с последовательным подчинением в древнеанглийском предложении [Текст] / Г.Г. Алексеева // Исследования по английской филологии: сб. 3.- Л., 1965.- С. 214-228.
- 8) Античные теории языка и стиля. Хрестоматия. – М.- Л.- 1936.- 78 с.
- 9) Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика.- М., 1985.- Вып.16.- С. 3-43.
- 10) Аутина, Р.Н. Синтаксическая характеристика вводного предложения в его взаимоотношении с основным предложением в современном немецком языке [Текст]: автореф. диссер. ... канд. филол. наук / Р.Н. Аутина. - М., 1973. – 22 с.
- 11) Ахманова, О.С. Современные синтаксические теории / О.С. Ахманова, Г.Б. Микаэлян.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.- 67 с.

- 12) Беднарская, Л.Д. Закономерности грамматического и смыслового членения многокомпонентного предложения [Текст] / Л.Д. Беднарская // Филологические науки. – 2001. - № 2. - С. 94-104.
- 13) Белоусов, В.Н. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов [и др.]; под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Русский язык, 1989.- 639 с.
- 14) Белошапкина, В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории) / В.А. Белошапкина.- М.: Просвещение, 1967.- 160 с.
- 15) Беляева, И.Ф. Изоморфизм межфразовых и внутрифразовых связей на материале сложносочиненных предложений с союзом “and”, бессоюзных предложений и сверхфразовых единств с темпоральным значением в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ф. Беляева. – М., 2000.- 18 с.
- 16) Березин, Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин.- М.: Высш. шк., 1975.- 304 с.
- 17) Беркнер, С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI-XX в.в. / С.С. Беркнер. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.- 134 с.
- 18) Биренбаум, Я.Г. Классификация придаточных предложений в современном английском языке [Текст] / Я.Г. Биренбаум // Лингвистические исследования. Синтаксический анализ разносистемных языков.- М., 1979.- С. 14-20.
- 19) Биренбаум, Я.Г. Соотносительные слова в английском языке [Текст] / Я.Г. Биренбаум // Подчинение в предикативных конструкциях.- Новосибирск, 1980.- С. 265-278.
- 20) Блиндус, Е.С. К вопросу об эллиптическом предложении (на материале английского языка) [Текст] / Е.С. Блиндус // Лексико-грамматические исследования (Романо-германские языки). – Новосибирск, 1981.- С. 17-31.

- 21) Блинова, С.И. Структурные типы сложных предложений с однородным соподчинением в древнеанглийском языке [Текст] / С.И. Блинова // Вопросы романо-германского языкознания: учёные записки ЛГПИ им. Герцена. - Л., 1970.- Т.469.- С. 15-22.
- 22) Блох, М.Я. Вопросы классификации синтаксических связей в последовательностях предложений [Текст] / М.Я. Блох // Вопросы германско-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков.- Иркутск, 1968.- С. 66-73.
- 23) Блох, М.Я. Коммуникативная синтаксическая парадигматика и логический аспект высказывания [Текст] / М.Я. Блох // Структура и функция синтаксических единиц в германских языках: межвузов. сб. науч. тр.- Горький, 1983.- С. 3-13.
- 24) Блох, М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. для студентов филолог. фак. и фак. англ. яз. педвузов / М.Я. Блох.- М.: Высш. шк., 1983. – 383 с.
- 25) Борковский, В.И. Бессоюзные сложные предложения времени в старорусских памятниках [Текст] / В.И. Борковский // Вопросы филологии: учёные записки № 341.- М., 1969.- С. 32-40.
- 26) Борковский, В.И. Бессоюзные сложные предложения со значением следствия во второй части (в памятниках восточнославянской письменности) [Текст] / В.И. Борковский // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В.М. Жирмунского. – Л., 1973.- С. 98-107.
- 27) Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1965.- 512 с.
- 28) Бородина, М.А. Еще раз об англонормандском [Текст] / М.А. Бородина // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В.М. Жирмунского. – Л., 1973.- С. 82-89.

- 29) Бруннер, К. История английского языка / К. Бруннер.- М.: УРСС, 2003.- 674 с.
- 30) Бубнова, Г.И. Письменная и устная коммуникация. Синтаксис и просодия / Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский.- М.: Изд-во МГУ, 1991.- 256 с.
- 31) Бурдаева, Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале немецкого языка как родного и иностранного) [Текст]: дис. ... канд филол. наук / Т.В. Бурдаева. - Самара, 2002.- 197 с.
- 32) Бурлакова, В.В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова.- М.: Просвещение, 1984.- 112 с.
- 33) Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев.- М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-во просвещения РСФСР, 1959.- 623 с.
- 34) Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина.- М.: Логос, 2003.- 304 с.
- 35) Валимова, Г.Ф. Функциональные типы предложений в современном русском языке / Г.Ф. Валимова.- Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1967.- 325 с.
- 36) Василенко, И.А. К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке [Текст] / И.А. Василенко // Проблемы современной филологии: сб. статей к 70-летию акад. В.В.Виноградова. – М., 1965.- С. 47-53.
- 37) Верховская, И.П. Особенности сложноподчиненных предложений с определительной частью в английском разговорном языке [Текст] / И.П. Верховская // Сборник научных трудов /МГПИ им. Мориса Тореза.- М., 1985.- Вып.247.- С. 45-52.
- 38) Гаврилова, Г.Ф. Об изоморфизме сложноподчиненного предложения и словосочетания [Текст] / Г.Ф. Гаврилова // Подчинение в предикативных конструкциях.- Новосибирск, 1980.- С. 28-37.

- 39) Галкина-Федорук, Е.М. Суждение и предложение / Е.М. Галкина-Федорук.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.- 73 с.
- 40) Гвишиани, Н.Б. Корпусная лингвистика и грамматика речи [Текст] / Н.Б. Гвишиани, О.Ю. Герви // Вестник МУ. Серия 9. Филология. - 2001.- №2.- С. 46-63.
- 41) Гельберг, С.Я. Курс истории английского языка: учеб. пособие / С.Я. Гельберг.- 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Изд. дом Удмурт. ун-т, 2003. – 278 с.
- 42) Гельберг, С.Я. Лексические коннекторы в частях бессоюзного сложного предложения в современном английском языке [Текст] / С.Я. Гельберг // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков.- Иркутск, 1968.- С. 133-140.
- 43) Голубева, Л.К. Сравнительная характеристика союзных эквивалентов глагольной этимологии [Текст] / Л.К. Голубева // Проблемы синтаксиса словосочетания и предложения в современном английском языке: сб. науч. тр. - Пятигорск, 1987.- С. 69-73.
- 44) Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов.- 3-е изд., перераб. и доп.- М.: Лабиринт, 2001.- 304 с.
- 45) Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой.- М.: Наука, 1970.- 767 с.
- 46) Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения.- Ижевск: Удмуртия, 1974.- 168 с.
- 47) Гримм, Я. О происхождении языка (извлечения) [Текст] / Я.О. Гримм // Звегинцев В.А.. История языкознания XIX-XX в.в. в очерках и извлечениях. – М., 1964. –Ч.1. - С. 57-69.
- 48) Грин, Дж. Психолингвистика / Дж. Грин, Д. Слобин; пер. с англ. Е.И. Негневицкой. – М.: Прогресс, 1976.- 351 с.
- 49) Грошева, А.В. Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы (на материале трактата Катона “De agri cultura”) [Текст] / А.В.

Грошева // Синтаксические особенности литературных языков на разных этапах их формирования. На материале индоевропейских языков /Отв. ред. А.В. Десницкая.- Л., 1982.- С. 9-53.

50) Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – М.: Высш. шк., 1971.- 184 с.

51) Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] / В.О. Гумбольдт // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX в.в. в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч.1. - С. 57-69.

52) Гундарева, Е.С. Сложноподчиненные предложения с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкоязычной прозы) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Гундарева. – Самара, 2002.- 212 с.

53) Гуреев, В.А. Британская грамматическая традиция [Текст] / В.А. Гуреев // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 2002. –Т.61(№3).- С. 37-48.

54) Гурочкина, А.Г. О структурных особенностях полипредикативных предложения с разночленным подчинением на раннем этапе развития английского языка [Текст] / А.Г. Гурочкина // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: сб. науч. тр. - Л., 1977.- С. 32-35.

55) Гухман, М.М. История немецкого литературного языка / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1983.- 249 с.

56) Гухман, М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант / М.М. Гухман. - М.: Наука, 1981. – 234 с.

57) Дворник, О.Д. Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке [Текст]: автореф. диссер. ... канд филол. наук / О.Д. Дворник .- Белгород, 2003.- 18 с.

58) Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин.- М.: Международные отношения, 1979.- 256 с.

- 59) Джаббаров, А.К. Бессоюзные сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными в современном английском языке [Текст] : автореф. диссер. ... канд филол. наук / А.К.Джаббаров. – М., 1974. – 20 с.
- 60) Диденко, А.С. Система гипотаксиса немецкого языка в семиотическом аспекте (Некоторые вопросы экспликации и импликации, парадигматики и синтагматики): учеб. пособие / А.С. Диденко.- Краснодар, 1977. – 106 с.
- 61) Долгова, О.В. Синтаксис как наука о построении речи : учеб. пособие / О.В. Долгова.- М.: Высш. шк., 1980.- 191 с.
- 62) Донгаузер, Л.С. Интонационное выражение синтаксических связей в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Л.С. Донгаузер // Структурные и функциональные особенности предложения и текста: сб. науч. тр. - Свердловск, 1989.- С. 96-101.
- 63) Дюндик, Б.П. К вопросу об экономии в языке и речи [Текст] / Б.П. Дюндик // Проблемы синтаксиса английского языка: учёные записки.– М., 1970. - № 422. - С. 139-152.
- 64) Егорова, М.А. Семантический эллипс как одна из причин расхождения между двумя структурами английского предложения [Текст] / М.А. Егорова // Сборник научных трудов. / МГПИ им. М.Тореза. – М., 1985.- Вып. 247.- С. 34-42.
- 65) Жигадло, В.Н. Типы дополнения в среднеанглийском языке [Текст] / В.Н. Жигадло // Очерки и исследования по истории языка: учёные записки ЛГУ.- Л., 1957.- С. 191-211.
- 66) Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание: избр.тр. / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976.- 695 с.
- 67) Звегинцев, В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений [Текст] / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. – М., 1963.- Вып.3.- С. 125-143.

- 68) Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. - 2-е изд., стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.- 368 с.
- 69) Зуене, И.К. Варьирование союзных и бессоюзных сложноподчиненных предложений [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / И.К. Зуене - М.: МГПИ им. М. Тореца, 1983.- 24 с.
- 70) Зуене, И.К. Некоторые структурно-семантические типы бессоюзных сложноподчиненных предложений и особенности их функционирования в художественном стиле современного английского языка Великобритании, США и Австралии [Текст] / И.К. Зуене // Вопросы структуры германских языков.- Омск, 1978.- Вып. 3.- С. 61-69.
- 71) Иванова, И. История английского языка: учебник; хрестоматия; словарь / И. Иванова, Л. Чахоян, Т. Беляева. – СПб.: Лань, 2001. – 512 с.
- 72) Ивойлова-Кифер, Е.А. Синтаксис немецкой экспрессионистской прозы как фактор формирования ее стилистического своеобразия [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Ивойлова-Кифер.- М., 2001.- 200 с.
- 73) Ившин, Д.А. Основные понятия коммуникативного синтаксиса и принципы членения предложения на коммуникативном уровне [Текст] / Д.А. Ившин // Вопросы синтаксиса современного английского языка: сб. тр. - М., 1972.- Вып. 1.- С. 3-41.
- 74) Ильичева, Е.Г. Структурные и прагматические особенности английских предикативных комплексов и их функционирование [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Е.Г.Ильичева. - Саратов, 2002.- 19 с.
- 75) Ильиш, Б.А. История английского языка / Б.А. Ильиш - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 368 с.
- 76) Иофик, Л.Л. Сложное предложение в ново-английском языке / Л.Л.Иофик.- Л.: ЛГУ, 1968.- 212 с.
- 77) Ишо, Л.Х. Бессоюзные сложные предложения с определительной частью в современном английском языке [Текст]: автореф. диссер....канд филол. наук / Л.Х. Ишо. - Л.: ЛГПИ, 1962.- 22 с.

- 78) Карттунен, Т. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением [Текст] / Т. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика.- М., 1985.- Вып. XVI.- С. 303-333.
- 79) Кацнельсон, С.Д. Историко-грамматические исследования / С.Д. Кацнельсон.- М.; Л., 1949.- 216 с.
- 80) Кибардина, С.М. К истокам теории валентности в немецком языкознании XIX в. [Текст] / С.М. Кибардина //Грамматические концепции в языкознании XIX в.- Л., 1985.- С. 181-210.
- 81) Кобрина, Н.А. Английская пунктуация / Н.А. Кобрина, Л.В. Малаховский. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. -53 с.
- 82) Кобрина, Н.А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу части сложноподчиненного предложения [Текст] / Н.А. Кобрина // Синтаксис сложного предложения германских языков: сб. науч. тр. - Л., 1973.- С. 3-102.
- 83) Кобрина, Н.А. Грамматика английского языка: Синтаксис: учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. «Иностранный язык»/ Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская.- М.: Прсвещение, 1986 – 67 с.
- 84) Кобрина, Н.А. О лексических средствах связи предложений и путях их грамматизации [Текст] / Н.А. Кобрина // Вопросы синтаксиса английского языка: учёные записки. - Л., 1967.- Т.361.- С. 51-63.
- 85) Ковалевская, Е.Г. История русского литературного языка / Е.Г. Ковалевкая. - 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
- 86) Колпакова, Т.Е. Типы синтаксической связи в сложном предложении (на материале прозаических памятников средневерхненемецкого периода) [Текст]: автореф. диссер. ... канд. филол. наук /Т.Е. Колпакова. - М., 1998.- 17 с.
- 87) Колыхалова, О.А. О присоединительных связях вводных предикативных единиц (на материале современного английского языка) [Текст] / О.А. Колыхалова // Проблемы синтаксиса словосочетания и

предложения в современном английском языке: сб. науч.тр. - Пятигорск, 1987.- С. 186-192.

88) Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений: учеб. пособие для студентов пед. ин-в по специальности №2101 «Русский язык и литература» / Н.А. Кондрашов.- М.: Просвещение, 1979.- 224с.

89) Корнилов, В.А. К проблеме изоморфизма сложноподчиненного предложения и подчинительного словосочетания [Текст] / В.А. Корнилов // Подчинение в предикативных конструкциях.- Новосибирск, 1980.- С. 10-27.

90) Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: Учебное пособие / О.А. Кострова.- М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004.- 240 с.

91) Красухин, К.Г. Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения [Текст] / К.Г. Красухин // Вестник МУ. Серия 9. Филология. – М., 1997.-№ 6.- С. 70-91.

92) Крылова, И.П. Некоторые результаты структуральных исследований в синтаксисе английского языка (на основе работ П. Робертса и У.Н. Френсиса) [Текст] / И.П. Крылова // Иностранные языки в высшей школе: темат. сб. – М., 1963.- Вып. II.- С. 113-122.

93) Кузнецова, Э.В. Глаголы-предикаты, функционирующие во фразах однотипной семантики [Текст] / Э.В. Кузнецова // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. II ч. – Пермь, 1975. - С. 155-163.

94) Лаптева, Н.А. Бессоюзное сложное предложения и его роль в организации дискурса [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Н.А. Лаптева. - М., 2000.- 20 с.

95) Латинский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов / Под общ. ред. В.Н. Ярхо, В.И. Лободы.- 3-е изд., перераб.- М.: Просвещение, 1983. – 319 с.

96) Латышева, А.Н. Антецедентное придаточное и его место в классификации сложноподчиненных предложений [Текст] / А.Н.

- Латышева, Е.В. Муравенко // Вестник МУ. Серия 9. Филология. – М., 1998.-№ 6.- С. 109-114.
- 97) Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса: учеб. пособие по спецкурсу / Ю.А. Левицкий; Пермский ун-т; Пермский пед. ун-т.- Пермь, 2001.- 268 с.
- 98) Левицкий, Ю.А. Система синтаксических связей / Ю.А. Левицкий.- Пермь: Свободная Ассоциация Психолингвистов, 1993.- 235 с.
- 99) Лещенко, Л.С. Валентные свойства глагола “tellan” [Текст] / Л.С. Лещенко // Вопросы филологии.- Минск, 1971.- Вып.1.- С. 96-105.
- 100) Логинова, Т.Г. Конструкция «апо-койну» в английской разговорной речи [Текст] / Т.Г. Логинова // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков.- Пермь, 1999.- С. 39-42.
- 101) Логинова, Т.Г. Типы сложных предложений в английской разговорной речи [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Т.Г. Логинова. – Львов, 1990.- 16 с.
- 102) Ломтев, Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т.П. Ломтев.- М.: МГУ, 1956.- 596 с.
- 103) Макаев, Э.А. О некоторых проблемах диахронической лингвистики [Текст] / Э.А. Макаев // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В.М. Жирмунского.- Л., 1973.- С. 226-233.
- 104) Максимова, Е.Д. Предложения с контактными и осложняющими членами в современном английском языке [Текст] / Е.Д. Максимова // Синтаксис предложения и сверхфразового единства: сб. ст. - Ростов-н / Дону, 1977.- С. 31-43.
- 105) Маркина, Л.В. Бессоюзные сложные предложения в диалектной речи [Текст] / Л.В. Маркина // Основы общей лингвистики. Новое в лингвистике. - М.: Изд-во иностр. лит., 1963.- Вып.3.- С. 528-555.

- 106) Марченко, Е.П. Полипредикативные сложные предложения как единицы текста [Текст] / Е.П. Марченко // Филологические науки.- 2003.- № 5.- С. 42-49.
- 107) Махоткина, Е.В. К вопросу о роли придаточного предложения в структуре сложноподчиненного предложения и текста (на примере придаточных дополнительных) [Текст] / Е.В. Махоткина // Вопросы синтаксиса сложного предложения.- Иркутск, 1981.- С. 10-18.
- 108) Мещанинов, Н.И. Проблемы развития языка / Н.И. Мещанинов.- Л.: Наука, 1975.- 352 с.
- 109) Миргородская, В.В. О содержании и средствах выражения уступительных отношений в системе ССЦ [Текст] / В.В. Миргородская // Филологические науки. - 2003.-№3.- С. 49-55.
- 110) Морозова, Н.С. Еще раз к вопросу об описательных определительных придаточных предложениях (на материале памятников письменности среднеанглийского периода) [Текст] / Н.С. Морозова // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: сб. науч. тр. - Л., 1977.- С. 18-25.
- 111) Мороховский, А.И. Слово и предложение в истории английского языка / А.И. Мороховский. - Киев: Головное изд-во объединения «Вища школа», 1980.- 190 с.
- 112) Москальская, О.И. Из истории относительного подчинения в германских языках [Текст] / О.И. Москальская // Труды института языкознания. Вопросы германистики. – М., 1959. – Т.2. - С. 92-115.
- 113) Мурзин, Л.Н. Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов (русское языкознание конца VIII - начала XX в.): учеб. пособие по спец. курсу / Л.Н. Мурзин.- Пермь, 1980.- 67 с.
- 114) Некрасова, Т.А. Грамматические средства выражения подчинения в немецком языке XVI века [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Т.А. Некрасова. - М., 1954. – 18 с.

- 115) Норман, Б.Ю. Выбор синтаксической схемы в процессе порождения текста [Текст] / Б.Ю. Норман // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса.- Пермь, 1975.- С. 333-339.
- 116) Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норманн. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1994.- 228 с.
- 117) Овсянникова, М.А. Бессоюзная связь предложений в современном немецком языке [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / М.А. Овсянникова. - Л., 1961.- 18 с.
- 118) Орехова, Н.Н. Пунктуация и письмо: монография / Н.Н. Орехова. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000.- 216 с.
- 119) Орлова, В.Я. Сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением в среднеанглийском языке: (12-15 в.) [Текст]: автореф. диссер. ... канд. филол. наук / В.Я. Орлова. - Л.: ЛПИ им. А.И.Герцена, 1971.- 16 с.
- 120) Оссовская, М.И. О прагматических отношениях простого и сложноподчиненного предложений в современном английском языке [Текст] / М.И. Оссовская // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: сб. науч. тр. - Л., 1977.- С. 3-9.
- 121) Перельгут, Н.М. Развитие средств логико-семантической связи в английском языке (новоанглийский период) [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Н.М. Перельгут. - М., 1983.- 20 с.
- 122) Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 7-е изд. - М., 1956.- 450 с.
- 123) Попов, А.С. Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. Машинопись [гг.] 20 л.
- 124) Поспелов, Н.С. Мысли о русской грамматике: избр. тр. / Н.С. Поспелов.- М.: Наука, 1990.- 179 с.
- 125) Потевня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потевня. - М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1958.- 551 с.

- 126) Прокопенко, А.В. Семантико-синтаксическая организация предложений с пропозициональными глаголами знания, полагания и воображения в современном английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Прокопенко. - Иркутск, 1999.- 178 с.
- 127) Прохорова, О.А. Структурные и прагматические особенности директивного текста (на материале юридических документов древнеанглийского периода) [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / О.А. Прохорова. - Иркутск, 1999.- 17с.
- 128) Пушина, Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола: Монография / Н.И. Пушина.- Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет», 2000.- 170 с.
- 129) Распопов, И.П. К вопросу о грамматическом членении предложения [Текст] / И.П. Распопов // Синтаксис и интонация: учёные записки: серия филолог. наук. - Уфа, 1969.- Вып. 36. №14(18).- С. 249-266.
- 130) Распопов, И.П. К классификации так называемых сложноподчиненных предложений [Текст] / И.П. Распопов // Очерки по теории синтаксиса.- Воронеж, 1973.- С. 148-162.
- 131) Распопов, И.П. Сложноподчиненное предложение в аспекте коммуникативной перспективы [Текст] / И.П. Распопов // Очерки по теории синтаксиса.- Воронеж, 1973.- С. 162-188.
- 132) Расторгуева, Т.А. История английского языка: учеб. / Т.А. Расторгуева. - М.: Высш. шк., 1983.- 347 с.
- 133) Ревзин, И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы / И.И. Ревзин.- М.: Наука, 1977.- 264 с.
- 134) Романова, Н.П. О понятии «сложное предложение» [Текст] / Н.П. Романова // Подчинение в предикативных конструкциях.- Новосибирск, 1980.- С. 3-9.
- 135) Русская грамматика. Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой [и др.]. – М.: Наука, 1982.-Т.2.- С. 634-657.

- 136) Савельева, С.Ф. Развитие синтаксической сочетаемости в английском языке (на материале глаголов коммуникации XIV-XVII в.в.) [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / С.Ф. Савельева. - М., 1976. – 18 с.
- 137) Семенюк, Н.Н. Сложное предложение в немецкой средневековой прозе XIII-XIV веков [Текст] / Н.Н. Семенюк // Язык: теория, история, типология. – М., 2000. – С. 301-309.
- 138) Сигал, К.Я. Проблема иконичности в языке [Текст] / К.Я. Сигал // Вопросы языкознания.- 1997.- №6. - С. 100-119.
- 139) Скворцова, Т.И. Порядок слов в бессоюзных пояснительных предложениях полного тождества (на материале испанского языка) [Текст] / Т.И. Скворцова // Проблемы слова: республик. сб. – Горький, 1978.- С. 122-132.
- 140) Слюсарева, Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н.А. Слюсарева.- М.: Наука, 1981.- 215 с.
- 141) Смирницкий, А.И. Древнеанглийский язык / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз. , 1955.- 233 с.
- 142) Смирницкий, А.И. Лекции по истории английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Добросвет, 2000.- 128 с.
- 143) Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз. , 1957.- 214 с.
- 144) Смоленские грамоты XIII – XIV в.в. Подг. к печати Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин.- М.: Наука, 1963. – С. 81, лист 15.
- 145) Снегирева, Т.А. Порядок слов как средство связи между предложениями в древнеанглийский период [Текст]: автореф. диссер. ...канд. филол. наук / Т.А. Снегирева. - Л., 1962.- 19 с.
- 146) Сорокина, Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии [Текст] / Т.С. Сорокина // Вопросы языкознания. - 2003.- №3.- С. 92-113.

- 147) Степанян, Л.Л. Синтактико-стилистическое построение письменной речи как аспект когнитивной лингвистики (на материале английского языка): монография / Л.Л. Степанян.- М.: МАКС Пресс, 2001.- 146 с.
- 148) Структурный синтаксис английского языка: пособие по теоретической грамматике / Под ред. проф. Л.Л. Иофик.- Л.: ЛГУ, 1972.- 178 с.
- 149) Тарновская, Л.В. К вопросу о пояснительной связи между частями бессоюзного сложного предложения в современном английском языке [Текст] / Л.В. Тарновская // Проблемы синтаксиса английского языка: ученые записки.- М., 1970.- №422.- С. 133-141.
- 150) Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр.; ред. Г.В. Степанов [и др.]; вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака.- М.: Прогресс, 1988.- 653 с.
- 151) Турсунов, Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи [Текст]: дис. ... доктор филол. наук / Б. Турсунов. – СПб., 1993.- 457 с.
- 152) Филичева, Н.И. История немецкого языка: курс лекций / Н.И. Филичева.- М.: МГУ, 1959.- 280 с.
- 153) Хашимов, Г.М. Типология сложных предложений разносистемных языков / Г.М. Хашимов.- Ташкент: Фан АН Узбек.ССР, 1991.- 87 с.
- 154) Хиженкова, Л.Е. Синтаксические структуры со значением причинно-следственной связи в современном английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Хиженкова. - М., 1968.- 178 с.
- 155) Хлебникова, И.Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка (фонология, морфология): учеб. пособие / И.Б. Хлебникова.- 3-е изд., испр.- М.: ЧеРо, 2001.- 184 с.
- 156) Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский; пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.А.Звегинцева.- М.: МГУ, 1972.- 278 с.
- 157) Чахоян, Л.П. Развитие синтаксических систем в процессе становления современной структуры сложноподчиненных предложений в английском

языке [Текст] / Л.П. Чахоян // Диахроническая германистика: межвузов. сб.- СПб., 1997.- С. 106-125.

158) Чахоян, Л.П. Развитие способов выражения относительной связи в английском языке [Текст] / Л.П. Чахоян // Очерки по историческому синтаксису германских языков.- Л., 1991.- С. 116-127.

159) Чахоян, Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян.- М.: Высш. шк., 1979.- 134 с.

160) Черемисина, М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем / М.И. Черемисина: учеб. пособие.- Новосибирск, 1979.- 145 с.

161) Черемисина, М.И. Очерки оп теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова.- Новосибирск: Наука, 1987.- 46 с.

162) Черемисина, М.И. Ритмико-интонационная структура предложения в русской устной речи [Текст] / М.И. Черемисина // Синтаксис и интонация: ученые записки: серия филолог. наук: т.1– Уфа, 1969.- Вып.36(№ 14).- С. 96-248.

163) Чернышова, Т.В. Мотивационные признаки актуализации сложноподчиненных предложений в современном немецком языке [Текст]: диссер. ...канд. филол. наук / Т.В. Чернышова. - Барнаул, 2002.- 134 с.

164) Шапиро, А.Б. Современный русский язык. Пунктуация / А.Б. Шапиро.- М.: Просвещение, 1969.- 296 с.

165) Шахматов, А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов.- 4-е изд.- М.: Гос. уч.-пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941.- 288 с.

166) Шендельс, Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс.- М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952.- 368 с.

167) Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба.- Л.: Наука, 1974.- 476 с.

- 168) Юровский, В. Бессоюзные сложные предложения в директивных речевых актах / В. Юровский. – Peter Lang. Bern – Berlin – Frankfurt a.M. – New York – Paris – Wien, 1996.- 348 с.
- 169) Яковлева, И.Л. Влияние латинского языка на развитие английского синтаксиса: (новоанглийский период) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / И.Л. Яковлева. - М., 1982.- 188 с.
- 170) Ярцева, В.Н. Исторический синтаксис английского языка / В.Н. Ярцева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.- 245 с.
- 171) Ярцева, В.Н. История английского литературного языка IX-XV в.в. / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985.- 324 с.
- 172) Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка / В.Н. Ярцева.- М.: Наука, 1969.- 137с.
- 173) Ярцева, В.Н. Сопоставительно-типологическое исследование области синтаксиса [Текст] / В.Н. Ярцева // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В.М. Жирмунского.- Л., 1973.- С. 190-197.
- 174) Allen, C.L. Topics in diachronic English syntax /C.L. Allen - Massachusetts: the University of Massachusetts, 1980.- 103 p.
- 175) Anderson, J.M. A notional theory of syntactic categories / J.M. Anderson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 254 p.
- 176) Andersson, L.-G. Form and function of subordinate clause / L.-G. Andersson. – Goteborg, 1975.- 328 p.
- 177) Bagan, Ph. V. The syntax of the Letters of Pope Gelasius I / Ph.V. Bagan. – Washington, 1945.- 98 p.
- 178) Blake, N. F. A grammar of Shakespeare's language / N.F. Blake.- New York, 2002.- 314 p.
- 179) Brown, W.H. A syntax of King Alfred's Pastoral Care. – the Hague /W.H. Brown. – Paris: Mouton, 1970. – 67 p.
- 180) Calboli, G. Subordination and opacity [Text] / G. Calboli // Subordination and other topics in Latin. - Amsterdam / Philadelphia, 1989.-P. 47-51.

- 181) Cambridge history of the English language, The. Vol. I. - Cambridge University Press, 1992.- 496 p..
- 182) Cambridge history of the English language, The. Vol. II. - Cambridge University Press, 1992.- 501 p..
- 183) Cambridge history of the English language, The. Vol. III. - Cambridge University Press, 1992.- 490 p..
- 184) Carlton, Ch. Descriptive syntax of the old English charters / Ch. Carlton.- The Hague – Paris: Mouton, 1970. -123 p.
- 185) Charitonova, I.T. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Syntax / I.T. Charitonova – Киев: Изд. объединение «Вища школа», 1976. – 187 p.
- 186) Curme, G.O. A grammar of the English language in three volumes. Vol. III. Syntax / G.O. Curme. – Boston; New York; Chicago, 1931.- 674 p.
- 187) Curme, G.O. A grammar of the German language. Second revised edition / G.O. Curme. – New York, 1952.- 632 p.
- 188) Dekeyser, X. Relativisers in Early Modern English: A dynamic quantitative study [Text] / X. Dekeyser // Trends in Linguistics. Studies and monographs 23. Historical syntax. Editor Jasec Fisial.- Berlin; New York; Amsterdam, 1984. -P. 61-89.
- 189) Druhan, D.R. The syntax of Bede's Historia Ecclesiastica / D.R. Druhan – Washington, 1938.- 243 p.
- 190) Frey, L. An introduction to Early English Grammar / L. Frey - New York, 1970.- 184 p.
- 191) Gardner, F. F. An analysis of syntactic patterns of Old English. The Hague / F.F. Gardner – Paris: Mouton, 1971. – 187 p.
- 192) Greenbaum S. The Oxford English Grammar / S. Greenbaum - New York: Oxford University Press, 1996. – 368 p.
- 193) Greenbaum, S. The treatment of clause and sentence in a grammar of contemporary English [Text] / S. Greenbaum // Studies in English Linguistics. - London – New York, 1980.- P. 17-30.

- 194) Harris, A.S. Historical syntax in cross-linguistic perspectives / A.S. Harris, L. Campbell – London: Cambridge University Press, 1955. – 307 p.
- 195) Helfenstein, J. A comparative grammar of the Teutonic languages / J.A. Helfenstein – London: Macmillan & Co., 1870.- 254 p.
- 196) Helgander, J. The relative clause in English and other Germanic languages. A historical and analytical survey / J. Helgander – Gothenburg, 1971. – 208 p.
- 197) Ilyish, B. The structure of Modern English / B. Ilyish - М.: Просвещение, 1965. – 379 p.
- 198) Jespersen, O. A modern English grammar on historical principles. Part III. Syntax / O. Jespersen - Hedelberg, 1927.- 423 p.
- 199) Jespersen, O. Growth and structure of the English language / O. Jespersen - Leipzig: B.G. Teubner, 1905. – 307 p.
- 200) Jespersen, O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view / O. Jespersen – Oslo: H. Ashehoug & Co, 1925. – 510 p.
- 201) Jespersen, O. The philosophy of grammar / O. Jespersen - London: George Allen & Unwin LD, 1925. – 473 p.
- 202) Jung, W. Grammatik der deutschen sprache / W. Jung – Leipzig: VEB bibliographisches Institut, 1971. – 518 p.
- 203) Lehmann, W.P. Proto-Indo-European Syntax / W.P. Lehmann – University of Texas Press, 1974. - 278 P.
- 204) Lehmann, Ch. Subordination in typological perspective [Text] / Ch. Lehmann // Subordination and other topics in Latin. – Amsterdam, 1989.- P. 170-177.
- 205) Lopez, Causo M.J. A look at That. Zero variation in restoration English [Text] / Causo M.J. Lopez // English Historical Linguistics 1994. - Amsterdam, 1994.- P. 271-287.
- 206) Marsh, G.K. The origin and history of the English language and of the early literature it embodied / G.K. Marsh – London: Sampson Low, Son & Co, 1862. – 124 p.

- 207) McKnight, G.H. The evolution of the English language from Chaucer to the twentieth century / G.H. McKnight - New York: Dover Publications, inc., 1968. – 237 p.
- 208) Mitchell, B. Old English Syntax. Vol. II. / B. Mitchell – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 408 p.
- 209) Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений / О.И. Москальская.- М.: Издательский центр «Академия», 2004.- 352 с.
- 210) Napoli, D. Syntax. Theory and problems / D. Napoli – Oxford University Press, 1993.- 563 p.
- 211) Nesfield, J.C. English grammar past and present / J.C. Nesfield – London: Macmillan & Co, Ltd, 1914.- 223 p.
- 212) New University English Grammar, A. (Грамматика современного английского языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений / О.В. Емельянова, А.В. Зеленщиков, Е.С. Петрова и др.; Под ред. А.В. Зеленщикова, Е.С. Петровой.- Спб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 640 с.
- 213) Onions, C.T. Modern English syntax / C.T. Onions - London: Routledge & Kegan Paul, 1971.- 257 p.
- 214) Quirk, R. A university grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum - Commonwealth Printing Press Ltd., 1980.- 378 p.
- 215) Recanati, F. “That”-clauses as existential quantifiers / F. Recanati // Analysis. Vol. 34. -2004.- July.- №3.- P. 31-42.
- 216) Romaine, S. Towards a typology of relative clause formation strategies in Germanic [Text] / S. Romaine // Trends in Linguistics. Studies and monographs 23. Historical syntax. Editor Jasec Fisial. – Berlin; New York; Amsterdam, 1984. - P.437-471.

- 217) Shores, D.L. A descriptive syntax of the Peterborough Chronicle from 1122 to 1154 / D. L. Shores - The Hague – Paris, 1971. - 286 p.
- 218) Side, R. Grammar and vocabulary for Cambridge advanced and proficiency / R. Side, G. Wellman – Pearson Education Ltd., 2001. – 524 p.
- 219) Strang, B. M.H. A history of English / B. M. H. Strang – London: Methuen & Co, 1979. – 415 p.
- 220) Sweet, H. A new English grammar logical and historical / H. Sweet - Oxford: the Clarendon Press, 1900.- 145 p.
- 221) Sweet, H. Anglo-Saxon primer with grammar, notes and glossary. Eighth edition, revised /H. Sweet – London: the Clarendon Press, 1905. – 137 p.
- 222) Sweet, H. A short historical English grammar / H. Sweet. – Oxford: the Clarendon press, 1892. – 165 p.
- 223) Sweet, H. A primer of historical English grammar / H. Sweet. – Oxford: the Clarendon Press, 1902. – 134 p.
- 224) Tinkler, J.D. Vocabulary and syntax of the Old English version in the Paris Psalter / J.D. Tinkler - The Hague – Paris, 1971.-127 p.
- 225) Vallins, G.H. The pattern of English / G.H. Vallins - London: Penguin Books, 1957. – 187 p.
- 226) Vechtman-Veth, A.C.E. A syntax of living English / A.C.E. Vechtman-Veth – Kemink and Zoom-Over Den Dom-Utrecht, 1928.- 143 p.
- 227) Visser, F. An historical syntax of the English language /F. Visser - Leiden, 1963.-P.I.- 968 p.
- 228) Visser, F. An historical syntax of the English language. P.II. / F. Visser - Leiden, 1966.- 986 p.
- 229) Wardale, E.E. Introduction to Middle English / E.E. Wardale – London: Kegan Paul, trench, Trubner & Co, Ltd. 1937. – 247 p.
- 230) Woodcock, E.C. A new Latin syntax / E.C. Woodcock – London: Methuen, 1960. – 347 p.

СЛОВАРИ

- 231) Большой англо-русский словарь: В 2 т./ Под общ. рук. И.Р. Гальперина.- 4-е. изд. – М.: Русский Язык, 1987.- Т. I. – 1038 с.; Т. II.- 925 с.
- 232) Большой энциклопедический словарь. Языкознание: второе (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года.- М.: Большая Рос. энцикл., 1998.- 685 с.
- 233) An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscripts of the late Joseph Bosworth. Edited and enlarged by T. Northcote Toller. – London: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1898. – 1302 p.
- 234) Longman dictionary of contemporary English. - Longman, 2002. – 1701 p.

ИСТОЧНИКИ

- 1) Княжнин, Я.Б. Владимир и Ярополк [Текст] / Я.Б. Княжнин // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991. -С. 494-547.
- 2) Ломоносов, М.В. Тамира и Селим [Текст] / М.В. Ломоносов // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 163—215.
- 3) Майков, В.И. Фемист и Иеронима [Текст] / В.И. Майков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 270-321.
- 4) Николаев, Н.П. Сорена и Замир [Текст] / Н.П. Николаев // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 434-493.
- 5) Плещеев, А.Н. Стихотворения / А.Н. Плещеев. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1985.- С. 331.
- 6) Радищев, А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву /А.Н. Радищев – М.: Детская лит., 1979.
- 7) Ржевский, А.А. Подложный Смердий [Текст] /А.А. Ржевский // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 216-269.
- 8) Сумароков, А.П. Дмитрий Самозванец [Текст] / А.П. Сумароков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 119-162.

- 9) Сумароков, А.П. Синав и Трувор [Текст] / А.П. Сумароков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 73-118.
- 10) Сумароков, А.П. Стихотворения / А.П. Сумароков – Л.: Совет. писатель, 1953.
- 11) Сумароков, А.П. Хорев [Текст] / А.П. Сумароков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 29-72.
- 12) Фонвизин, Д.И. Комедии / Д.И. Фонвизин – М.: Детская лит., 1973.
- 13) Херасков, М.М. Венецианская монахиня [Текст] / М.М. Херасков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 322-365.
- 14) Херасков, М.М. Освобожденная Москва [Текст] / М.М. Херасков // Русская литература век XVIII. Трагедия.- М., 1991.- С. 366-433.
- 15) Addison, J. Death of Sir Roger, The. / J. Addison // English prose from Bacon to Hardy. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. - Oxford, 1918.- P. 141-143.
- 16) Addison, J. Sir Roger at Vauxhall. / J. Addison // English prose from Bacon to Hardy. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. – Oxford, 1918.- P. 138-140.
- 17) Ælfric. Ancren Riwe. / Ælfric // A second Anglo-Saxon reader, archaic and dialectal edited by H. Sweet. – Oxford: Clarendon Press, 1887.- P. 32-40.
- 18) Battle of Maldon, The. // A second Anglo-Saxon reader, archaic and dialectal edited by H. Sweet. – Oxford: Clarendon Press, 1887.- P. 120-130.
- 19) Bede. St. Oswald. / Bede // An Old English anthology by W.F.Bolton.- London: Edward Arnold (Publishers) Ltd., 1963.- P. 58-60.
- 20) Beowulf and the Fight at Finnesburg. Edited with introduction, bibliography notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber. Third edition with first and second supplements. – Lexington, Massachusetts: D.C. Heath Company, 1989.

- 21) Beowulf. And the Finnesburh fragment. Translated from the Old English, with an introductory sketch and notes by Clarence Griffin Child, assistant professor of English in the University of Pennsylvania. - Boston – New York – Chicago: The University Press Cambridge, 1944.
- 22) Booke of hawking after Prince Edwarde Kyng of Englande, The. // Reliquae Antiquae. Scraps from Ancient manuscripts illustrating chiefly Early English literature and the English language. Vol. I. – London: John Russel Smith, 1845.- P. 293-303.
- 23) Brome Abraham and Isaac, The. // British Drama. Ten plays from the middle of the fourteenth century to the end of the nineteenth. – Boston – New York – Dallas – San Francisco: Houghton Mifflin Company, The riverside Press, 1929.- P. 2-9.
- 24) Burlisques in prose and verse. // Reliquae Antiquae. Scraps from Ancient manuscripts illustrating chiefly Early English literature and the English language. Vol. I. – London: John Russel Smith, 1845.- P. 80-86.
- 25) Chambarlayn, W. A will. / W. Chambarlayn // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.- P. 334-336.
- 26) Chandler, R. Farewell, my lovely / R. Chandler – M.: Менеджер, 2000.
- 27) Congreve W. The way of the world [Text] / W. Congreve // British Drama. Ten plays from the middle of the fourteenth century to the end of the nineteenth. – Boston – New York – Dallas – San Francisco, 1929.- P. 240-264.
- 28) Cunningham, M. The Hours / M. Cunningham . – New York: Picador USA, Farrar, Straus and Giroux. 2002. – 230 P.
- 29) Deutsches Lesebuch. Von Luter bis Liebknecht. Herausgegeben von Stephan Hermlin. – Leipzig: Philipp Reclam jun., 1976.- 579 s.
- 30) Dryden, J. Defence of the Epilogue [Text] / J. Dryden // The English Language Essays by English and American Men of Letters 1490-1839. Selected and edited by W.F.Bolton. – London, 1966.- P. 55-68.
- 31) Eddy, P. Flint / P. Eddy – New York: Onyx Book, 2001. – 422 p.

- 32) Falconer, Th. and Maughan, Chr. A deposition [Text] / Th. Falconer, Chr. Maughan // *Everyday English 1500-1700*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.- P. 104-107.
- 33) Fall of the angels, The.// *An Anglo-Saxon reader in prose and verse with grammar, metre, notes and glossary* by H. Sweet, M.A., Ph. D., LL.D. – Eighth revised edition. – Oxford: Clarendon Press, 1908.- P. 131-137.
- 34) Guthlac “A = М.П. Омельницкий. Поэма о святом Гутлаке: на материале древнеанглийской поэмы «Гутлак «А»». – М.: «Реал – А», 1998.- С. 146-184.
- 35) John Ardene’s account of himself. // *Reliquae Antiquae. Scraps from Ancient manuscripts illustrating chiefly Early English literature and the English language*– London, 1845.-Vol. I- P.191-193.
- 36) Jonson, B. The case is altered [Text] / B. Jonson // *The works of Ben Jonson with a bibliographical memoir*, by W Gifford. – Boston: Phillips, Sampson & Co, 1853.
- 37) Jonson, B. Timber: or, Discoveries [Text] / B. Jonson // *The English Language Essays by English and American Men of Letters 1490-1839*. Selected and edited by W.F.Bolton. – London, 1966.- P. 37-45.
- 38) Junius. To His Grace Duke of Grafton. / Junius // *English Prose (1137-1890)*. – London, 1909.- P. 293-296.
- 39) King, Stephen. *The Shining* / S. King - New York: Pocket Books, 2001. – 683 P.
- 40) Latimer, H. The first sermon before King Edward VI / H. Latimer // *English Prose (1137-1890)*. – London, 1909. P. 36-38.
- 41) Leonard, T. A deposition [Text] / T. Leonard // *Everyday English 1500-1700*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.- P. 131-133.
- 42) Letter of Lady Mary Wortley Montagu to the Countess of Bute, A. // *English prose from Bacon to Hardy*. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. - Oxford, 1918.- P. 162-166.

- 43) Letters of Samuel Johnson. // English prose from Bacon to Hardy. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. - Oxford, 1918.- P. 182-185.
- 44) Letter of William Cowper to Lady Hesketh, A. // English prose from Bacon to Hardy. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. - Oxford, 1918.-P. 198-199.
- 45) Lodge, Th. Rosalynde: Eupheu's golden legacy / Th.Lodge // English Prose (1137-1890). – London, 1909.- P. 60-67.
- 46) Malory, Th. Le Morte D'Artur / Th. Malory // A Middle English Anthology. Edited by Ann S. Huskell. – Detroit: Wayne State University Press, 1985.- P. 478-490.
- 47) Malory, Th. The book of Sir Galahad and the achievement of the Adventure of the Sancgreal by Sir Thomas Malory / Th. Malory - London: The Astolat Press, 1904.
- 48) Medical receipts (14 century) from earlier Anglo-Saxon medical books [Text] // Reliquae Antiquae. Scraps from Ancient manuscripts illustrating chiefly Early English literature and the English language. Vol. I. – London: John Russel Smith, 1845.- P. 50-56.
- 49) Mowntayne, Th. A memoir. A deposition [Text] / Th. Mowntayne // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh, 1998.- P. 260-262.
- 50) Petronii Satvrae et liber Priareorum. – Berolini: APDV Weidmannos, 1917.
- 51) Powrie, W. A deposition [Text] / W. Powrie // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh, 1998.- P. 116-118.
- 52) Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon / E.M. Remarque - M.: Менеджер, 2002.
- 53) Robinson, E. A deposition [Text] / E. Robinson // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh, 1998.- P. 138-140.
- 54) Ruthwell Cross. // A second Anglo-Saxon reader, archaic and dialectal edited by H. Sweet. – Oxford, 1887.- P. 87-88.

- 55) Seghers, A. Das siebte Kreuz: Roman. / A. Seghers - Berlin und Weimar: Aufbau-Verl., 1973.
- 56) Seinte Marherete. // Early Middle English Texts. - London, 1961.- P. 96-100.
- 57) Sir John Bouchier. The Chronicle of Sir John Froissart. / J. Bouchier, Sir // English Prose (1137-1890). – London, 1909.- P. 24-28.
- 58) Shakespeare, W. As you like it [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992. -P. 296-324.
- 59) Shakespeare, W. The merry wives of Windsor [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.- P. 63-96.
- 60) Shakespeare, W. The Tempest [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.- P. 3-32.
- 61) Shakespeare, W. The tragedy of Macbeth [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.-P. 1113-1144.
- 62) Shakespeare, W. The tragedy of Othello, the Moor of Venice [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.- P. 1241-1284.
- 63) Shakespeare, W. The tragedy of Romeo and Juliet [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.- P. 1005-1044.
- 64) Shakespeare, W. The two gentlemen of Verona [Text] / W. Shakespeare // The complete works of Shakespeare. Edited by G.L Kittrege, Gurney Professor of English Literature in Harvard University. – New York, 1992.- P. 33-62.

- 65) Steele, R. On Dueling. / R. Steele // English prose from Bacon to Hardy. Selected and edited by E.K. Broadus and R.K. Gordon. - Oxford, 1918.- P. 99-101.
- 66) Steynings, A. A letter [Text] / A. Steynings // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh, 1998.- P. 214-216.
- 67) Swift, J. A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue [Text] / J. Swift // The English Language Essays by English and American Men of Letters 1490-1839. Selected and edited by W.F. Bolton. – London, 1966. - P. 107-123.
- 68) Thackeray, W. Vanity Fair / W. Thackeray.- Penguin Books Ltd., 1980.- 816 p.
- 69) Warneford, J. Abuse [Text] / J. Warneford // Everyday English 1500-1700. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.- P 10-23.
- 70) Williams, C. Caribbean desire / C. Williams - New York: Mills & Boon Ltd., 1995.

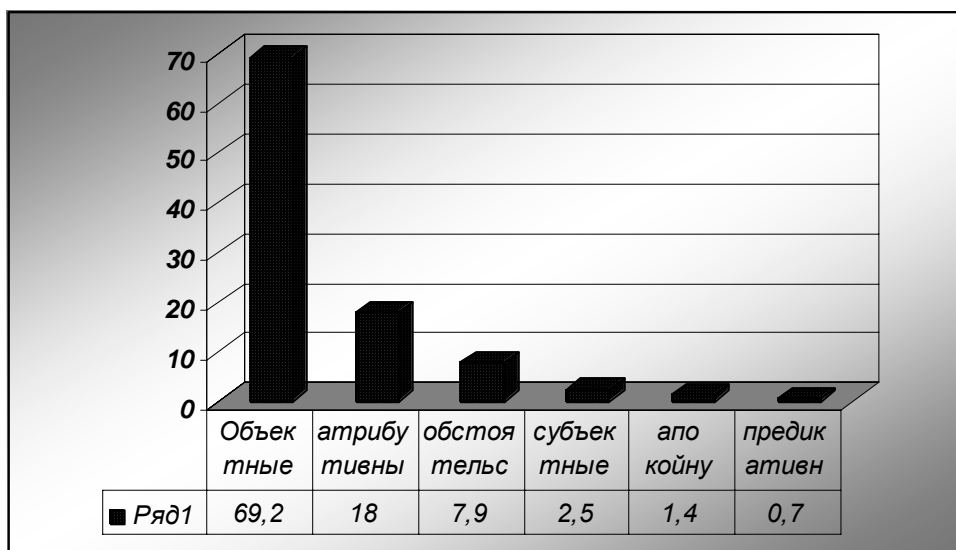
ГАЗЕТЫ

- 71) am New York, Sept. 16, 2004.
- 72) am New York, Sept. 22, 2004.
- 73) am New York, Sept. 24-26, 2004.
- 74) The New York Sun, Sept. 23, 2004.
- 75) USA Today, Aug.25, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Общее процентное соотношение различных типов НСПП в выборке

Рис. 1

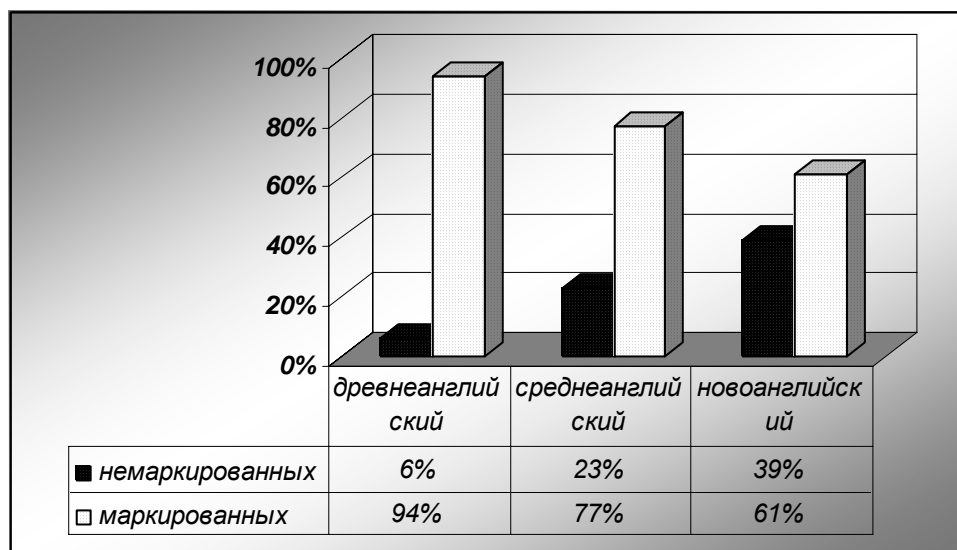
- Диаграмма отражает результаты количественного анализа различных типов НСПП в английском языке. Данные свидетельствуют о том, что доля НСПП определенного типа в выборке зависит от степени обобщенности передаваемых в нем отношений, что соответствует когнитивной закономерности развития от общего к частному, а также закономерности приоритета прагматических факторов при выборе варианта СПП.
- Как показало исследование, объектные и атрибутивные отношения, будучи самыми генерализованными из всей гипотактической парадигмы, проявляют наибольшую склонность к асиндетическому оформлению.
- Отношения предикации, выражаемые ПП субъектными и предикативными, имеют структурные и стилистические ограничения в употреблении немаркированного варианта.
- Малочисленность НСПП обстоятельственных обусловлена специфичностью выражаемых отношений (см. с. 147), а также семантическими и структурными факторами.

- Что касается конструкции апо койну, то она является реликтом. Сохраняя своеобразие и стилистический потенциал, а также структурные особенности, она не получила широкого распространения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Динамика развития НСПП в английском языке⁷

Рис. 2

- Данные диахронического анализа свидетельствуют об общей тенденции к увеличению доли НСПП в языке и речи.
- Диаграмма иллюстрирует резкий скачок числа НСПП в среднеанглийский период, что обусловлено как языковыми, так и экстралингвистическими факторами (см. Главу 2).
- На современном этапе функционирования английского языка наблюдается рост числа НСПП. Данный факт можно объяснить как с позиций прагматики, так и воздействием языковых законов: закона языковой экономии, закона антиномии.
- Результаты исследования дают основания прогнозировать дальнейшее увеличение доли НСПП в источниках различных жанров и стилей.
- Вероятным направлением развития гипотаксиса может также стать рост числа средств экспликации зависимости за счет частичной делексикализации знаменательных слов и приобретения ими статуса бифункциональных коннекторов.

⁷ Количественные данные округлены до целых долей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Классификация НСПП по степени идиоэтничности

Таблица 1

	<i>индоевропейские</i>	<i>германские</i>	<i>английские</i>
Т И П Ы Н С П П	<p>-объектные ПП (кроме подтипа <i>I wish he had come</i>);</p> <p>-условные ПП (на уровне логического подчинения);</p> <p>уступительные ПП (на уровне логического подчинения);</p> <p>- ПП со значением результата (на уровне логического подчинения);</p> <p>-ПП со значением пропорции (единичные случаи, архаич.);</p> <p>- темпоральные ПП (единичные случаи, архаич.)</p> <p>-атрибутивные ПП (на уровне логического подчинения).</p>	<p>-субъектные ПП;</p> <p>-предикативные ПП;</p> <p>-условные ПП;</p> <p>-уступительные ПП;</p> <p>-атрибутивные ПП;</p> <p>-апо койну.</p>	<p>-подтип объектных ПП <i>I wish he had come</i>;</p> <p>-субъектные ПП;</p> <p>-предикативные ПП;</p> <p>-условные ПП;</p> <p>-уступительные ПП;</p> <p>- ПП со значением результата;</p> <p>-ПП со значением пропорции;</p> <p>- ПП со значением сравнения;</p> <p>-темпоральные ПП;</p> <p>-ПП образа действия;</p> <p>-атрибутивные ПП;</p> <p>-апо койну.</p>

- Анализ типов НСПП по степени идиоэтничности иллюстрирует уровень соответствия той или иной группировки предложений

универсальным закономерностям языкового развития. По результатам исследования наиболее типичным является немаркированное оформление объектных отношений, что не противоречит когнитивной тенденции движения от общего к частному.

- Остальные группы НСПП являются идиоэтническими германскими или английскими построениями. В работе показано, что они не получили широкого распространения в других индоевропейских языках как в силу структурных особенностей, так и экстралингвистических условий развития языков.
- Как показано в таблице, наиболее богатым спектром способов немаркированного выражения подчинительных связей обладает английский язык, что также можно объяснить формальными и прагматическими факторами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Группировки НСПП по степени обусловленности воздействием языковых законов ⁸

Таблица 2

<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>
<p><i>-ПП пропорции;</i> <i>-apo койну;</i> <i>- условные ПП;</i> <i>-уступительные ПП.</i></p>	<p><i>-объектные ПП;</i> <i>-атрибутивные ПП;</i> <i>-субъектные ПП;</i> <i>-предикативные ПП.</i></p>	<p><i>-ПП результата;</i> <i>- ПП сравнения;</i> <i>-темпоральные ПП;</i> <i>-ПП образа действия.</i></p>

- Предложения группы *A* представляют построения, возникновение и функционирование которых не обусловлено действием закона экономии. Они представляют собой конструкции, возникшие в условиях неразвитости союзных средств синтаксической связи и не имеющие маркированных синонимов. В силу своей специфичности не подвержены тенденции к экспликации синтаксических отношений.
- В группу *B* входят предложения, имеющие как маркированный, так и немаркированный варианты. Вероятно, первичным был немаркированный вариант, однако уже на ранних этапах развития языка под влиянием тенденции к экспликации синтаксических отношений в целях максимально четкого выражения смысла сформировался маркированный синоним. Предложения данной группы, таким образом, находятся под влиянием двух разнонаправленных тенденций. Предпочтение того или иного синонима обусловлено закономерностью прагматического приоритета выбора.
- Группа *C* включает в себя построения, возникшие в результате действия закона языковой экономии.

⁸ Имеется ввиду антиномия экономии языковых усилий, результирующей в использовании НСПП, и максимальной экспликации характера синтаксической зависимости.

